

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

15

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

«Газпромбанк» (Акционерное общество) – один из крупнейших универсальных финансовых институтов России, предоставляющий широкий спектр продуктов и услуг корпоративным и частным клиентам, финансовым институтам, институциональным и частным инвесторам.

Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики и занимает сильные позиции на отечественном и международном финансовых рынках, являясь одним из российских лидеров по организации и андеррайтингу выпусков корпоративных облигаций, управлению активами, в сфере частного банковского обслуживания, корпоративного финансирования и других областях инвестиционного банкинга.

Банк является одним из технологических лидеров на российском финансовом рынке. За последние несколько лет был успешно реализован проект цифровой трансформации: перестроена IT-инфраструктура, внедрены новые сервисы для улучшения клиентского опыта, перезапущены дистанционные каналы обслуживания.

Gazprombank (Società per azioni) è una delle più grandi istituzioni finanziarie universali in Russia, che fornisce un'ampia gamma di prodotti e servizi a clienti aziendali e privati, istituzioni finanziarie, investitori istituzionali e privati.

La Banca serve i settori chiave dell'economia russa e detiene forti posizioni nei mercati finanziari nazionale e internazionale, essendo uno dei leader russi nell'organizzazione e sottoscrizione di emissioni di obbligazioni societarie, asset management, nel settore del private banking, corporate finance e altre aree dell'investment banking.

La Banca è uno dei leader tecnologici nel mercato finanziario russo. Negli ultimi anni è stato realizzato con successo il progetto di trasformazione digitale: riorganizzata infrastruttura IT, implementati i nuovi servizi atti a migliorare l'esperienza del cliente, rilanciati i canali di servizio da remoto.

Conoscere Eurasia Edizioni

XV

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'Associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб–квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А. С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменах, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Литературный институт имени А. М. Горького

Литературный институт имени А. М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А. М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами. В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В. В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario

Maria Pia Pagani

Curatore della parte russa

A. V. Jampol'skaja

Progettazione e cura grafica

Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori

Per le traduzioni © Traduttori

Per l'Edizione © 2024 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

Главный редактор

Мария Пиа Пагани

Редактор русской части

А. В. Ямпольская

Разработка проекта и графическое оформление

Унидея

© Рассказы. Авторы произведений

© Переводы. Переводчики произведений

© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2024

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

15

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Il Premio letterario italo-russo “Raduga” è giunto alla quindicesima edizione, e si conferma come uno dei più prestigiosi premi letterari internazionali del Nuovo Millennio. Si tratta di un traguardo che, negli anni, è stato coltivato con perseveranza e amore per la cultura, nel vivo desiderio di offrire una possibilità a giovani narratori e traduttori di emergere oppure di consolidare la carriera. E si tratta di un traguardo, è bene ricordarlo, che ha dovuto affrontare la pandemia e le varie vicissitudini del tempo presente.

Come si può vedere dall'Albo d'Oro del nostro Almanacco letterario, che viene puntualmente aggiornato a ogni edizione, si sono già avvicendate due generazioni di partecipanti (se ne contano migliaia): sono tutti giovani accomunati da una spiccata sensibilità umana e dal desiderio di mettere a frutto un particolare talento per la scrittura.

In un mondo sempre più minacciato dal dominio dell'intelligenza artificiale, il Premio “Raduga” difende la creatività “naturale” dei narratori e dei traduttori, proponendosi

come ponte di dialogo fra due millenarie culture – quella italiana e quella russa. Tutti i racconti selezionati indagano la vita umana e i suoi valori profondi, la complessità dei sentimenti e le contraddizioni del quotidiano, dando anche voce ai ricordi di genitori e nonni in un processo di confronto transgenerazionale che non smette mai di stupire. Il mutevole fluire della vita, in tutte le sue epoche e con tutte le sue complessità, resta il perno sul quale si intrecciano tradizione e innovazione, speranze e paure.

Anche se le delusioni esistenziali sono tante, prevale la volontà di resistenza che stimola ad andare sempre avanti, a impegnarsi ad agire con impegno e determinazione per un domani migliore, grazie allo sforzo dei singoli che poi diventa sforzo collettivo di un popolo. Questa visione fiduciosa è la stessa che guida le attività dell'Associazione “Conoscere Eurasia”, nella certezza che investire sui giovani è un obbligo morale e sociale per contribuire alla trasformazione della nostra società in una comunità basata sui valori fondamentali dell'uomo.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Российско–итальянская литературная премия «Радуга», итоги пятнадцатого сезона которой мы подводим, остается одним из самых престижных международных литературных конкурсов нового тысячелетия. Это важная веха, к которой мы настойчиво шли на протяжении лет, движимые любовью к культуре и искренним желанием помочь молодым писателям и переводчикам заявить о себе или подняться на новую ступеньку в литературной карьере. Важно не забывать, что мы пришли к этой вехе, преодолев период пандемии и целый ряд трудностей сегодняшнего дня.

Как видно из опубликованного в альманахе почетного перечня победителей и финалистов, который обновляется каждый год, уже сменилось два поколения участников (число которых измеряется тысячами): всех этих молодых людей объединяет обостренное восприятие, гуманизм, стремление поставить на службу людям свой яркий литературный талант.

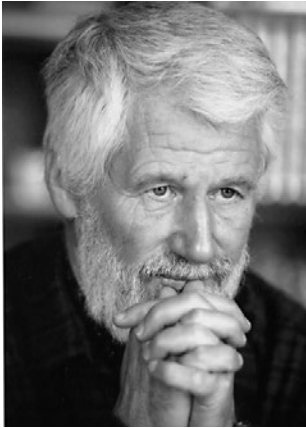
В мире, которому все больше грозит оказаться во власти искусственного интеллекта, премия «Радуга» отстаивает «естественное» творчество писателей и переводчиков, помогает поддерживать диалог между двумя древними культурами – итальянской и русской. Авторы отобранных рассказов стремятся понять жизнь, ее глубинные ценности, сложные человеческие чувства и повседневные противоречия, в том числе озвучивая воспоминания родителей, бабушек и дедушек, голоса которых вместе с голосами молодых сливаются в удивительный хор. Изменчивое течение жизни во все эпохи и во всей ее неоднозначности — вот неизменная основа, вокруг которой переплетаются традиции и новаторство, надежды и страхи.

И хотя жизнь нередко разочаровывает, остаются силы сопротивляться, идти вперед, упорно, не щадя себя, бороться за лучшее будущее — усилия отдельных людей объединяются, превращаясь в усилия целого народа. Вера в будущее — то, чем руководствуется в своей деятельности Ассоциация «Познаем Евразию», ведь помогать молодым — нравственный и общественный долг, исполнить который означает внести свой вклад в преобразование нашего общества в сообщество, основанное на фундаментальных человеческих ценностях.

Б. Н. Тарасов

Профессор Литературного института имени А. М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

Несмотря на усложняющиеся обстоятельства гуманитарного, историко-культурного, социально-политического характера последнего времени, премия «Радуга» по-прежнему вызывает живой интерес у молодых писателей и переводчиков. Как и в прошлом году, на конкурс поступило более трехсот пятидесяти заявок – не только из Москвы, Санкт-Петербурга, крупных региональных центров, из Татарстана, Чувашии, Хакасии, Дальнего Востока, ДНР и ЛНР, Херсонской области, Краснодарского и Ставропольского краев, а также и из Белоруссии, Казахстана, Армении, из Германии, Италии, Сербии, Венгрии.

Впечатляет и разнообразие социальных и возрастных групп, которые приняли участие в конкурсе. В культурный и литературный процесс включились представители разных профессий и статусов (врачи, юристы, финансисты, предприниматели, студенты, аспиранты, магистранты и др.).

Особую группу составили те, кто имеет уже тот или иной творческий опыт и является лауреатом тех или иных конкурсов или номинантом «Радуги», публиковался в печатных и электронных СМИ и является членом писательских союзов или литературных объединений.

Важной отличительной особенностью завершившегося пятнадцатого сезона, отразившейся и в новом альманахе, стала тенденция отхода рассказчиков от элементов постмодернизма и фэнтезийной игры воображения. Динамика конкурса показывает все большее внимание конкурсантов к внутренним душевно-нравственным конфликтам в душах людей, в их сознании и подсознании, которые влияют на выбор ценностных ориентиров, подспудно ведущих к гармонизации или, напротив, к деградации личностных и общественных взаимоотношений.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

Nonostante le circostanze umanitarie, storiche, culturali e socio-politiche sempre più complesse degli ultimi tempi, il Premio Raduga continua a suscitare vivo interesse tra giovani scrittori e traduttori. Come l'anno scorso, al concorso sono arrivate più di trecentocinquanta candidature - non soltanto da Mosca, San Pietroburgo, i grandi centri regionali, ma anche da Tatarstan, Ciuvascia, Chakassia, Estremo Oriente, Repubblica Popolare di Donec e Repubblica Popolare di Lugansk, regione di Cherson, territori di Krasnodar e Stavropol', così come da Bielorussia, Kazakistan, Armenia, Germania, Italia, Serbia, Ungheria.

Impressionante è anche la diversità delle fasce sociali e di età di coloro che hanno preso parte al concorso. Nel processo culturale e letterario sono stati coinvolti rappresentanti di diverse professioni (medici, avvocati, finanziari, imprenditori, studenti, dottorandi, laureandi, ecc.).

Un gruppo speciale è costituito da coloro che hanno già al loro attivo un'altra esperienza creativa, oppure sono vincitori di un altro concorso, oppure sono già stati finalisti del Premio Raduga, sono stati pubblicati su carta stampata ed elettronica e sono membri di associazioni di scrittori o letterarie.

Un'importante caratteristica distintiva della quindicesima edizione, che si riscontra nel nuovo almanacco, è stata la tendenza dei narratori ad allontanarsi dagli elementi del postmodernismo e dell'immaginazione fantasy. Le dinamiche del concorso mostrano la crescente attenzione dei partecipanti ai conflitti mentali e morali che soggiacciono nell'anima delle persone, nella loro coscienza e subconscio, che influenzano la scelta dei valori, portando implicitamente all'armonizzazione o, al contrario, al degrado delle relazioni personali e sociali.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla quindicesima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Российско–итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в пятнадцатый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana
Итальянское жюри

Carlo Feltrinelli è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли, с 1988 г. генеральный директор издательства, основанного в 1955 г. его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 г. президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 г. президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и обществознания. С 2015 г. президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Matteo Cavezzali, scrittore e drammaturgo. È autore di romanzi con cui ha vinto il Premio Comisso e del Premio Volponi. Tra i suoi libri *Icarus. Ascesa e caduta di Raul Gardini* (2018), *Nero d'inferno* (2019) e *Il labirinto delle nebbie* (2022). È ideatore e direttore di ScrittuRa Festival Ravenna e autore di podcast per la Rai.

Маттео Кавеццали, писатель и драматург. Автор романов, отмеченных Премией Комиссо и Премией Вольпони. Среди его книг «Икар. Взлет и падение Рауля Гардини» (2018), «Чернее ада» (2019), «Туманный лабиринт» (2022). Создатель и директор литературного фестиваля «ScrittuRa Festival Ravenna», автор подкастов для RAI.

Stefano Garzonio, già professore ordinario di slavistica (lingua e letteratura russa) presso l'Università di Pisa, è stato presidente dell'*Associazione Italiana degli Slavisti* nel periodo 1999-2009. Ha condotto ricerche nell'ambito della storia e della teoria del verso russo, della storia della letteratura russa del XVIII secolo, dei rapporti culturali italo-russi, della storia della poesia russa del secolo d'argento e della emigrazione russa in Italia. Ha curato la pubblicazione di due antologie, *Poesia Russa* (2004) e *Lirici Russi dell'Ottocento* (2011), ed è autore di due raccolte di versi in lingua russa (2017, 2020). Ha curato e tradotto opere di Lermontov, Turgenev, Dostoevskij, G. Ivanov, Majakovskij e dei poeti russi del XIX secolo.

Nel 2007 è stato insignito con decreto del Presidente della Federazione russa della medaglia "A. Puškin" per lo sviluppo delle relazioni culturali tra Italia e Russia. Nel 2010 ha ricevuto il premio letterario "Globus" (Mosca).

Стефано Гардзонио, многие годы – ординарный профессор по кафедре славистики (русский язык и литература) в Пизанском университете, в 1999–2009 гг. – президент Итальянской ассоциации славистов. Его научные интересы охватывают историю и теорию русского стиха, историю русской литературы XVIII в., российско-итальянские культурные связи, историю русской поэзии Серебряного века и творчество русских поэтов-эмигрантов в Италии. Составитель антологий «Русская поэзия» («Poesia Russa», 2004) и «Русские поэты-лирики XIX века» («Lirici Russi dell'Ottocento», 2011), автор двух сборников стихов на русском языке (2017, 2020). Перевел на итальянский и подготовил к изданию произведения Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Г. Иванова, Маяковского и русских поэтов XIX в. В 2007 г. указом Президента Российской Федерации награжден медалью Пушкина за заслуги в развитии российско-итальянского культурного сотрудничества. В 2010 г. удостоен литературной премии «Глобус» (Москва).

Maria Pia Pagani, docente dell'Università di Napoli "Federico II", è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e l'arte di Eleonora Duse. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij e fa parte dell'editorial board di varie riviste accademiche, tra cui "Stanislavski Studies" (Taylor & Francis).

Мария Пиа Пагани, преподаватель Неаполитанского университета имени Фридриха II, автор книг и научных статей о русском театре и творчестве Элеоноры Дузе. Лауреат Премии для молодых ученых имени Марии Корти (2003), Премии имени Чезаре Анджелини (2004), Премии «Foyer des Artistes» (2006) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского, член редколлегии ряда научных журналов, в том числе – «Stanislavski Studies» («Тейлор & Френсис»).

Giuliano Pasini si occupa di comunicazione e reputazione per una delle più importanti società italiane del settore. I suoi romanzi *Venti corpi nella neve* (Fanucci), *Io sono lo straniero* e *Il fiume ti porta via* (entrambi Mondadori) hanno ricevuto numerosi riconoscimenti e sono stati tradotti in diversi paesi. È presidente del Premio Letterario Massarosa e membro di giuria di concorsi nazionali di narrativa.

Джулиано Пазини работает в одном из престижных итальянских агентств, предоставляющих комплекс маркетинговых и коммуникационных услуг. Его романы «Двадцать тел на снегу» (изд. «Фануччи»), «Я – чужой» и «Река уносит тебя» (обе книги вышли в издательстве «Мондадори») получили множество наград и были переведены на разные языки. Президент Литературной премии «Массароза», член жюри национальных конкурсов художественной прозы.

Andrea Tarabbia, scrittore, vive a Bologna. Ha pubblicato, tra gli altri, i romanzi *Il demone a Beslan* (2011 e 2021) e *Il giardino delle mosche* (2015, Premio Manzoni 2016 e Premio Selezione Campiello 2016). Nel 2012 ha curato e tradotto *Diavoleide* di Michail Bulgakov. Nel 2018 ha scritto *Il peso del legno*, un saggio narrativo con tema la croce. Ha curato l'antologia *Racconti di demoni russi* (2021). Con *Madrigale senza suono* (2019), ha vinto la 57° edizione del Premio Campiello. Il suo libro più recente è *Il Continente bianco* (2022).

Андреа Тараббья, писатель, живет в Болонье. Автор романов «Демон в Беслане» (2011, 2021), «Мушиный сад» (2015, Премия Мандзони 2016, финалист Премии Кампьялло 2016). Перевел на итальянский и подготовил к печати «Дьяволиаду» Михаила Булгакова (2021). В 2018 г. опубликовал эссе «Тяжесть дерева», посвященное теме креста в евангельском повествовании. Составитель антологии «Русские демонические рассказы» (2021). Роман «Беззвучный мадригал» (2019) принес ему Премию Кампьялло (57-ой сезон). Последнее произведение – роман «Белый континент» (2022).

**Российское жюри
Giuria russa**

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'shaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

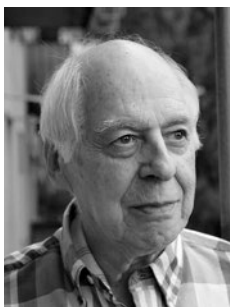
Андрей Валерьевич Геласимов, писатель, драматург. Кандидат филологических наук. Заслуженный деятель искусств РФ. Ведет семинар прозы в Литературном институте имени А. М. Горького. Лауреат премии имени Аполлона Григорьева, премии журнала «Октябрь», «Студенческий Букер», «Национальный бестселлер», премии «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева, Московской Арт Премии и др. В 2005 г. на Парижском книжном салоне признан самым популярным во Франции русским писателем.

Andrej Valer'evič Gelasimov, scrittore, drammaturgo. Personalità emerita delle arti della Federazione Russa. Tiene un seminario di prosa presso l'Istituto Letterario A.M. Gorkij. È vincitore del Premio Apollon Grigor'ev, del Premio della rivista «Octjabr'», del Premio Student Booker, del Premio Bestseller Nazionale, del Premio «Estremo Oriente - V.K. Arsen'ev», del Premio Artista Moscovita e altri. Nel 2005, al Salone del libro di Parigi, è stato riconosciuto come lo scrittore russo più popolare in Francia.

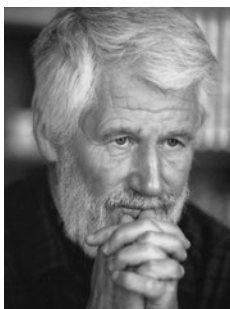
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г. В издательстве «Искусство – XXI век» в 2022 г. вышел сборник рассказов «Пересечения», положительно встреченный критикой.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha anche cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie «Oktjabr'» e «Znamja». Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*. Nel 2022 la casa editrice Iskusstvo – XXI Secolo ha pubblicato la sua raccolta di racconti *Intersezioni*, che è stata accolta positivamente dalla critica.

Евгений Михайлович Солонович, поэт и переводчик. Почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапьенца», командор ордена Звезды итальянской солидарности, лауреат Государственной премии Италии в области художественного перевода, Премий Монтале, Квазимодо, Диего Валери, Умберто Беллинтани, Леричи Пеа и Монделло, а также российских премий «Иллюминатор», «Венец», «Мастер» и др. В 2023 г. награжден медалью Рима.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. È stato insignito della laurea *honoris causa* dall'Università di Siena e del dottorato *honoris causa* dall'Università “La Sapienza” di Roma. È commendatore dell'Ordine della Stella della Solidarietà Italiana. Ha ricevuto il Premio nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Quasimodo, il Premio Diego Valeri, il Premio Umberto Bellintani, il Premio Lericci Pea e il Premio Mondello, nonché i premi russi “Illjuminator”, “Venec”, “Master” e altri. Nel 2023 gli è stata conferita la medaglia di Roma.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А. М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф. М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, доктор лингвистики. Руководитель итальянского переводческого семинара в Литературном институте имени А. М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н. В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода, Золотой медали Общества имени Данте Алигьери, премии «Инолиттл» и др.

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato, dirige il seminario di traduzione italiana presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio Gogol' in Italia, il Premio nazionale per la traduzione (Italia), la Medaglia d'oro della Società Dante Alighieri, il Premio "Inolittl" e altri.

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Elisa Agostinelli	Элиза Агостинелли
Matilda Balboni	Матильда Бальбони
Antonia Cofano	Антония Кофано
Arianna Lombardo	Арианна Ломбардо
Gian Michele Sella	Джан Микеле Селла

Elisa Agostinelli

Traduzione in russo di Ol'ga Baljaeva

Элиза Агостинелли

Перевод на русский язык Ольги Баляевой

L' ATTESA

Un risuonare metallico, vibrante, di qualche cosa che cade, una scintilla a frantumare la notte. Colpa del vento, appesantito dalla polvere e dalla sabbia, che si artiglia alle estremità delle tende e anima i rifiuti disseminati.

Un altro colpo: ora netto, deciso. Schiuse le palpebre: un'ombra si agitava proiettando i suoi contorni immersa in una nube di luce. Si rigirò su un fianco, infastidita da quel barlume inatteso. Dei passi, ovattati dal silenzio; l'accenno di un tocco farsi sempre più invadente, tanto da scuoterla in un tremore. Spalancò gli occhi e si trovò davanti un volto affannato, dallo sguardo perso. Temeva che non si sarebbe mai svegliata?

Tentò di dibattersi attraverso la foschia ottusa in cui la stanchezza la rigettava. Il battere ricominciò, cadenzato, sfolgorante nel suo sottile riecheggiare. Niente da fare. La scosse ancora, più forte: urlava in un gergo incomprensibile, arpionando le dita aguzze sulle sue spalle.

“One moment!” – cercò di dirle, mostrandole le mani aperte.

Era venuto a trovarla in sogno. Riusciva ancora a scorgerlo, nella bruma depositata dal sonno sul bordo delle ciglia, nonostante la luce sferzante che le spingeva da sotto il mento. Ne sentiva la presenza all'angolo: la scrutava, giulivo, seduto a gambe accavallate, la mano a reggersi la testa. Se solo si fosse voltata... Ma non c'era più tempo. Si vestì, infilò le scarpe e caricò il borsone sulle spalle.

Nel seguirla, comprese il motivo della sua fretta: era già vecchia. Per quanto tentasse di precederla, camminava a stento, ad ogni passo dondolando su se stessa. Nomenclature vaghe di malattie fisiatrici le galleggiarono alla mente, ordinate secondo gli indici dei manuali dell'università. Era difficile scorgere qualcosa, oltre l'alone lattiginoso proiettato dalla torcia, altalenante per via del tremore. Si offrì di tenerla al suo posto. La vecchia annuì e ansando gliela porse, insieme al barattolo di latta che reggeva, attraverso un fil di ferro, al polso.

Udirono un grido riecheggiare distante. La vecchia la trattenne per un braccio, allargando le sopracciglia in uno stupore disteso. Ascoltò ancora, immobile, come un animale irrigidito dal richiamo di un simile in pericolo.

“Di là” – disse. Iniziò a correre, temendo ad ogni passo di inciampare a causa del peso del borsone.

ОЖИДАНИЕ

Металлический звук падения в содрогнувшемся воздухе, ночь расколола вспышка. Это все ветер: потяжелевший от песка и пыли, он цеплялся за края палаток, вдыхал жизнь в рассеянный кругом мусор. Новый удар, на этот раз отчетливый, решительный. Она приоткрыла веки: в облаке света угадывались очертания мечущейся тени. Пришлось перевернуться на бок, чтобы не видеть назойливых вспышек. За едва различимыми в тишине шагами последовало прикосновение — поначалу легкое, но все более настойчивое, пока чужие руки не затрясли ее. Распахнув глаза, она увидела перед собой чье-то запыхавшееся лицо со взглядом, полным тревоги, — от страха, что она не проснется?

Она попыталась вынырнуть из дурманящей трясины, в которую затягивала накопившаяся усталость. Снова удары — размеренные, громыхающие в слабом отзвуке эха. Делать нечего. Ее тряхнули снова, уже сильнее. В плечи впилась костлявые пальцы женщины, кричавшей что-то на непонятном языке. — *One moment*¹, — неуверенно проговорила она, показывая раскрытые ладони.

Ей приснился он. Даже сейчас, несмотря на резкий свет, давящий где-то под подбородком, она еще различала его образ в пелене сна на кончиках ресниц. Чувствовала, что он там, за углом: вот он сидит нога на ногу, подперев рукой голову, радостно наблюдает за ней. Ей бы только обернуться... Но времени не оставалось. Она оделась, обулась и закинула увесистую сумку за спину.

По дороге стало понятно, почему женщина так торопилась: ей было немало лет, она шла с трудом, покачиваясь на каждом шагу, хотя и силилась не отставать. В голове замелькал калейдоскоп медицинских терминов: они выстроились в строгом порядке, как в учебнике. Фонарь в подрагивающей руке старухи бросал на землю колеблющееся пятно молочного сияния, вокруг — непроглядная темнота. Когда она предложила свою помощь, старуха, с трудом переводя дух, кивнула и всучила ей фонарь вместе с жестяной банкой, болтавшейся у нее на запястье на самодельной ручке из проволоки.

Вдалеке прокатилось эхо крика. Старуха, в вытянувшемся лице и изогнутых бровях которой читалось глубокое изумление, придержала ее за руку. Она снова прислушалась, замерев, точно зверь,

1 Минуточку (*англ.*).

Si voltò indietro un'ultima volta, ma la vecchia era già lontana. Affannava, col busto chino piegato sulle ginocchia, assicurandosi con lo sguardo che seguisse la strada che con un gesto in aria le aveva indicato.

Altre grida si succedettero. Si soffermò su tende sbagliate, sorprendendo gente rapita dal sonno, che la cacciò via alterata. Il richiamo si fece a poco a poco più vicino, più chiaro. Accelerò il passo, agitata: comparve una tenda illuminata, già aperta. Entrò.

“Ecco l'infermiera!” – esclamò la dottoressa. Si guardò attorno. Non aveva allestito niente: non c'erano né garze, né guanti, né soluzioni alcoliche. Solo una grande tinozza all'angolo, dove l'acqua, intonsa, oscillava impercettibile.

“Io non mi intendo di parti” – continuò la dottoressa, rivolta alla donna distesa. – “Ma lei ti aiuterà”. L'infermiera scrutò il viso imperlato di sudore della partoriente, la smorfia di dolore che le torceva la bocca: non doveva avere più di vent'anni. Dopo aver lanciato un ultimo grido, la guardò dritta negli occhi e svelta, le disse qualcosa, a fiato corto.

“Che cosa ha detto?” – chiese.

“Oh, non lo so. Cose che si dicono quando si partorisce, immagino. Non ne ho la minima idea”.

“Da quanto è entrata in travaglio?”

La dottoressa accennò un sorriso sulle labbra strette. “Che importa, da quanto? Non ci resta che aspettare”.

E perché mi avete chiamato, allora, si disse. Appoggiò il borsone e fece spazio sul ripiano che doveva servire da tavolo per disporvi sopra il necessario. In quel momento la vecchia comparve sulla soglia, esitante, come se temesse d'essere scacciata via. Gettò uno sguardo incerto alla dottoressa e quando s'accorse che non faceva caso a lei, si mise in un angolo, silenziosa.

Quel lamento era uno spettro che nell'ombra attendeva di mostrarsi. Lo vide affannarsi alle spalle della giovane, poi intrufolarsi di colpo nella sua bocca, soffocando in gola il suo respiro. Si avvicinò portandole una mano all'addome, lì dov'era acquattato, e le mostrò come ammansirlo a lunghi respiri. Lei si aggrappò a quella stretta e ipnotizzata ne imitò i gesti, annuendo a quelle parole indecifrabili.

“Ha un bellissimo viso” – notò la dottoressa, come tornando alla realtà. – “Sembra una madonna del Mantegna”.

встревоженный зовом попавшего в беду сородича, и бросилась туда, откуда доносился голос, думая только о том, как бы не споткнуться и не упасть под тяжестью ноши. Оглянувшись в очередной раз, она увидела, как старуха, оставшаяся далеко позади, махнула в нужном направлении и теперь следила за ней, сгорбившись и тяжело дыша.

Снова раздались крики. Несколько раз она врывалась в чужие палатки, заставляя врасплох еще спящих людей, которые тут же яростно ее прогоняли. Жалобный зов становился все ближе, все отчетливее. В волнении она зашагала быстрее. Показалась открытая палатка, внутри которой горел свет. Она вошла. — А вот и сестра! — воскликнула врач.

Она огляделась. Ничего не было подготовлено: ни марли, ни перчаток, ни спиртового раствора. Лишь большая бадья с чистой водой, поверхность которой едва заметно колыхалась.

— Я в родах ничего не понимаю, — продолжила врач, обращаясь к лежащей на спине молодой женщине.

— Но теперь тебе помогут.

Лицо роженицы было усеяно каплями пота, рот исказился в гримасе боли. На вид ей было не больше двадцати. Испустив очередной крик, она посмотрела новоприбывшей прямо в глаза и выпалила что-то, ловя ртом воздух.

— Что она сказала?

— Откуда я знаю. Надо думать, то, что обычно говорят во время родов. Понятия не имею.

— Давно начались схватки?

На тонких губах докторши мелькнула улыбка.

— Какая разница? Мы можем только ждать.

«Зачем тогда позвали меня?» — недоумевала про себя медсестра, опуская сумку и принимаясь расчищать место на полке, где можно было разложить все необходимое. В это мгновение на пороге появилась старуха: она не решалась войти, словно боялась, что ее выставят вон. Бросив неуверенный взгляд на врача и убедившись, что на нее никто не обращает внимания, она беззвучно примостилась в углу.

Казалось, стенание затаилось в тени, поджидая своего часа. Нависло над молодой женщиной, а потом резко юркнуло ей в горло, стеснило дыхание. Подойдя ближе, медсестра поднесла руку к животу роженицы — туда, где оно спряталось, — и показала, как правильно дышать, чтобы его приручить. Женщина вцепилась ей в руку и, словно загипнотизированная, повторяла за ней, кивая в ответ на непонятные слова.

La dottoressa procurò una sedia alla vecchia e le fece segno di sedersi. Quella abbassò il capo a più riprese e si sedette sistemandosi lo scialle sul capo. Non passò che qualche istante che cadde addormentata. La giovane, pure nello spasmo del dolore, non riuscì a trattenere un risolino. Approfittando di quel momento, ricercò la loro attenzione e sussurrò qualcosa di sottocchi, voltandosi da una parte all'altra.

“We don't understand” – rispose la dottoressa, ondeggiando un indice.

Con la stessa decisione ripeté quelle parole, facendo ricadere a più riprese una mano sul suo grembo. Infine, la giovane, esausta, si asciugò la fronte e adagiò il capo sul cuscino con un lungo sospiro. S'annoiavano. La vecchia, di tanto in tanto, sobbalzava di scatto, come tramortita da un colpo alla nuca; si guardava attorno, a palpebre socchiuse, per poi ricadere nella trappola del sonno.

“Com'è che deve durare così tanto?” – si chiese l'infermiera, scrutando il volto impassibile e fresco della dottoressa, nonostante la penombra le tratteggiasse due profondi solchi a lato delle guance. La stanchezza le gelava le ossa; si alzò più volte nella speranza di tenersi sveglia. Affacciandosi all'uscio, si stupì della pace che le circondava. Pareva che quella giovane nascondesse in sé tutto il resto del mondo, e solo loro quattro fossero rimaste. Un tocco alle spalle la fece sussultare.

“È ora” – sentì dire la dottoressa.

L'infermiera rientrò. Infilò i guanti e il camice, mettendosi in postazione. Guardò più volte la dottoressa, in attesa di un segnale, ma quella camminava da una parte all'altra della stanza a braccia conserte, assorta.

L'infermiera bagnò le garze di disinfettante sotto lo sguardo atterrito della ragazza. Non ne sapeva niente di parti neanche lei: rimase immobile, incapace di azzardare anche la manovra più elementare, le dita irrigidite dallo sgomento.

Per fortuna, il bambino nacque da solo. Lo passò alla vecchia, che nel frattempo s'era svegliata ed era rimasta attonita in un angolo.

“Bene” – concluse la dottoressa, accendendosi una sigaretta. Con un cenno indicò all'infermiera di proseguire.

“È lei il medico” – disse l'infermiera, prendendo il necessario per la sutura. La dottoressa gettò la sigaretta appena accesa, s'infilò i guanti e le si mise accanto. “Ti guido io. Ma iniettale un sedativo, prima”.

— Какое хорошенькое у нее лицо, — заметила докторша, словно возвращаясь в реальность. — Ни дать ни взять Мадонна Мантеньи.

Она принесла стул и указала на него старухе. Та несколько раз поклонилась и затем уселась, покрыв голову платком. Не прошло и нескольких секунд, как она заснула. Несмотря на болезненные схватки, роженица не сдержала смехок. Воспользовавшись тем, что старуха не слышит, она подала им знак и тихонько зашептала что-то, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— We don't understand², — покачала указательным пальцем докторша.

Женщина упрямо повторяла одно и то же, при этом ее рука раз за разом опускалась на живот. Наконец, выбившись из сил, она отерла лоб и с глубоким вздохом откинула голову на подушку.

Время тянулось. Старуха то и дело вздрагивала, будто кто ее ударил по затылку, оглядывалась с полузакрытыми глазами и снова проваливалась в сон.

«Когда же это кончится», — подумала медсестра, рассматривая лицо докторши, безучастное и свежее, несмотря на то что полумрак прочертил на ее щеках две глубокие складки. От усталости озноб пробирал до костей, не раз и не два она вставала в надежде стряхнуть с себя сон. Снаружи было до странности тихо. Казалось, все существующее скрылось в утробе рожавшей женщины, в целом мире осталось только их четверо. Кто-то коснулся ее плеча, она вздрогнула.

— Пора.

В палатке медсестра надела перчатки и халат, встала наготове. Время от времени она поглядывала на докторшу в ожидании сигнала, но та сосредоточенно ходила из угла в угол, скрестив руки на груди.

Пока она смачивала марлю антисептиком, роженица не сводила с нее испуганных глаз. Медсестра тоже мало что понимала в родах и, точно оцепенев в замешательстве, с негнушимися пальцами, не решалась даже на самую элементарную манипуляцию.

К счастью, женщина родила самостоятельно, вмешательства не потребовалось. Медсестра передала ребенка старухе — давно проснувшейся и остолбенело наблюдавшей за происходящим из своего угла.

— Вот и замечательно, — заключила докторша, закуривая сигарету и кивком приглашая ее продолжить.

2 Мы не понимаем (англ.).

La lasciarono che dormiva. La vecchia le aveva posto accanto il bambino, anche lui addormentato. Prima che se ne andassero prese il barattolo di latta e lo mise sotto i loro occhi.

“Che c’è?” – chiese l’infermiera, sfinita, alla dottoressa.

La dottoressa prese il barattolo e armeggiò intorno al ripiano.

“Ho riordinato tutto” – le disse l’infermiera, seguendola con lo sguardo.

La dottoressa con le mani nude si mise a cercare in un sacchetto. “Non tutto” – rispose, estraendone il cordone ombelicale. Lo gettò nel barattolo, che risuonò vibrando, e lo porse alla vecchia.

L’alba proiettava le sue prime luci. Presto un brulicare di vite si sarebbe diffuso da tenda a tenda: lo scoppiettare dei fuochi, gli scrosci d’acqua nei secchi, i vestiti gonfiati all’aria. Ancora, di nuovo, l’attesa: di cibo, acqua pulita, nuovi vestiti.

“Sei brava” – disse la dottoressa – “Com’è che sei qui?”

“Per fare esperienza” – rispose l’infermiera.

La vide gettare il capo all’indietro, un ghigno allargarsi sulle labbra.

“Non si viene fino a qua per fare esperienza”.

“E per cosa allora?”

La dottoressa ondeggiò una mano per aria, come a scacciare un insetto. “Difficile da spiegare... Ho sempre sofferto di doloretto, agli occhi, alle ossa” – mostrò una mano ossuta, artritica – “Ma un mallessere così non l’avevo mai provato”.

Scrollò le spalle con energia, tanto che il cappello fu sul punto di caderle. “Mi aspettavo qualcosa, per le mie ricerche, che non è mai arrivato. Non si dovrebbe mai fare quello che si ama solo nella speranza che venga riconosciuto”.

L’infermiera tacque. Il sole si arrampicava alto nel cielo, nessuna fronda a offrire il riposo dell’ombra. Un’altra lunga giornata di polvere, si disse, polvere sopra ogni cosa: a infastidire la vista, a soffocare la voce, a intralciare i pensieri.

Scorsero in lontananza l’insegna lampeggiante dei camion degli aiuti umanitari. Affrettarono il passo.

“Forse quello che si cerca è solo una giustificazione” – le fece notare l’infermiera, senza pensarci.

— Вы здесь врач, — возразила она, подготавливая необходимые для наложения швов инструменты. Бросив едва начатую сигарету, докторша натянула перчатки и встала рядом.

— Я помогу тебе. Но для начала вколи-ка ей успокоительное.

И молодая мама, и ребенок у нее под боком — туда его заботливо пристроила старуха — спали. Когда они уже уходили, она сунула им под нос жестяную банку.

— Ну, что еще? — устало запротестовала медсестра, наблюдая за тем, как врач берет банку и суетится у полки. — Я все убрала.

Докторша запустила руки без перчаток в мешок и принялась что-то искать.

— Нет, не все, — она извлекла на свет отрезанную пуповину и бросила ее в глухо задремавшую банку, потом протянула ее старухе.

По небу поползли первые лучи рассвета. Вот-вот в палатках все придет в движение: затрещит огонь, в ведра польется вода, одежда надуется ветром. Бесконечное ожидание. Ожидание еды, чистой воды, новых вещей.

— А ты неплохо справилась, — сказала докторша. — Зачем ты сюда приехала?

— Набраться опыта.

Откинув голову назад, та растянула губы в насмешливой улыбке.

— В такую даль не едут ради опыта.

— Ради чего же?

Она махнула рукой, словно отгоняя насекомое.

— Сложно сказать... У меня всю жизнь что-то болит: то глаза, то кости, — она показала худощавую руку с опухшими суставами. — Но так скверно мне никогда не было.

Она резко дернула плечами, кепка чуть не слетела с головы.

— Не знаю, чего я ожидала от этого места, но все без толку. Нельзя заниматься любимым делом в надежде на то, что это оценят.

Повисло молчание. Солнце взбиралось все выше, вокруг — ни дерева, ни намека на тень. «Еще один долгий день, а вокруг одна пыль, — подумала медсестра. — Забивается в глаза, не дает говорить и даже думать».

Вдали показалась мигающая вывеска на грузовиках с гуманитарной помощью. Они прибавили шаг.

Una mano ondeggiante in controluce: un gruppo di persone scaricava, in silenzio, dei grossi scatoloni, passandoli di mano in mano.

“E la si trova?” – ribatté la dottoressa, con la perplessità di una ragazzina, scostandosi la frangia dalla fronte.

“Immagino di sì”. Senza distogliere da lei l’attenzione, la donna salutò due o tre persone che le si fecero incontro, porgendo loro del caffè bollente.

“Se solo non ci rincorressero nei sogni, potremmo perfino dimenticarcene”, fu tentata di aggiungere l’infermiera. Si guardò attorno, la mente annebbiata dall’insonnia. Si avvicinò all’uomo che reggeva la caffettiera, chiedendo un’altra tazza.

“E del latte...” – aggiunse – “Una donna ha appena partorito...”

— Может, мы всего лишь пытаемся успокоить свою совесть? — неожиданно вырвалось у медсестры. Впереди, против света, взмах руки: группа людей в полном молчании разгружала огромные коробки, передавая их от одного другому.

— А разве это возможно? — по-детски изумилась докторша, откидывая челку со лба.

— Вполне.

Не сводя с нее взгляда, докторша поздоровалась с несколькими людьми, которые уже шли им навстречу с дымящимся кофе в вытянутых руках.

«Вот только как забудешь тех, кто преследует тебя во сне?» — вертелось у нее на языке. С трудом соображая после бессонной ночи, медсестра подошла к мужчине с кофеваркой и попросила еще кофе.

— С молоком. Только что родился ребенок...

Nota critica

Il racconto *L'attesa* di Elisa Agostinelli proietta il lettore in quel tempo, che sembra lunghissimo e sospeso, in cui una donna sta per dare alla luce un figlio. Ma in un contesto disagiato, in una tenda da campo che si improvvisa sala parto: «Non c'erano né garze, né guanti, né soluzioni alcoliche. Solo una grande tinozza all'angolo, dove l'acqua, intonsa, oscillava impercettibile». La giovane in preda alle doglie è assistita da una dottoressa che non si intende di parti, da un'infermiera altrettanto inesperta e da un'anziana di cui non è ben specificato il ruolo (potrebbe essere la madre della partoriente oppure una conoscente che la assiste). Le quattro donne rivelano, nei gesti e nelle parole, un'ambiguità di fondo – intenzionalmente creata dall'autrice – tale da far quasi pensare che si tratti di un'unica donna, che vive una notte insonne in attesa della nascita di una nuova vita. Sono così rappresentati vari stati d'animo rispetto al tema del valore del tempo nell'esistenza umana: il tempo vigile (la partoriente), il tempo condiviso (l'anziana), il tempo accudito (l'infermiera), il tempo incerto (la dottoressa). Il bambino per fortuna nasce in modo spontaneo, senza problemi. Anche le braccia delle donne hanno un peso simbolico forte: quelle amorevoli della madre, quelle amichevoli dell'anziana, quelle attente dell'infermiera e quelle talvolta conserte della dottoressa, attraverso le quali Elisa Agostinelli lancia al lettore interrogativi profondi e mai scontati sul senso della vita.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ «Ожидание» Элизы Агостинелли погружает читателя в ту особую атмосферу, где время словно растягивается и застывает в преддверии появления на свет новой жизни. Роды проходят в неблагоприятной обстановке: в палатке, которая превращается в родильный зал. «Ничего не было подготовлено: ни марли, ни перчаток, ни спиртового раствора. Лишь большая бадья с чистой водой, поверхность которой едва заметно колыхалась». На помощь роженице во время схваток приходят несведущая в родах врач, столь же неопытная в этом деле медсестра и некая старуха, которая могла бы быть как матерью роженицы, так и просто знакомой — читателю это неизвестно. Особое значение имеет неопределенность в жестах и словах четырех действующих лиц: благодаря этому авторскому приему у читателя может создаться впечатление, что речь идет об одной-единственной женщине, которая проводит бессонную ночь в ожидании благополучного разрешения от бремени. Тема ценности времени в рамках человеческого бытия перекликается с особым состоянием души каждой из героинь: роженица символизирует осознанность, старуха — участие, медсестра — заботу, врач — неуверенность. К счастью, роды проходят естественно и без осложнений. В описании рук героинь также заложен глубокий символический смысл: любовь матери, заботливость старухи, внимательность акушерки, а в позах врача — некоторая закрытость. Так, отталкиваясь от жестов своих героинь, Элиза Агостинелли ставит перед читателем глубокие и насущные вопросы о смысле жизни.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Elisa Agostinelli è nata ad Ancona nel 1999. Nell'aprile 2024 ha conseguito la laurea magistrale in Linguistica e studi cognitivi presso l'Università di Siena, discutendo una tesi in Linguistica applicata. È risultata semifinalista al Premio Campiello Giovani nell'edizione 2020 e 2021.

Биография

Элиза Агостинелли родилась в Анконе в 1999 г. В апреле 2024 г. окончила магистратуру по специальности «лингвистика и когнитивные исследования языка» в Сиенском университете, защитив дипломную работу по прикладной лингвистике. Вышла в полуфинал премии «Кампьялло Джовани» в 2020 и 2021 гг.

Matilda Balboni

Traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

Матильда Бальбони

Перевод на русский язык Екатерины Лобковой

MACCHININE ROSSE

Macchinina rossa rossa dove vuoi andare?

Il bambino dai capelli biondi è seduto sul pavimento. Da lontano la bambina lo osserva giocare solo e sereno. Attorno a lui macchinine di tutti i colori illuminano la stanza grigia.

Quanti chilometri vuoi fare?

Ma la sua preferita è quella rossa.

Era cresciuta in un paese di matti. I vecchi dicevano che le macchine avevano spazzato via tutto, il fumo aveva via via ricoperto ciò che rimaneva. Ma i matti, quelli c'erano sempre stati. Se ne stavano chiusi in casa, si diceva si cibassero di gatti e bambini nati rotti. *I matti*, dicevano i vecchi, *sono quelli che hanno cento gatti e nessuna puttana da portarsi a letto. E le matte raccolgono carogne per strada e le portano a casa come fossero trofei. Vivono nella merda loro, non ci parlare mai con loro.* La ragazza li conosceva. In piazza, vicino alla chiesa, stavano delle case. Erano gialle prima, tutti i giorni si vedevano bambini giocare nei giardini e nel parcheggio, portavano i sandali anche d'inverno, i capelli lunghi e selvaggi. La ragazza avrebbe voluto giocare con loro, ma le avevano detto che non si poteva. Poi erano arrivate le macchine, altre macchine, i palazzi erano diventati scuri e i bambini non si erano visti più.

In giro ci si va in punta di piedi. Se da lontano si vede arrivare una macchina rossa bisogna buttarsi al di là del fosso, o meglio bisogna correre al riparo, per questo le porte delle case non devono mai essere chiuse a chiave, nemmeno di notte. A meno che non arrivi Lei, allora le porte vanno chiuse per bene. Ma se si è in macchina allora non c'è altro da fare se non pregare di morire all'istante, così da non patire il male. Le macchine rosse sono vuote. Ciò che si sa è che alle macchine rosse piace giocare a giochi pericolosi e quando sulla loro strada incontrano ostacoli ci si buttano addosso. Incendi, fumo, odore di carne bruciata è ciò che rimane.

КРАСНЫЕ МАШИНКИ

«Красная машинка, красная машинка, куда ты хочешь поехать?»

Светловолосый мальчик сидит на полу. Девочка смотрит издали, как он играет, одинокий и безмятежный. Вокруг него серую комнату оживляют машинки всех цветов.

«Сколько километров ты хочешь проехать?»

Но его любимая — красная.

Она выросла в городке безумцев. Старики говорили, что машины снесли всё, а то, что осталось, постепенно скрыл дым. Но безумцы были всегда. Они сидели по домам, и считалось, что они едят кошек и детей, рожденных во грехе. Старики говорили: «Безумцы — те, у кого есть сотня кошек, но не с кем переспать. А безумицы собирают падаль на улице и приносят ее домой, как трофей. Они живут в дерьме, никогда с ними не разговаривай». Девочка их знала. На площади, возле церкви, стояли дома. Раньше они были желтыми, и каждый день можно было увидеть детей, играющих в садах и на парковке. Они носили сандалии, даже зимой, и никогда не стриглись. Девочке хотелось с ними поиграть, но ей говорили «нельзя». Потом приехали машины — другие машины, — здания потемнели, и детей больше не было видно.

Ходить надо на цыпочках. Если увидишь вдали красную машину, прыгай в канаву, а лучше беги в укрытие; поэтому двери домов должны быть не заперты, даже ночью. Если только не приедет Она — тогда двери закрываются на все замки. Но уж если окажешься в машине, ничего не остается, как молиться о том, чтобы умереть сразу и не мучиться. Красные машины пусты. Известно, что красные машины любят опасные игры и набрасываются на препятствия, которые появляются на пути. После них остаются пожары, дым и запах горелого мяса.

Miriam, così si fa chiamare lei, la mattina esce di casa e se ne va in giro in cerca di animali sfortunati, carcasse abbandonate sul ciglio della strada. Porta il basco di suo padre, la giacca del nonno, i calzoni che avrebbe dovuto ereditare suo fratello, che ormai da anni non c'è più. *Sono stati i matti*, dicevano, *aveva la carne buona, bianca come piace a loro*. Ridevano. Miriam se lo ricorda, era tanto bello lui, ma non si faceva avvicinare mai, se non da lei. Se ne stava in soggiorno sul tappeto che papà aveva comprato in India. Spesso si perdeva nel vuoto, alcune volte lo si sentiva parlare da solo, poi aveva cominciato a urlare, prima di giorno poi anche durante la notte. Mostrava la lingua e si tappava le orecchie, fingeva di non sentire le voci degli altri, non gli piacevano gli altri bambini, non gli piaceva stare composto, non gli piaceva stare al chiuso. Poco a poco gli avevano tolto tutti i giocattoli, che se non si faceva a modo non si poteva giocare. Allora aveva preso a mordere chiunque, ma fu quando le fece quasi perdere un occhio che la mamma aveva deciso di affidarlo ai matti, che un bambino così non lo voleva, non poteva averlo fatto lei. Poi, mentre Miriam piangeva, la mamma le aveva detto ch'era meglio così e che doveva fare silenzio, che se no avrebbe mandato via anche lei.

Miriam e Sofia s'incontrano dove una volta stava la banca, che ora non serve più a nessuno. Le altre le aspettano dall'altra parte del paese, dicono di aver visto degli scoiattoli, o forse erano solo topi. Via Ghisellini è diventata un tunnel di cemento, è la via più veloce ma anche la più buia. Miriam non ha paura, ha imparato a percorrerla tutti i giorni da sola e sa che dall'altra parte un velo di luce l'aspetta. Comincia a camminare ma Sofia resta ferma. *Che c'è?* Sofia indica davanti a sé e con l'altro dito fa segno di fare silenzio. *Lo vedi il fumo bianco?*

Le altre le salutano da lontano. Tra le mani una di loro tiene un sacchetto di carta marrone. *Sono dolci*, dice una. *Sono veri?* chiede Miriam. La ragazza annuisce. Non chiede nemmeno dove li abbia presi, potrebbe averli rubati, oppure potrebbero essere gli avanzi di chi ancora se li può permettere ma non ne ha più voglia. I non matti. Quando finiscono di mangiare vanno a caccia di topi. Vedono una lepore, Sofia riesce a catturarla. È sempre stata la più brava a procurarsi la carne. Dopo qualche ora le ragazze si salutano, con il bottino sulle spalle e le mani sporche di melma. Decidono di passare per la piazza. Non è più la stessa di prima, ma ogni tanto qualcuno sbuca fuori. Sotto la chiesa è parcheggiata una vecchia macchina grigia. *Aspetta* dice Sofia. Ma Miriam si avvicina ancora. Gli interni stanno marcendo. Una folta chioma scura sbuca dai sedili posteriori. Miriam si sposta lenta. Dietro all'alone del finestrino una bambina vestita di stracci sta accovacciata. Ha i piedi nudi, il viso macchiato, tra le mani un pezzo di carne fresca che le tinge il viso di rosso. La bambina

Мириам — так она себя называет — утром выходит из дома и бродит в поисках туш несчастных животных, брошенных на обочине. На ней отцовский берет, дедовская куртка и брюки, которые должен был унаследовать ее брат, вот только его нет уже много лет. Говорили, что виноваты безумцы, у него-де было хорошее мясо, белое, как им нравится. Смеялись. Мириам помнит его, он был такой красивый, но никого не подпускал, кроме нее. Он жил в гостиной на ковре, который папа купил в Индии. Часто он замирал, словно в пустоте, а порой слышали, как он разговаривает сам с собой; потом он начал кричать, сперва днем, затем и ночью. Он показывал язык и затыкал уши, притворялся, что не слышит чужих голосов, ему не нравились другие дети, не нравилось сидеть прямо, не нравилось находиться в помещении. Мало-помалу у него забрали все игрушки, заявив, что ему нельзя в них играть, раз он не умеет себя вести. Тогда он стал всех кусать, и когда он чуть не выбил ей глаз, мама решила отдать его безумцам, потому что ей такой ребенок не нужен, она не могла такого родить. Потом, когда Мириам плакала, мама говорила, что так лучше и что она должна замолчать, иначе ее тоже отдадут.

Мириам и София встречаются там, где когда-то был банк, который теперь тоже никому не нужен. Остальные ждут их на другом конце городка, говорят, что видели белок, хотя, возможно, это были просто мыши. Виа Гизеллини превратилась в бетонный туннель, это самый быстрый путь, но и самый темный. Мириам не боится, она привыкла ходить здесь каждый день в одиночку и знает, что с другой стороны ее ждет пелена света. Она идет вперед, но София не следует за ней. «Что такое?» София указывает перед собой и прикладывает палец другой руки к губам. «Видишь белый дым?»

Остальные машут издалека. Одна из них держит коричневый бумажный пакет. «Это сладости», — говорит она. «Настоящие?» — спрашивает Мириам. Девушка кивает. Мириам даже не спрашивает, где она их взяла: может, украла, а может, их не доели те, кто еще может их себе позволить, но больше не хочет. Не безумцы. Доев, они идут охотиться на мышей. Замечают зайца, и Софии удается его поймать. Она всегда лучше всех добывает мясо. Через несколько часов девушки прощаются — добыча за спиной, руки в грязи. Они решают пройти через площадь. Площадь уже не та, что раньше, но время от времени на нее кто-то выглядывает. У церкви припаркована старая серая машина. «Стой», — говорит София. Но Мириам все равно подходит ближе. Внутренности машины гниют. С заднего сиденья торчит густая копна темных волос. Мириам медленно придвигается. За тускло блестящим

alza il viso. Si vedono. La bambina mastica in silenzio, sullo zigomo una linea imperfetta la segna, l'occhio sinistro molto più chiaro dell'altro. Miriam inclina la testa, fa per avvicinarsi, ma la bambina non la guarda più. *Andiamo*, Sofia la tira per un braccio.

Attraversano il parcheggio, davanti a loro le case dei matti cadono a pezzi. Anche loro tengono le porte aperte ma lì nessuno entra mai. In lontananza sotto una finestra sta un ragazzo in piedi. È Peter. Peter fischia, urla parole storpiate, *Mia belllla, il mio cuorrre è tuo*, ride. Una ragazza fa capolino dalla finestra ma quando mostra il viso il ragazzo le lancia un sasso colpendola in viso, poi sputa in alto e la saliva s'infrange contro il muro. Miriam e Sofia si avvicinano. *Che cazzo fai?* Miriam gli afferra la giacca, Peter non smette di ridere, l'allontana con una spinta poi se ne va, raggiungendo gli altri ragazzi. Miriam alza gli occhi alla finestra, la ragazza non c'è più. La matta vorrebbe solo un po' d'amore, ci spera sempre quando sente fischiare alla sua finestra. Vorrebbe sentirsi normale, ma non impara mai. E la sua casa è sempre bagnata.

Sofia fa strada a Miriam oltre i palazzi. Arrivano alla vecchia banca in angolo, fanno per salutarsi ma Sofia ancora una volta si blocca. La porta della banca è stata buttata giù. A fianco anche i portoni delle altre case sono stati portati via. Sofia si avvicina. *Il fumo bianco*. Miriam la segue. *Li stanno bruciando?* Le avevano detto che i matti mangiavano i bambini, ma lei non ci aveva mai creduto. Erano i vecchi del paese a fare fuoco, quando un matto capitava a tiro. Li trascinavano nei vicoli e bruciavano i loro corpi, allora il fumo si tingeva di bianco e quelli ridevano ballando sulla cenere.

Le ragazze fanno un passo indietro, non devono farsi vedere. Poi il rumore di una macchina in lontananza. Davanti a loro un SUV rosso pesta sulla strada. Miriam è bloccata, Sofia fa per correre ma non ci sono fossi e le porte ora son chiuse. Corre, corre veloce. Miriam vede la macchina sfrecciarle davanti. Vede Sofia bloccarsi in mezzo alla strada e la macchina prenderla in pieno per poi schiantarsi contro un palo della luce. Miriam comincia a correre, corre verso la piazza. Dietro di sé sente la voce di una donna e subito dopo il motore che sbrait. Miriam continua a correre. Raggiunge la piazza, la macchina grigia è ancora lì. Tenta di nascondersi, sente la voce della donna più forte e le macchine cominciano a correre avanti e indietro. La donna la chiama per nome, la donna la conosce, la donna vuole lei. La donna così si diverte. È la più matta dei matti, ma non lo si può dire ad alta voce.

Miriam allora apre la portiera dell'auto. S'infilà dentro. La bambina stringe ancora il pezzo di carne tra i denti. Miriam si copre la testa, chiude gli occhi. Poi sente la manina della bambina posarsi sui suoi capelli. *Dov'è la*

окном сидит на корточках маленькая девочка в лохмотьях. Босая, чумазая, в руках кусок сырого мяса, который пачкает ее лицо красным. Девочка поднимает голову. Они видят друг друга. Девочка молча жует, на скуле шевелится кривой шрам, левый глаз намного яснее правого. Мириам наклоняет голову и делает еще шаг, но девочка больше не смотрит на нее. «Пошли». София тянет ее за руку.

Они пересекают парковку, и вот перед ними разваливающиеся дома безумцев. Безумцы тоже держат двери открытыми, но к ним никто никогда не заходит. Вдалеке под окном стоит парень. Это Петер. Петер свистит, кричит, коверкая слова: «Крррасотка моя, мое серррдце твое!», — и смеется. Из окна выглядывает девушка, но стоит ей показаться, как парень бросает камень ей в лицо и плюет вверх. Плевков размазывается по стене. Мириам и София подходят. «Ты что, охренел?» Мириам хватается за куртку. Не переставая смеяться, Петер отталкивает ее и уходит к другим мальчикам. Мириам поднимает глаза, но девушки в окне уже нет. Безумица просто хотела немного любви, она всегда надеется на это, когда слышит свист под окном. Она хотела бы чувствовать себя нормальной, но ничему не учится. Поэтому ее дом всегда в слюнях.

София проводит Мириам мимо зданий. У старого банка на углу они собираются проститься, но София снова останавливается. Дверь банка выбита. У других домов рядом тоже нет дверей. София подходит ближе. «Белый дым». Мириам идет за ней. «Они их сжигают?» Ей говорили, что безумцы едят детей, но она никогда не верила. Это городские старики начинали стрелять, когда замечали безумцев. Их тела оттащивали в переулки и сжигали: поднимался белый дым, а старики со смехом танцевали на пепле. Девушки пьются, чтобы их не заметили. Вдалеке раздается шум машины. Перед ними на дорогу вылетает красный джип. Мириам приросла к месту, София пускается бежать, но канав нет, а двери теперь закрыты. Она бежит — быстро, еще быстрее. Мириам видит, как машина проносится мимо. Видит, как София останавливается посреди дороги, машина подцепляет ее капотом, а затем налетает на фонарный столб. Мириам бежит, бежит к площади. Позади она слышит женский голос и сразу за ним — гудение мотора. Мириам продолжает бежать. Добирается до площади, серая машина все еще там. Пытается спрятаться, слышит голос женщины — он все громче, — машины начинают ездить туда-сюда. Женщина зовет ее по имени, женщина ее знает, женщина ищет ее. Женщина так развлекается. Она самая безумная среди безумных, но это нельзя говорить вслух.

Тогда Мириам открывает дверь машины. Забирается внутрь. Девочка все еще держит в зубах кусок

mamma? Miriam sente le automobili sbattere una contro l'altra di fuori. Ma quella macchina grigia sembra non interessare a nessuno. Scavalca il sedile, si siede al posto del guidatore. La chiave è ancora inserita. Mette in moto, riesce a partire. Poi il buio.

Miriam apre gli occhi. La bambina davanti a lei indossa un vestitino giallo, ha i capelli raccolti in una morbida coda di boccoli, sta smontando una macchinina rossa. Miriam scuote la testa. Fuori dalla finestra montagne, frutteti e un bosco di querce fanno da sfondo a una favola. Miriam si guarda le mani, pulite come non se le ricordava più. Sente bussare alla porta e subito dopo un bambino fa la sua comparsa. È bello, ha il viso bianco, i capelli biondi che ricordano le spighe di granturco. Il bambino si avvicina veloce. *Posso giocare?* La bambina alza gli occhi, guarda Miriam, che non sa cosa dire. *E se poi mi fai male?* Il bambino abbassa la testa. Si afferra le orecchie e strizza forte gli occhi. *Non sono cattivo, non sono cattivo, non sono cattivo.* Miriam scatta in piedi. Stringe il bambino tra le braccia. *Lo so che non sei cattivo, lo so.* Il bambino adesso alza la testa, ha gli occhi rossi, le guance bagnate. *Allora perché mi hanno portato via?* Miriam trema. La bambina fa cenno al piccolo di avvicinarsi. *Ti piacciono le macchinine rosse? Sono le mie preferite!* risponde lui.

Miriam li guarda giocare. *Dov'è la mamma?* domanda poi il bambino. La bambina guarda Miriam, inclina il viso. *Stava giocando con le macchinine rosse anche lei. Poi non l'ho più vista. Oh, dice il bambino, forse adesso sa come si fa.*

Miriam scuote la testa, le orecchie che fischiano, si avvicina alla finestra, chiude gli occhi, si prende le orecchie tra le mani. *Zitti, state zitti.* Urla. La testa che brucia, il cuore le batte forte.

Si sveglia. La finestra è rimasta la stessa, ma avanti a sé solo una piazza vuota. Si volta, i giocattoli abbandonati sul tavolo ricordano la quiete dopo la tempesta. Un ragazzo grida sotto la sua finestra ma non sente bene ciò che dice. E quando si sporge per capire meglio, quello sputa, lancia un sasso che le colpisce il viso e scappa via ridendo.

мяса. Мириам прикрывает голову руками, закрывает глаза. Чувствует, как девочка кладет ручку ей на голову. «Где мама?» Мириам слышит, как снаружи сталкиваются машины. Но до серой, похоже, никому нет дела. Она перелезает через сиденье и садится на место водителя. Ключ все еще в замке. Она заводит двигатель, машина трогается с места. Затем темнота.

Мириам открывает глаза. Девочка перед ней одета в желтое платье, кудрявые волосы собраны в мягкий хвостик. Девочка разбирает красную машинку. Мириам трясет головой. За окном горы, сады и дубовая роща, как в сказке. Мириам смотрит на свои руки — она и не помнит, когда они бывали такими чистыми. Раздается стук в дверь, появляется мальчик. Он красив, у него белое лицо и светлые волосы, похожие на колоски кукурузы. Мальчик быстро подходит к ним. «Можно поиграть?» Девочка поднимает голову и смотрит на Мириам, которая не знает, что сказать. «А если ты сделаешь мне больно?» Мальчик опускает голову. Затыкает уши руками, зажимается изо всех сил. «Я не плохой, я не плохой!» Мириам вскакивает и сжимает его в объятиях. «Я знаю, что ты не плохой, я знаю». Мальчик поднимает голову, у него красные глаза и мокрые щеки. «Тогда почему меня забрали?» Мириам вздрагивает. Девочка машет мальчику, чтобы тот подошел ближе. «Тебе нравятся красные машинки? — спрашивает он. — Они мои любимые!»

Мириам смотрит, как они играют. «Где мама?» — спрашивает мальчик. Девочка смотрит на Мириам и склоняет голову. «Она тоже играла с красными машинками. Больше я ее не видела». — «Ух, — говорит мальчик, — может, теперь она знает, как правильно».

Мириам трясет головой, слышит в ушах свист, подходит к окну, закрывает глаза, затыкает уши. «Заткнитесь, заткнитесь!» Она кричит. Горит голова, колотится сердце.

Она просыпается. Окно осталось прежним, но перед ним только пустая площадь. Она поворачивается. Брошенные на столе игрушки создают ощущение тишины после бури. Под окном кричит какой-то парень, но слов не слышно. А когда она выглядывает, чтобы разобрать, что он кричит, он плюет, бросает камень, который попадает ей в лицо, и убегает, смеясь.

Nota critica

Il racconto *Macchinine rosse* di Matilda Balboni porta il lettore in un turbinio onirico di sentimenti contrastanti, emozioni e paure. L'autrice si muove con abilità creando quadri d'ambiente forti, e nel contempo struggenti, in cui si alternano quotidianità e sprazzi di follia. Uno dei giochi più amati dai bambini diventa metafora dell'esistenza umana, con tutti i suoi rischi e i le sue delusioni. Lo sguardo di Miriam oscilla nel tempo focalizzando la storia di un piccolo paese che, insieme ai suoi strambi abitanti, è inesorabilmente destinato a cambiare fino a rendersi irriconoscibile. La si vede bambina ma anche ragazza, che gira per le strade insieme all'amica Sofia e resta sconcertata da episodi di varia umanità. L'intrusione di Peter non migliora la situazione: la realtà resta sempre asfissiante nel suo menzognero progresso, in cui chi si presenta come un disadattato è destinato a rimanere tale. «La matta vorrebbe solo un po' d'amore, ci spera sempre quando sente fischiare alla sua finestra. Vorrebbe sentirsi normale, ma non impara mai. E la sua casa è sempre bagnata». La disincantata visione sociale di Matilda Balboni sembra non lasciare spazio alla speranza, di cui c'è un tenue sprazzo al risveglio: «Si volta, i giocattoli abbandonati sul tavolo ricordano la quiete dopo la tempesta». Anche se poi, affacciata alla finestra, la protagonista viene colpita da un sasso che le ricorda che la vita sa essere beffarda e imprevedibile.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ Матильды Бальбони «Красные машинки» погружает читателя в сюрреалистический вихрь смешанных чувств, эмоций и страхов. Автор мастерски создает убедительные и в то же время тревожащие картины повседневной жизни, в которых бытовые детали чередуются со вспышками безумия. Одна из любимых детских считалок становится метафорой человеческого существования со всеми его рисками и разочарованиями. Взгляд Мириам путешествует по временным пластам, высвечивая историю городка, который обречен меняться вместе со своими странными жителями, пока не станет неузнаваемым. Читатель видит ее то девочкой, то девушкой, которая бродит по улицам вместе со своей подружкой Софией и недоуменно наблюдает за поведением людей. Вторжение Петера не улучшает ситуацию: реальность по-прежнему удушает, лживый прогресс обрекает тех, кто представляет себя неудачником, оставаться таковыми. «Безумица просто хотела немного любви, она всегда надеется на это, когда слышит свист под окном. Она хотела бы чувствовать себя нормальной, но ничему не учится. Поэтому ее дом всегда в слюнях». Кажется, что разочарованный взгляд Матильды Бальбони на общество не оставляет места для надежды, проблеск которой заметен при пробуждении героини: «Она поворачивается. Брошенные на столе игрушки создают ощущение тишины после бури». Но затем, когда героиня подходит к окну, в нее попадает камень, который напоминает, что в жизни есть место насмешке и непредсказуемости.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Matilda Balboni è nata nel 2000 in provincia di Modena. Dopo il diploma si è trasferita a Torino, dove nel 2022 si è laureata presso la Scuola Holden, indirizzo Contemporary Humanities. Nel 2020 ha aperto “Mi firmo Met”, un blog di letteratura, fotografia, cinema e poesia. Oggi lavora come editor e presentatrice per la casa editrice Another Coffee Stories.

Биография

Матильда Бальбони родилась в 2000 г. в провинции Модена. Окончив школу, переехала в Турин, где в 2022 г. получила диплом писательской Школы Холдена по специальности «современные гуманитарные науки». В 2020 г. начала вести блог «Моя подпись Met», посвященный литературе, фотографии, кинематографу и поэзии. В настоящее время работает редактором в издательстве «Another Coffee Stories», а также представляет его книги публике.

Antonia Cofano

Traduzione in russo di Marija Cvetkova

Антония Кофано

Перевод на русский язык Марии Цветковой

VORTICI DI VITA

Mi piace tracciare con l'indice il profilo frastagliato del serpente d'acqua che, dalla sorgente cupa, si snoda lungo la vasta pianura sottostante la vecchia rocca dell'Amore. Aiutate un povero uomo, non lasciatelo solo dinnanzi alla propria follia. Immaginate una sconfinata pianura e un lungo fiume che la percorre. Immaginate la sua sorgente circondata da un bosco fitto, trascurato e abbandonato all'inerzia del tempo. Immaginate lungo le fragili sponde dell'affluente un ridente borgo antico, i colori caldi della primavera, la brezza irriverente della notte che si risveglia. Ora, vi prego, ritornate con me all'avvilente realtà perché nel villaggio, nascosta nelle trame del quotidiano, pullula la mia gente, rivive il mio passato e si consuma, nel silenzio, la tremenda agonia del mio calvario. Forse ora vi starete chiedendo chi io sia. Un sorriso irriverente smuove, ancor adesso, il mio spirito nel tentativo disperato di proporre una definizione che possa conferir dignità ad una misera esistenza di stenti. Io non sono, io ero. Avevo un volto ma nessuno desiderò mai conoscere l'origine del mio nome, avevo mani e piedi volenterosi ma occhi vuoti e vacui, avevo sogni nel cassetto ma misera povertà nelle tasche, ero solare e ottimista ma le vene pulsavano, il cuore si agitava e la gola si chiudeva nel pianto. Non sono arrabbiato, incattivito; non sono deluso dalla mia condizione, rassegnato; non temo la solitudine, la cerco eppure il freddo calore umano mi manca. Soffro di assenze e di apparenza. Un male diffuso e taciuto mi logora in gran segreto. Sotto lo sguardo di tutti lo spessore della mia coscienza si fa sempre più inconsistente e lentamente gli incubi della notte irrompono nella gabbia della mia quotidianità.

Questa mattina però qualcosa è cambiato. Finalmente il soffio del coraggio ha percorso la mia schiena, ha sorriso alla mia volontà e ha spinto il mio sguardo oltre il velo tra i due mondi. Così, nell'ora in cui le logore campane scandivano la marcia nuziale dello sposalizio funesto, ho dato l'estrema unzione alla mia salma. Il silenzio ha accolto la mia anima agonizzante, il vuoto ha raccolto il peso dell'esistenza e nell'oblio del mio ultimo lamento, esplorando il frastuono della sopravvivenza, ho conosciuto il dolce calore della libertà.

ВИХРИ ЖИЗНИ

Мне нравится водить пальцем по угловатым изгибам реки, которая змеей вьется по широкой равнине под старой крепостью Любви, беря начало от темного источника. Помогите несчастному, не оставляйте его одного перед лицом собственного безумия. Представьте себе бескрайнюю равнину и протекающую по ней длинную реку. Представьте себе ее источник, окруженный густым лесом, забытый и брошенный в водовороте времени. Представьте себе очаровательный старый городок на хрупких берегах притока, теплые краски весны, игривый ветерок в опускающейся ночи. А теперь, прошу вас, вернитесь со мной в удручающую реальность, потому что в этом городке скрытые за сюжетами повседневной жизни суетятся мои люди, оживает мое прошлое и в тиши завершаются мои мучения, которые я несу словно тяжкий крест. Возможно, теперь вы задаетесь вопросом, кто же я. В душе я до сих пор нерешительно улыбаюсь, отчаянно пытаюсь придумать, как назвать себя, чтобы придать хоть немного достоинства своему жалкому, полному лишений существованию. Я не есть, я был. У меня было лицо, но никто и никогда не хотел узнать, кто я такой на самом деле. Мои руки и ноги были готовы действовать, но глаза мои были пусты и безжизненны. В душе прятались мечты, но в карманах было пусто. Я был бодр и весел, но мои вены болезненно пульсировали, на сердце было беспокойно, а горло душили рыдания. Я не сержусь и не злюсь; я не разочарован своим положением и не смирился с ним; я не боюсь одиночества, напротив, ищу его, но все же мне не хватает простого человеческого тепла. Я страдаю оттого, что рядом никого нет, что отношения выхолощены. Вездесущее и безмолвное зло незаметно истощает меня. Под сотнями взглядов моя душа становится все более ничтожной, и постепенно ночные кошмары прорываются в клетку повседневной жизни.

Однако сегодня утром что-то изменилось. Наконец дыхание решимости мурашками пробежало по моей спине, словно направляя мою волю, и обратило мой взгляд за завесу между двумя мирами. И в тот час, когда старые колокола отчеканили свадебный марш рокового венчания, я прочитал отходную молитву над самим собой. Тишина приветствовала умирающую душу, пустота приняла на себя бремя существования, и когда стих мой последний стон, когда я в последний раз услышал рокот суетной жизни, я познал сладкое тепло свободы.

Ora, sospeso tra l'infinito e il desiderio, il mio corpo dondola sulle macerie di un vecchio casolare: un tavolo decrepito, un divano impolverato, teli sparsi e vecchi utensili giacciono ai lati di un pavimento che narra il lusso decaduto di una fortezza divenuta il paradiso della mia essenza. Chiudo gli occhi accogliendo il mio destino. Tremo, ma la mia determinazione non vacilla neppure per un secondo. Una sconfinata natura circonda il mausoleo che ho voluto custode dei resti della mia vita mortale. Il mio atto finale, il mio capolavoro filosofico svetta imponente, maestoso e tremendamente pacato sopra l'amara indifferenza della mia gente. Lì, sul punto più alto della collinetta del paese, ho consegnato il mio corpo alla memoria dell'impassibilità umana.

Oggi, in una dimensione a metà tra sogno e delirio, sono per gli altri silenziosamente morto. Estraneo al mio corpo, la mia stessa visione mi stupisce: la morte ha ridipinto il volto di un candido tormento ma, al posto della bramata serenità, una smorfia di dolore segna i miei lineamenti. Realizzo solo ora che il mio corpo ha lottato per non soccombere. Il servo si è ribellato al suo padrone e, nell'indipendenza di entrambe le parti, si è consumata l'incertezza del domani. Perso nelle trame infinite dei miei pensieri, ripercorro le tappe salienti di quello che è stato e mai più potrà essere. Un rumore sordo, soffocato e vibrante interrompe il fluire del mio congedo. Nascosto fra i verdeggianti cespugli un bambino raggianti canticchia una lieta filastrocca. Ancora qualche metro, pochi passi, un solo ostacolo e la voce squillante sfiorirà nell'incomunicabilità dell'imprevedibile. La Vita svelerà al piccolo viandante il suo più spietato rimedio alla tristezza e, al contempo, la sua irriverente crudeltà: l'infanzia spensierata sarà fianco a fianco del Cupo Mietitore.

Lo spirito colpito nel profondo vacilla nella paura. Le conseguenze della mia libertà si scagliano come pioggia prima di un temporale sulla stagione dell'innocenza. I secondi si confondono con le ore, l'attesa si consuma nei rimorsi e nel conflitto tra volontà e giustizia si delinea, sull'uscio della porta, la sagoma impacciata del sognatore felice. Nessun grido squarcia l'aria, nessun sussulto, nessun sentimento pare saggiare il giovane animo. D'un tratto l'impetuosa mente inesperta si apre alle possibilità: nella vita luminosa un sospetto d'ombra si irradia e il tragico epilogo diviene fonte di ansia e timore per un'anima priva dell'attesa della fine.

Теперь, зависшее между бесконечностью и желанием, мое тело качается на развалинах старого деревенского дома: ветхий стол, пыльный диван, мятые простыни и старая посуда разбросаны по полу, все здесь говорит о былой роскоши крепости, ставшей последним пристанищем моей души. Я закрываю глаза, приветствуя свою судьбу. Я дрожу, но моя решимость не поколеблется ни на секунду. Бескрайняя природа окружает усыпальницу, которой я вручил свои бранные останки. Мое последнее творение, наивысшее достижение моей мысли — внушительное, величественное, исполненное покоя, — возвышается над горьким безразличием моих людей. Там, на вершине холма, на котором раскинулся город, я предал свое тело равнодушной человеческой памяти.

Сегодня, находясь где-то на полпути между сном и бредом, для всех остальных я безмолвен и мертв. Уже чужой собственному телу, я поражен, когда вижу его таким: смерть окрасила мое лицо белым, но вместо желанного спокойствия черты исказила гримаса боли. Только сейчас я понимаю, что тело действительно боролось. Слуга восстал против своего хозяина, и в этой борьбе оба были так сильны, что неуверенность в завтрашнем дне угасла. Потерявшись в бесконечных переплетениях мыслей, я прослеживаю основные вехи того, что произошло и никогда не повторится. Доносящийся издали негромкий, но звонкий голос прерывает прощание. Незаметный в зелени кустов, сияющий от радости ребенок напевает веселую детскую песенку. Еще несколько метров, несколько шагов, всего один поворот, и звенящий голосок растворится в безмолвии непредвиденного. Жизнь явит любопытному малышу свое самое действенное средство от печали и в то же время свою самую беспощадную жестокость: беззаботное детство отныне будет идти рука об руку с Ангелом смерти.

Потрясенная душа дрожит в страхе. Последствия моей свободы обрушиваются как дождь перед бурей на это невинное существо. Секунды становятся часами, ожидание сменяется раскаянием, и в конфликте между волей и справедливостью вдруг появляется неуклюжий силуэт счастливого мечтателя. Ни один крик не пронзает воздух, ни один вздох, ни одно чувство, кажется, не трогает юную душу. Внезапно пылкий неискушенный ум открывается возможностям: в светлую жизнь проникает смутное подозрение, и этот трагический эпилог становится источником тревоги и

Una lacrima solca la guancia paffutella e arrossata dalla fatica. Una sola, isolata, pesantissima lacrima percorre la pelle levigata segnata dall'inesperienza. Per me, incapace osservatore del duello spietato, la speranza dell'avvenire sembra naufragar in quel rivolo di acqua salata. Pochi istanti ancora e poi lo sfortunato scopritore dei miei resti, lasciato il mio corpo alla sua storia, nella lunga corsa alle braccia materne assaporerà l'aspro colore dell'addio.

Il sole si nasconde silenzioso dietro la collina accompagnando, con il suo mite calore, tre uomini panzuti al mio capezzale. Avverto il loro sdegno e il peso del loro infallibile buon senso. «Ha rovinato la vita di quell'innocente creatura», sentenza il primo. «L'ipocrisia ormai domina questo mondo», decreta il secondo. «Altro che ipocrita... Guardatelo bene... Questo, compagni miei, è il *vivo* ritratto dell'egoismo», stabilisce il terzo. Un brivido percorre l'aria. La morale cede il passo a un farraginoso sfottio e, così, l'inconsistenza del mio vivere diviene la trasparenza del mio addio. Come poter far comprendere a costoro il peso del mio gesto, la profonda sofferenza che avvolgeva il mio vivere, il dolore lacerante dello spirito che non mi ha fatto esitare dinnanzi al tremendo tormento della morte, la solitudine soffocante della mia empatia e l'impossibilità di rendere a parole le gabbie opprimenti dei miei pensieri.

Una piccola folla di curiosi è giunta a vegliare la mia salma deposta nell'umida cantina prima che l'estremo saluto consegna la mia storia a una vecchia lapide in marmo. Mi seppelliranno, in un giorno di pioggia fine, con rapido disinteresse. Mi sotterreranno con freddo distacco in un pomeriggio mite. Lui verrà mano nella mano con sua madre. Non mi aspettavo di vederlo. La mamma si avvicinerà al legno spigoloso e permetterà alla piccola mano paffutella di percorrere le fredde guance con tenero amore. Un gesto semplice e complesso, poesia e prosa, dolce e amaro sarà in grado di sospendere il lento decorrere del tempo terreno. I presenti sorpresi dalla commozione che busserà ai loro cuori logori si concentreranno, rapiti, sulla scena che dinnanzi ai loro occhi sembrerà schiudere un avvenire migliore. Pochi secondi e l'illusione si infrangerà. Lo sguardo salirà dal piccolo alla donna e lo sdegno muoverà nuovamente le malelingue della banalità.

страха для души, прежде не ведавшей ожидания конца.

Слеза скатывается по его пухлой, покрасневшей от усталости щеке. Одинокая тяжелая слеза стекает по гладкой коже еще не знающего жизни ребенка. Мне, бессильному наблюдателю за непримиримой борьбой, кажется, что надежда на будущее терпит кораблекрушение в этих соленых волнах. Несколько мгновений — и несчастный, обнаруживший мое тело, оставив его на произвол судьбы, бросится в материнские объятия и познает суровые краски прощания.

Солнце тихо скрывается за холмом, мягким теплом провожая троих толстяков к моей постели. Я чувствую их негодование, тяжесть их никогда не ошибающегося здравомыслия. «Он разрушил жизнь ни в чем не повинному ребенку», — говорит первый. «В мире царит лицемерие», — заявляет второй. «Он и есть самый настоящий лицемер... Взгляните на него повнимательней... Это, друзья мои, *живой* пример эгоизма», — заключает третий. Воздух дрожит от напряжения. Морализаторство уступает место бестолковым насмешками, и несостоятельность моей жизни заслоняет собой мои прощальные слова. Как мне объяснить им всю тяжесть принятого решения, глубокое страдание, пронизывавшее мою жизнь, терзавшую душу боль, не позволившую усомниться в своем намерении перед лицом ужасных мук смерти, удушающее одиночество, терзавшее меня, человека добросердечного, невозможность выразить словами то, что так долго тяготило и сковывало.

Небольшая толпа любопытных пришла на похоронное бдение у моего тела, которое перенесли в сырой подвал, прежде чем его погребут и вся моя история окажется написана на старом мраморном надгробии. Они похоронят меня в дождливый день, быстро и безучастно. Они погребут меня, холодно и отстраненно, в теплый полдень. Он придет за руку со своей матерью. Я не ожидал этого. Мать подойдет к шероховатому дереву и позволит маленькой пухлой ручке с нежной любовью провести по холодным щекам. Жест одновременно простой и сложный, поэзия и проза, сладкое и горькое ненадолго замедлят течение земного времени. Присутствующие, взволнованные и удивленные чувствам, которые постучатся в их измученные сердца, с восторгом

Sono passati quindici anni dai giorni che vi ho fin qui narrato. Il piccolo esploratore è divenuto uomo. Un grande uomo. Tiene vivo nei suoi occhi sognanti il mio ricordo. La mia tragedia è divenuta per lui ragione di vita. Ricordate quel vecchio casolare immerso nella natura selvaggia? I vecchi utensili dispersi sul pavimento logoro? Il teatro dell'atto finale della mia soffocante esistenza? Lui ha fatto rinascere quelle rovine e ha permesso ai fiori di sbocciare tra le macerie. I tormenti dei solitari hanno finalmente trovato ristoro tra le pareti di una struttura pronta ad accogliere la complessità delle emozioni umane. I *Vortici della Vita* domina così sul mio villaggio natio e dona ristoro a chi, come me, cercava solo conforto tra le trame della sofferenza.

устремят взоры на сцену, которая на миг откроет перед их глазами лучшее будущее. Несколько секунд, и иллюзия развеется. Они переведут взгляды с малыша на женщину, и, негодуя, опять примутся сплетничать.

Прошло пятнадцать лет с тех событий, о которых я вам рассказал. Любопытный мальчик стал мужчиной. Выдающимся человеком. Он хранит память обо мне в мечтательных глазах. Моя трагедия стала смыслом его жизни. Помните тот заброшенный старый деревенский дом, окруженный буйной зеленью? Посуду, разбросанную по стертому полу? Место действия заключительного акта моего удушающего существования? Он возродил эти руины и засадил их цветами, которые расцвели среди развалин. Одинокие души наконец-то обретают покой в стенах дома, готового принять людей со всеми их причудливыми переживаниями. Теперь «Вихри жизни» возвышаются над моим родным городком, даря утешение тем, кто, как и я, лишь искал упокоения в паутине страданий.

Nota critica

Il racconto *Vortici di vita* di Antonia Cofano pone il lettore in una complessa situazione liminale in cui il protagonista osserva in prima persona lo svolgimento delle sue esequie: «Così, nell'ora in cui le logore campane scandivano la marcia nunziale dello sposalizio funesto, ho dato l'estrema unzione alla mia salma». La morte per suicidio in aperta campagna diventa il momento della liberazione da tutto ciò che costringeva quell'anima e la faceva indicibilmente soffrire. «Estraneo al mio corpo, la mia stessa visione mi stupisce: la morte ha ridipinto il volto di un candido tormento ma, al posto della bramata serenità, una smorfia di dolore segna i miei lineamenti. Realizzo solo ora che il mio corpo ha lottato per non soccombere». Sospesa tra sogno e delirio, quest'anima comincia a vivere in una nuova dimensione e osserva con incurante attenzione tutto il rituale di commiato che si sta svolgendo nel casolare: la vestizione del cadavere, la veglia funebre, i commenti sgradevoli dei compaesani, la sepoltura in un piccolo cimitero di campagna. Il cadavere è stato casualmente rivenuto da un bambino che si era spinto fin là a giocare. Quindici anni dopo, quello che sembrava essere un trauma violento per la malcapitata creatura, si è trasformato nella sua ragione di vita: «Lui ha fatto rinascere quelle rovine e ha permesso ai fiori di sbocciare tra le macerie». Con il suo intenso racconto, Antonia Cofano ci insegna che il dolore può anche essere superato e sublimato.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ Антонии Кофано «Вихри жизни» погружает читателя в сложную переходную ситуацию, в которой главный герой сам наблюдает за собственными похоронами: «И в тот час, когда потертые колокола отчеканили свадебный марш рокового венчания, я прочитал отходную молитву над самим собой». Смерть в результате самоубийства в маленьком городке становится моментом освобождения от всего, что сковывало эту душу и заставляло ее невыразимо страдать. «Уже чужой собственному телу, я поражен, когда вижу его таким: смерть окрасила мое лицо белым, но вместо желанного спокойствия черты исказила гримаса боли. Только сейчас я понимаю, что тело действительно боролось». Зависшая между сном и бредом, эта душа отныне живет в новом измерении и с равнодушием наблюдает за прощальным ритуалом, совершающемся в большом доме: одеванием тела, похоронным бдением, пересудами соседей, захоронением на небольшом местном кладбище. Тело случайно нашел мальчишка, который, играя, забрел слишком далеко. Пятнадцать лет спустя то, что казалось страшной травмой для несчастного ребенка, стало его смыслом жизни: «Он возродил эти руины и засадил их цветами, которые расцвели среди развалин». Своей пронзительной историей Антония Кофано учит нас, что даже такую боль можно преодолеть и превратить во что-то светлое.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Antonia Cofano è nata a Fasano nel 1999. Ha conseguito la laurea magistrale in Scienze Storiche presso l'Università degli Studi di Bari "Aldo Moro", dove ha sviluppato passione ed interesse per le tematiche umanistiche. Amante dei viaggi, delle sfide, dell'arte e della natura ha recentemente riscoperto il piacere per la lettura e la scrittura che le permettono di evadere dalla realtà e di riflettere sulle infinite sfumature delle emozioni umane. Crede molto nella famiglia, nell'amicizia e nell'amore, ed è impegnata in progetti per il supporto e il sostegno di soggetti fragili in difficoltà economica e sociale.

Биография

Антония Кофано родилась в 1999 г. в Фазано (Бриндизи). Получила степень магистра исторических наук в Университете имени Альдо Моро в Бари, где увлеченно, с интересом изучала гуманитарные науки. Любительница путешествий, искусства и природы, не страшится трудностей, недавно заново открыла для себя удовольствие от чтения и написания текстов: это позволяет ускользнуть от реальности и погрузиться в размышления о бесконечных оттенках человеческих эмоций. Искренне верит в семью, дружбу и любовь, участвует в проектах помощи людям, сталкивающимся с экономическими и социальными проблемами.

Arianna Lombardo

Traduzione in russo di Marija Trofimova

Арианна Ломбардо

Перевод на русский язык Марии Трофимовой

IN PRIMAVERA

È una giornata insolitamente calda. L'intera città è pervasa da uno stato febbrile, come un animale ferito che raccoglie le ultime energie per mettersi in salvo. Il cielo normalmente piatto e incolore si tinge di macchioline rossastre. Schizzi di sangue che si riflettono nella neve sciolta. Il suo cuore pulsa a ritmi concitati e irregolari. Le sue arterie si ingolfano di auto, in fuga, in partenza, di passaggio. I polmoni si contraggono a fatica, soffiando deboli correnti d'aria che rendono il caldo ancora più insopportabile.

Anche quando ci incontrammo per la prima volta, ormai cinque anni fa, era una giornata insolitamente calda. E la città era ugualmente febbricitante, viva. Ricordo il suono dei clacson impazziti per il traffico. Le risate dei bambini e il canto stridulo degli uccelli. Melodia di un cuore pulsante sotto un cielo dipinto dalle carezze del sole. Tu sedevi sulla panchina di fronte al laghetto ghiacciato, sguardo assorto e libro alla mano, il mio preferito. Io ero accanto a te, intenta a contemplare il paesaggio come se fosse un quadro di cui carpire ogni singolo dettaglio. Non ricordo chi si girò per primo, né perché. So che i nostri sguardi si incrociarono e capii che per l'intera vita ci eravamo amati.

Su quella panchina ci siamo tornati tante volte, lì, davanti al laghetto ghiacciato. Abbiamo parlato l'uno sull'altro e poi ascoltato i nostri silenzi. Riso fino alle lacrime e pianto fino a ridere delle nostre debolezze. Quella volta poi ti sei alzato, ti messo a camminare sul laghetto, mano tesa e sguardo di sfida. *Pazzo ti ho gridato, sprofonderai nel ghiaccio. Non importa* hai risposto ridendo, *tanto in primavera mi ripescano*. E così ti ho raggiunto.

Pensavo che sarebbe stato così per sempre. Che questa città, apparentemente imperturbabile nella sua granitica eternità, avrebbe fatto da sfondo al nostro equilibrio perfetto sul ghiaccio sottile.

Ma poi qualcosa era cambiato. Avevo percepito le sue braccia stringersi intorno al vuoto. L'avevo osservata perdere la concezione del tempo. Notato le crepe nella patina sottile di ghiaccio. Sentito le note stonate di una melodia trasformatasi in lamento. E vista curvarsi sotto al peso dell'assenza.

Soffriva. Piangeva i suoi figli la città. Quelli che aveva perso. Quelli che avrebbe perso. Quelli che rimanevano da perdere. Era spettatore impotente della fuga. Illeso campo di una battaglia combattuta chissà dove.

ВЕСНОЙ

Сегодня необыкновенно жарко. Весь город охвачен болезненной лихорадкой, будто раненый зверь, сберегающий силы перед спасительным побегом. Небо, обычно гладкое и прозрачное, покрылось красноватыми пятнами. Брызги крови, отраженные на талом снегу. Сердце города бьется горячо и неровно. Его артерии забиты машинами, они мчатся, бегут, проносятся, не задерживаясь. Легкие города еле справляются, выдувают слабые струи воздуха, от которых жара становится совсем невыносимой.

И в тот день, когда мы впервые встретились, теперь уже пять лет назад, стояла такая же необыкновенная жара. И так же город температурил, источал жизнь. Помню одуревшие от пробок гудящие машины. Смех детей и визгливые песни птиц. Музыка пульсирующего сердца под обласканным солнцем небом. Ты сидел на лавочке у замерзшего пруда. Сосредоточенный взгляд, в руке книга, моя любимая. Я сидела недалеко, любовалась открывающимся видом, как картиной, в которой боишься упустить хотя бы одну деталь. Не знаю, кто повернулся первым, и не помню зачем. Знаю только, что, когда наши взгляды встретились, мы поняли, что любили друг друга всю жизнь.

Потом мы нередко встречались на этой лавочке. Там, у замерзшего пруда. Говорили друг о друге, слушали тишину. Смех до слез и плач до смеха над нашими слабостями. В тот раз ты встал и пошел прогуляться по льду пруда, твои руки были напряжены, во взгляде читался вызов. «Сумасшедший! — крикнула я вслед. — Под лед провалишься!» «Все равно, — со смехом ответил ты, — весной найдут». И тогда я пошла за тобой.

Я думала, что так будет теперь всегда. Что этот город, казавшийся совершенно бесстрастным в своей монолитной бесконечности, будет служить фоном нашей любви, охранять наше идеальное равновесие, пока мы гуляем по тонкому льду.

Но потом что-то изменилось. Я вдруг почувствовала, как руки города сжимают пустоту. Наблюдала, как он теряет ощущение времени. Замечала трещины в хрупкой наледи. Слышала, как в мелодии появляются фальшивые ноты, как она превращается в стон. Видела, как он гнется, словно под тяжестью, потому что их больше нет.

Город страдал. Оплакивал своих детей. Детей, которых он потерял. Которых может потерять. И утрата которых еще впереди. Бессильный наблюдатель бегства. Нетронутое поле битвы, проходящей неизвестно где.

Gli uomini erano stati i primi a mettersi in marcia. L'avevano salutata con fare sicuro. Giurato di tornare presto, così presto che nemmeno si sarebbe accorta della loro assenza. E lei ci aveva creduto. Poi erano partiti i ragazzi. Le avevano detto arrivederci con tono tremante. Promesso di non stare via tanto, che non c'era bisogno di preoccuparsi. E lei ci aveva creduto.

Infine, erano fuggiti gli altri. Donne, bambini, anziani. Le avevano detto addio. Giurato di non avere altra scelta, che avrebbero preferito rimanere. Ma stavolta lei non ci aveva creduto.

E poi un giorno sei andato via anche tu, senza salutare e senza fare promesse.

Avrei dovuto aspettarmelo, lo so. Non era difficile da capire in fondo, ma ingenuamente ho peccato dell'umana, basilare, convinzione che ci attendesse un destino diverso. Che ciò che ci circondava non ci riguardasse. Che certe cose *a noi* non potessero succedere. Mi sbagliavo, ovviamente.

Non importa. Del perché sia accaduto tutto questo non v'è certezza. Ragioni e spiegazioni si sono perse nelle pagine macchiate di un libro scritto da chi non perde tempo a leggere.

Ne è stato testimone il mondo intero però. Ha visto la città salutare i suoi figli mentre glieli strappavano dalle braccia immobili. Ha osservato il suo ventre, vuoto, gelare in lungo inverno. Ma non ha avuto compassione per lei. Le ha puntato il dito contro. Dipinta come una cattiva madre. Accusato chi indugiava a lasciarla. Rifiutato chi ne era fuggito, come il seme infetto di una pianta malata. E l'ha costretta a tacere.

Io sono rimasta. Siedo sulla stessa panchina davanti al laghetto ghiacciato.

Penso a quando ero convinta che perdere una persona equivalesse a soffrirne la mancanza. Da quando sei scomparso, invece, soffro del peso opprimente della tua presenza. Il macigno che mi preme sul cuore. L'ancora che mi tiene incatenata a questo luogo. La voce che mi rimbomba in testa.

Com'è successo? Cos'hai provato? Pensavi a me?

Non importa. Mi chiedo però a chi sia toccata la sorte più crudele.

A te? Finito lontano da casa. Te che hai camminato sul ghiaccio sottile e chiuso gli occhi per sempre. Condividi la sorte di molti. Ma non hai dovuto imparare a convivere con l'assenza.

A me? Rimasta sola. Me che sono sprofondata e ho dovuto imparare a nuotare. Condivido la sorte di molte. Ma i miei occhi sono ancora aperti.

Non importa. Le nostre sofferenze se le porta via il vento. Nessuno si è curato nemmeno di appuntarle ai margini delle pagine.

Первыми в путь отправились мужчины. Они уверенно махали городу. Обещали вернуться скоро, так скоро, что даже не заметишь их отсутствия. И город им верил.

Потом настал черед юных. Они прощались дрожащими голосами. Обещали, что отлучаются ненадолго и что не о чем переживать. И он им верил.

Наконец побежали все остальные. Женщины, дети, старики. Они говорили «прощай». Клялись, что другого выхода нет, что остались бы, будь на то их воля. Но им он уже не верил.

А затем, однажды, уехал и ты, не прощаясь и ничего не обещая.

Да, я знаю, этого стоило ожидать. И понять, в общем-то, несложно, но я наивно грешила самой обычной человеческой верой в то, что у нас все будет по-другому. Что происходящее вокруг нас не касается. Что *с нами* ничего подобного произойти не может. Конечно, я ошибалась.

Все равно. Причины того, что случилось, я так и не могу понять до конца. Разумные доводы и объяснения затерялись среди пятен на страницах книги, которую написал тот, кто сам не стал бы тратить время на ее чтение.

Роль свидетеля принял на себя весь мир. Он наблюдал, как город прощается со своими детьми, когда их вырывали из его окаменевших рук. Видел, как пустой живот города покрывается льдом в преддверии долгой зимы. Но сочувствия к нему не испытывал. Только указывал пальцем. В красках расписывал, какой он плохой отец. Осуждал медливших с отъездом. Отвергал сбежавших, как зараженное семя больного растения. И принуждал молчать.

А я осталась. Сидела на той же лавочке у замерзшего пруда.

Думаю о своем прежнем убеждении, что, теряя человека, страдаешь от его нехватки. Однако с тех пор, как ты исчез, я страдаю от одного только гнетущего груза твоего присутствия. Глыба, которая давит мне на сердце. Якорь, удерживающий меня на этом месте. Грохочущий в голове голос.

Как это случилось? Каково это было? Думал ли ты обо мне?

Все равно. Но я задаюсь вопросом, кому пришлось тяжелее.

Тебе? Ты закончил свой путь далеко от дома. Прошел по тонкому льду и навеки закрыл глаза. Как и многие другие мужчины. Но тебе не нужно примиряться с отсутствием.

Мне? Я осталась одна. Я провалилась, пришлось научиться плавать. Как и многим другим женщинам. Но мои глаза все еще открыты.

Все равно. Наши страдания уносит ветер. И никто не удосужился набросать о них хотя бы пару строк на полях страниц.

Ci è testimone ancora il mondo. Ci osserva dire addio al nostro amore mentre ce lo strappano dalle braccia immobili. Ma nemmeno di noi ha compassione. Ci volta le spalle. Ci ricorda che siamo il frutto malato di una pianta avvelenata. Ci chiede di tacere.

Io rimango. Siedo sulla stessa panchina, di fronte al laghetto ghiacciato.

Penso a quando ero convinta che a ognuno di noi spettasse un destino diverso. Ora incrocio gli sguardi dei passanti e so che ci tormenta lo stesso fantasma di un tempo andato. La stessa paura che sia perduto per sempre.

Quando è successo? Potevamo impedirlo? Come?

Non importa. Si dice che il tempo guarisce tutto, e io scelgo di crederci. E Allora in cielo ricomparirà il sole a rischiarare tutto. Le ferite si rimargineranno e la neve sciolta nutrirà le radici dei fiori. Tornerà la brezza piacevole e le strade si riempiranno di auto in arrivo. Si sveglieranno i bambini nelle culle e schiuderanno le uova nei nidi. Si frantumerà il ghiaccio e una nuova melodia sarà composta.

Non importa. Arriverà la primavera e tutto sarà cambiato.

Il mondo ci sarà testimone. Ci osserverà salutare la vita nuova. Strapparci le catene. Ma non avrà compassione. Ci indicherà. Dirà che siamo le radici nuove di una pianta di speranza. Ci ascolterà.

Io rimarrò qui. Siederò su quella stessa panchina di fronte al laghetto.

Penserò a quando ero sicura che il ghiaccio sarebbe durato per sempre, e noi con lui. E tu sarai con me, ma sarà fatta di leggerezza la tua assenza. Mi riempirai il cuore dell'allegria di ciò che è stato. Intreccerai le mie mani a quelle della città con il tuo ricordo. Mi riempiranno le orecchie le tue risate.

Hai camminato sul ghiaccio sottile e io sono sprofondata. *Non importa*, mi ripesceranno in primavera e nulla sarà stato invano.

Мир все еще наблюдает. Смотрит, как мы прощаемся со своей любовью, пока ее выдирают из наших обездвиженных рук. Но он не питает к нам сочувствия. Он отворачивается от нас. Напоминая, что мы — больной плод зараженного растения. И просит нас молчать.

Я остаюсь тут. Сажу на той же лавочке у замерзшего пруда.

Думаю о времени, когда еще была уверена, что нас обоих ожидает другая судьба. Теперь, встречаясь взглядом с прохожими, я знаю, что призрак ушедшего времени бродит и за ними. Тот же страх, что прошлое не вернуть.

Когда это случилось? Мы могли это предотвратить? Как?

Все равно. Говорят, что время излечивает любые раны, и я предпочитаю этому верить. Тому, что сейчас на небе появится солнце и озарит все вокруг. Раны заживут, талый снег подпитает корни цветов. Вдруг снова подует приятный ветерок, дороги заполнятся въезжающими в город машинами. Проснутся дети в своих колыбельках, а в гнездах из яиц вылупятся птенцы. Расколется лед, и по миру польется новая музыка.

Все равно. Придет весна, и все изменится.

И мир будет этому свидетелем. Он увидит, как мы встречаем новую жизнь. Как сбрасываем оковы. Но мир не проявит сочувствия. Он укажет на нас. Будет говорить, что мы — новые корни растения надежды. Будет нас слушать.

Я останусь тут. Буду сидеть на той же лавочке у пруда.

Буду думать о времени, когда верила, что лед продержится вечно, как и мы с тобой. И ты будешь рядом, но легкостью пропитается твое отсутствие. Ты наполнишь мое сердце радостью воспоминаний о том, что было. Переплетешь мои руки с руками города своей памятью. Мои уши вновь наполнятся твоим смехом.

Ты шел по тонкому льду, а я провалилась. *Все равно*, весной мое тело выловят, и окажется, что все не напрасно.

Nota critica

Il racconto *In primavera* di Arianna Lombardo porta il lettore a vedere da vicino il dolore straziante di una coppia di giovani fidanzati che vengono separati dalla morte. La panchina davanti al laghetto ghiacciato diventa il loro punto di appuntamento preferito, il loro trampolino sul mondo: «Abbiamo parlato l'uno sull'altro e poi ascoltato i nostri silenzi. Riso fino alle lacrime e pianto fino a ridere delle nostre debolezze». Innamorati e affiatati nel loro perfetto equilibrio di coppia, osano anche camminare sul ghiaccio sottile: è una sfida fatta nell'illusione che il loro amore sarebbe durato per sempre, che nulla li avrebbe potuti dividere. La guerra e la chiamata alle armi stravolgono la loro vita, poi arriva la notizia della tragica scomparsa di lui. Rimasta sola, schiacciata dal peso di quella che in effetti è una vedovanza, la ragazza si interroga continuamente su chi dei due ha conosciuto la maggiore sofferenza: lui che è morto in battaglia, o lei che è ancora viva e continua ad andare al loro laghetto ghiacciato? Lei ha dovuto imparare a convivere con l'assenza dell'amato, a ricostruirsi una quotidianità, ad accettare un destino imprevedibile. Ma in questo abisso di dolore, lei impara anche cosa sia la resilienza: «Si dice che il tempo guarisce tutto, e io scelgo di crederci». Arianna Lombardo ha efficacemente raccontato cosa sia, dal punto di vista femminile, la fine di un amore. Ma con una nota di speranza: «Arriverà la primavera e tutto sarà cambiato».

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ «Весной» Арианны Ломбардо позволяет читателю увидеть вблизи нестерпимую боль молодых влюбленных, которых разлучила смерть. Скамейка у замерзшего пруда становится их любимым местом встречи, ступенькой, с которой они смотрят на мир: «Говорили друг о друге, слушали тишину. Смех до слез и плач до смеха над нашими слабостями». Влюбленные, обретшие идеальное равновесие, не боятся гулять по тонкому льду – это вызов, рожденный иллюзией, что любовь продлится вечно и ничто не сможет их разлучить. Война и призыв на службу переворачивают их жизнь, а потом приходит весть о трагической кончине. Оставшись одна с тяжелым грузом того, что по сути является вдовством, героиня не перестает задаваться вопросом, кто же из них двоих страдал сильнее: он, погибший на поле боя, или она, все еще живая, все еще сидящая у того замерзшего пруда? Ей пришлось пережить потерю любимого человека, заново выстроить повседневную жизнь, смириться с неожиданным поворотом судьбы. Но в этой бездне горя она учится и стойкости: «Говорят, что время излечивает любые раны, и я предпочитаю этому верить». Арианна Ломбардо правдиво описала женский взгляд на то, как заканчивается любовь. Но есть в этой истории место и надежде: «Придет весна, и все изменится».

Мария Пиа Пагани

Biografia

Arianna Lombardo è nata a Scafati nel 1997. Nel 2021 si è laureata in Lingue e culture straniere presso l'Università degli Studi di Salerno, dopo aver frequentato anche un semestre di studi a Mosca per perfezionare la conoscenza della lingua russa. Nello stesso ateneo ha conseguito la Laurea Magistrale in Lingue e letterature moderne, ricevendo una menzione speciale per la sua tesi incentrata sulla ricezione delle opere di Edgar Allan Poe in Russia, nella quale ha analizzato e comparato le più celebri traduzioni russe del poema *The Raven*, offrendo infine una propria proposta originale di traduzione.

Биография

Арианна Ломбардо родилась в городке Скафати в 1997 г. В 2021 г. Окончила Салернский университет, получив диплом бакалавра по специальности «иностранные языки и литературы». Один семестр провела в Москве, чтобы улучшить знание русского языка. Затем в том же университете получила магистерскую степень в области современных языков и литературы, ее выпускная работа о рецепции творчества Эдгара Аллана По в России была отмечена как одна из лучших. Проанализировала и сравнила самые известные переводы стихотворения «Ворон» на русский язык, предложив в итоге и свой вариант.

Gian Michele Sella

Traduzione in russo di Aleksej Ignatov

Джан Микеле Селла

Перевод на русский язык Алексея Игнатова

IL NULLA DA RACCONTARE

Questa è la storia di un narratore che non ha nulla da raccontare.

Che storia è mai questa? Come fa un narratore, cantastorie per definizione, a non aver niente di nuovo da raccontare al suo interessato pubblico? Ebbene, nel futuro questo è. Perché? Perché la vita futura non esiste. E dunque, se la vita futura non esiste, cosa può mai avere un narratore da raccontare? Potrebbe discorrere della caduta di un sasso da una montagna, e potrebbe anche dare un nome a questo sasso, descrivere le sue peripezie minuziosamente, e così anche per i compagni di questo, concentrandosi magari sull'erosione che la montagna subirà nel tempo a furia di sassi caduti.

Ma chi vogliamo prendere in giro? Un mondo inorganico non potrà mai appassionare nessuno, perché non ci sarebbe proprio nessuno da appassionare!

Insomma, la terra, caratterizzata ormai da una non-vita futura, sarà trascurata dalla narrativa. Tuttavia, un narratore annoiato potrebbe decidersi un giorno a rompere questo silenzio e cominciare a raccontare di questo mondo privo di vita.

La storia comincia...

L'uomo, il prodigio in grado di solcare il mare e di sfruttare a proprio vantaggio la terra, ha modificato irreversibilmente il mondo, costruendo, esplorando, sfruttando e prosciugando risorse, e ha lasciato innumerevoli baluardi del progresso (o almeno tali lui li credeva). Ora tutti quegli edifici abbandonati aspettano di sgretolarsi nella sofferenza di una tortura che sembra infinita. Ora tutte le scoperte dell'uomo sono dimenticate. L'uomo pensava che aumentando il proprio sapere avrebbe potuto dominare la natura, sfruttarla a proprio vantaggio, e diventare sempre più potente (*sapere è potere*, d'altronde). Tuttavia, non è andata proprio così. La sua idea di progresso non si poteva certo dire priva di complicazioni: la concezione secondo cui asservire qualcosa per trarne dei vantaggi sia segno di sviluppo e benessere appare quantomeno controversa. Bisogna però rendere conto all'uomo anche del fatto che si fosse accorto di ciò che sarebbe potuto succedere, ma questo non è certamente stato sufficiente a fermarlo, e per colpa dell'uomo il narratore si trova ora a dover fare i conti con il nulla da raccontare.

Le grandi opere degli artisti, un tempo ammirate da schiere di turisti, sono ora sbiadite, danneggiate,

РАССКАЗЧИК, КОТОРОМУ БОЛЬШЕ НЕ О ЧЕМ РАССКАЗАТЬ

Это история о рассказчике, которому больше не о чем рассказать.

Что еще за история? Почему менестрелю не спеть внимательной публике? Не рассказать что-то новенькое? Увы, в будущем будет так. Отчего? Оттого, что самой жизни не будет. А раз нет жизни, о чем говорить? Можно описать, как катится камень с горы, придумать этому камню имя, поведать о его приключениях, о его собратях, сосредоточиться на том, как с исчезновением камней постепенно исчезнет и гора.

Кого мы хотим обмануть? Кому интересен мир, где не осталось ничего живого, ведь испытывать интерес будет некому!

В общем, литература обойдет вниманием землю, где будет разворачиваться будущая нежизнь.

Впрочем, однажды заскучавший рассказчик прервет молчание и поведает о безжизненном мире.

Рассказ начинается...

Человек, это чудо природы, умеющий бороздить океаны и использовать землю себе во благо, необратимо изменил мир, строя, исследуя, потребляя и истощая ресурсы, оставляя после себя бесчисленные цитадели прогресса (так он полагал). Нынче брошенные твердыни ждут, чтобы упасть и исчезнуть, устав от бесконечной пытки. Все совершенные человеком открытия забыты. Он верил, что, приумножая знания, сможет властвовать над природой, использовать ее себе на пользу, становиться все могущественнее (а как иначе, ведь знание — сила). Однако все пошло не совсем так. Человеческое представление о прогрессе таило в себе подвох: идея, что порабощение ради наживы, — признак развития и процветания, выглядит, по меньшей мере, спорной. Впрочем, надо отдать должное человеку: он понимал, что может случиться, но это его не остановило. И вот теперь рассказчику не о чем рассказать. Великие произведения художников, которыми восхищались толпы туристов, поблекли, потускнели, некоторые из них погибли. Посетить музей — словно заглянуть в уродливую лачугу, заваленную обветшалым хламом. По городу почти невозможно пройти: улицы

e alcune completamente distrutte. Una visita al museo, al giorno d'oggi, sarebbe come visitare la più brutta delle stamberghe, ricolma di cianfrusaglie mal invecchiate nel tempo. Visitare una città sarebbe invece pressoché impossibile, per via delle strade sotterrate dai detriti e dei grandi palazzi che, pian piano, annoiati dalla monotonia di questo mondo, cadono in pezzi. La gioia del progresso è scemata mestamente, l'auralità delle grandi opere si è frantumata quando queste hanno cessato di ricevere pellegrini desiderosi di ammirarle; tutto ciò che l'uomo prodigioso ammirava si è rivelato inconsistente in un mondo che dell'uomo non ha voluto più saperne.

Ed è stata proprio questa la grande mancanza dell'uomo, cioè non rendersi conto del fatto che la cultura che egli reclamava con tanto orgoglio era priva di utilità senza la natura. La creatura che tanto aveva voluto conoscere, e tanto aveva conosciuto, era rimasta nell'ignoranza della più basilare delle constatazioni. Chi avrebbe mai trovato utile tutto ciò che l'uomo aveva fatto, oltre all'uomo stesso? Ovviamente nessuno (eccetto che un narratore volenteroso di raccontare qualcosa di interessante e costretto a parlare del nulla). Caduto l'uomo, dunque, sono caduti anche i quadri, le statue, i templi, le chiese, i palazzi, le intere città, e i libri sono rimasti chiusi. Uccidendo la natura, l'uomo ha ucciso anche la cultura.

La storia finisce.

E dunque?

Questa storia-non storia una morale non ce l'ha e non l'ha mai voluta avere; d'altronde, si tratta solo di una malinconica monodia di un narratore annoiato e un po' stizzito dal brutto scherzo che l'uomo, dopo averlo creato, gli aveva giocato, abbandonandolo. Il narratore rimane tuttavia con l'amaro in bocca, perché sente l'esigenza di dover insegnare qualcosa a qualcuno, ma in un mondo in cui il qualcuno non c'è più, insegnerà al sasso come rotolare giù dalla montagna.

устланы обломками, высокие дома, утомившись от однообразия нового мира, постепенно разваливаются. Радость прогресса угасла, слава великих творений померкла, когда исчезли паломники, жадно стремившиеся любоваться ими. Все, чем восхищался человек, это чудо природы, стало ничем в мире, который больше о человеке знать не хотел.

Человек совершил страшную ошибку: культура, на которую он высокомерно делал ставку, бесполезна без природы. Существо, которое хотело знать так много и знало так много, осталось в неведении о самых простых вещах. Кто, кроме человека, мог бы оценить то, что сделал человек? Очевидно, никто (за исключением рассказчика, который хотел поведать что-то интересное, но вынужден говорить ни о чем). Человек пал, а с ним — картины, статуи, храмы, церкви, дворцы, целые города, книги остались непрочитанными. Убив природу, человек убил и культуру.

Рассказ окончен.

И что же?

У этой истории-неистории нет морали. Она ей не нужна. Это лишь грустная песня одинокого рассказчика, скучающего и раздосадованного злой шуткой, которую с ним сыграл создавший и бросивший его человек. Остался горький привкус, потому что рассказчику хочется кого-то чему-то научить. Тогда в мире, где больше никого нет, он научит камень катиться с горы.

Nota critica

Con *Il nulla da raccontare*, Gian Michele Sella ha costruito un testo narrativo basato su una forte provocazione legata al concetto di non-esistenza del tempo futuro: «Che storia è mai questa? Come fa un narratore, cantastorie per definizione, a non aver niente di nuovo da raccontare al suo interessato pubblico? Ebbene, nel futuro questo è. Perché? Perché la vita futura non esiste. E dunque, se la vita futura non esiste, cosa può mai avere un narratore da raccontare?» Rompere il silenzio di un mondo a venire, tristemente privo di vita, è il compito di un intellettuale. Ma per farlo in modo efficace e credibile, va fatta una seria riflessione sul legame – troppo spesso sottovalutato e vilipeso – tra natura e cultura. Si tratta infatti di un binomio di vitale importanza, che nessuno per coerenza dovrebbe ignorare: «Uccidendo la natura, l'uomo ha ucciso anche la cultura». La più grande mancanza dell'essere umano sta nel «non rendersi conto del fatto che la cultura che egli reclamava con tanto orgoglio era priva di utilità senza la natura». Senza educazione e rispetto per il creato, nessuna creatura può avere la presunzione di fare nulla di buono, né tantomeno di rilevante in termini di conoscenza. Ogni scrittore deve dunque tenere conto di tutto ciò per alimentare la sua creatività, altrimenti «in un mondo in cui il qualcuno non c'è più, insegnerà al sasso come rotolare giù dalla montagna».

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Джан Микеле Селла, «Рассказчик, которому больше не о чем рассказать», написал острый, провокационный текст, в котором говорится о несуществующем будущем. «Что еще за история? Почему менестрелю не спеть внимательной публике? Не рассказать что-то новенькое? Увы, в будущем будет так. Отчего? Оттого, что самой жизни не будет. А раз нет жизни, о чем говорить?» Нарушить молчание будущего, печального, лишённого жизни мира — задача для интеллектуала. Но чтобы сделать это убедительно, необходимо серьезно задуматься о связи — слишком часто недооцененной и упускаемой из вида — между природой и культурой. Это жизненно важная пара явлений, которую никто не имеет права игнорировать: «Убив природу, человек убил и культуру». Величайшее поражение человека в том, что он не осознал: «культура, на которую он высокомерно делал ставку, бесполезна без природы». Без образования и уважения к тварному миру никто из сотворенных существ не сможет сделать что-то хорошее, не говоря уже о том, чтобы что-то по-настоящему узнать. Поэтому каждый писатель должен учитывать это в своем творчестве, иначе он будет «учить камень катиться с горы».

Мария Пиа Пагани

Biografia

Gian Michele Sella è nato nel 2003 a Pavia, dove ha frequentato il Liceo Classico Ugo Foscolo. Frequenta il secondo anno della Facoltà di Lettere Antiche presso l'Università di Pavia, ed è alunno del Collegio Ghislieri e della Scuola Superiore IUSS di Pavia. Durante il percorso scolastico ha partecipato a concorsi letterari e a concorsi di traduzione dal greco, animato da un profondo interesse per la letteratura greca, latina, italiana e giapponese. Nel suo futuro immagina di continuare a coltivare i propri interessi proseguendo il corso di studi intrapreso specializzandosi in Filologia Classica.

Биография

Джан Микеле Селла родился в 2003 г. в Павии, окончил Лицей имени Уго Фосколо. Учится на втором курсе факультета античной литературы в Университете Павии, студент Колледжа Гизлиери и Высшей школы научных исследований в Павии. Участвовал в литературных конкурсах и конкурсах переводов с греческого языка, увлекается греческой, латинской, итальянской и японской литературой. Планирует заниматься классической филологией.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Ольга Баляева	Ol'ga Baljaeva
Алексей Игнатов	Aleksej Ignatov
Екатерина Лобкова	Ekaterina Lobkova
Мария Трофимова	Marija Trofimova
Мария Цветкова	Marija Cvetkova

Ольга Баляева родилась в г. Красноярск, окончила РГСУ (Москва) по специальности «лингвист, переводчик с английского и испанского языков», училась в магистратуре Миланского университета по специальности «Языки и культуры для коммуникации и международного сотрудничества». Работала в сфере туризма и организации бизнес-мероприятий. Учится в школе художественного перевода «Азарт» (итальянский семинар).

Ol'ga Baljaeva è nata a Krasnojarsk. Si è laureata in Linguistica, specializzandosi come traduttrice dall'inglese e dallo spagnolo presso l'Università Statale Russa di Scienze Sociali (Mosca) e ha conseguito la laurea magistrale in Lingue e culture per la comunicazione e la cooperazione internazionale presso l'Università degli Studi di Milano. Ha lavorato nell'ambito del turismo e dell'organizzazione di eventi aziendali. Studia alla scuola di traduzione letteraria "Azart" (seminario di italiano).

Алексей Игнатов родился в 1989 г. в Москве. Окончил Институт США и Канады РАН по направлению «международные отношения», а также московский Институт иностранных языков по направлению «лингвистика». Кинолог. Работает в приюте для животных и занимается социальным волонтерством. Студент Литературного института имени А. М. Горького.

Aleksej Ignatov è nato nel 1989 a Mosca. Si è laureato in relazioni internazionali presso l'Istituto degli Stati Uniti e del Canada dell'Accademia delle Scienze Russa e in linguistica presso l'Istituto di Lingue Straniere di Mosca. È un esperto cinefilo. Lavora in un rifugio per animali e fa volontariato sociale. È studente presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij.

Екатерина Лобкова родилась в г. Обнинске. Окончила исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова и магистратуру «Историческое знание» в НИУ ВШЭ. С 2010 г. занимается переводами с английского, итальянского, французского и латинского языков. В настоящее время работает редактором переводов в студии игровой локализации. На досуге читает, смотрит кино, путешествует, занимается городским ориентированием и играет в интеллектуальные игры. В числе ее переводов: Х. Дю Блей «Сила места», Дж. Беннетт «Траян», Р. Джакоббо «Леонардо да Винчи», Ч. Ди Чианни «Жизнь в других мирах», Э. Лэнг «Красная книга сказок» и др.

Ekaterina Lobkova è nata a Obninsk. Si è laureata presso la Facoltà di Storia dell'Università Statale M.V. Lomonosov di Mosca e ha conseguito un master in "Conoscenza storica" presso la Scuola Superiore di Economia dell'Università di Ricerca Nazionale. Dal 2010 traduce dall'inglese, italiano, francese e latino. Attualmente lavora come redattrice di traduzione presso uno studio di localizzazione di giochi. Nel tempo libero si dedica alla lettura, al cinema, ai viaggi, all'orienteeing urbano e ai giochi intellettuali. Tra le sue traduzioni: *La forza del luogo* di H. Du Blay, *Traiano* di J. Bennett, *Leonardo da Vinci* di R. Giacobbo, *Vita su altri mondi* di C. Di Cianni, *Il libro rosso delle fiabe* di A. Lang e altri.

Мария Трофимова родилась в г. Бийске. Владеет английским и итальянским языками. Проходила обучение в онлайн-школе художественного перевода «Азарт». Изучала итальянский язык в языковой школе «Сан-Ремо». Участник конференций, посвященных русской и зарубежной литературе, автор научных работ. Переводила с итальянского языка главы из книги Анны Черазоли «Числовые сюрпризы» («Лаборатория знаний», 2020), рассказ Джары Кан «Мое имя» («Иностранная литература», №5, 2022), с английского языка главы из романа Генри Джеймса «Другой дом» («Подписные издания», 2024). В настоящее время заканчивает обучение в Литературном институте имени А. М. Горького, преподает языки и занимается локализацией игр.

Marija Trofimova è nata a Bijsk. Parla inglese e italiano. Ha studiato presso la scuola online di traduzione letteraria “Azart”. Ha studiato italiano presso la scuola di lingue “San-Remo”. Ha partecipato a convegni sulla letteratura russa e straniera, è autrice di lavori scientifici. Ha tradotto capitoli del libro La sorpresa dei numeri di Anna Cerasoli (Laboratorija znaniy, 2020), il racconto Il mio nome di Djarah Kan (“Inostrannaja Literatura”, n. 5, 2022) e, dall’inglese, capitoli del romanzo L’altra casa di Henry James (“Podpisnye izdanija”, 2024). Attualmente sta completando gli studi presso l’Istituto Letterario A.M. Gor’kij, insegna lingue e si occupa di localizzazione di giochi.

Мария Цветкова родилась и живет в Воронеже. Студентка 3 курса факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Итальянский язык изучает в течение трех лет. Ранее не публиковалась.

Marija Cvetkova è nata e vive a Voronež. È studentessa del 3° anno della Facoltà di Filologia romanzo-germanica presso l'Università Statale di Voronež. Studia italiano da tre anni. Non ha mai pubblicato in precedenza.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Дарья Андреева	Dar'ja Andreeva
Марго Гритт	Margo Gritt
Евгения Зобнина	Evgenija Zobnina
Евфросиния Капустина	Evfrosinija Kapustina
Иветта Меликян	Ivetta Melikjan

Дарья Андреева

Перевод на итальянский язык Элеоноры Бьянки

Dar'ja Andreeva

Traduzione in italiano di Eleonora Bianchi

ГАЛОШКИ

Литая, каленая строчка, выдавленная задом наперед, ударилась о деревянный ящик. Но звука не было, стука не было — в типографском грохоте вывернутые наизнанку слова молчали.

Галошки забыли, а как на даче без галошек?

— Нина! — на подставку над клавиатурой просунулся листок. Заглавие гласило: «Сахарная свекла — опора колхоза». — В завтрашний номер...

В газете слова на одно лицо, хотя и там, бывает, услышишь знакомую интонацию, вдруг выпрыгнувшую из безликих засечек. А вот машинописные тексты разнятся: у редакционного «Ленинграда» с широкой кареткой, например, подпрыгивает «В» верхнего регистра, а личный «Континенталь» Лицкого из политновостей режет хвостики у «д». Но эту машинку Нина не знала — да и немудрено, сельскохозяйственный институт, неведомая ученая фамилия.

Как же забыли, галошки-то?..

Саюнде... Палец ударил мимо, Нина посмотрела на слово «сахарной» и не узнала его. Раздраженно добила строку абракадаброй: «выргвыбшкшырг» и начала снова: «Сахарная свекла...»

— Нина!

Листики срочные, сочные, набухшие чернильными сгустками — казалось, на вырванной из блокнота страничке еще лежало тепло корреспондентской ладони. «Матч Зиф — «Спартак»: победа над чемпионом». Буквы сутулились, топорщились, словно бы опускали глаза и улыбались смущенно.

Нина подскочила.

— Я сейчас!

В соседнем цеху наборщики раскладывали на столах металлические строки, стягивали их в рамы, чтобы слова, собранные из жизни в стройные истории, не разбежались обратно. В конце коридора — окно частыми стеклышками, за ним лестница на второй этаж и проходная,

LE GALOSCE

La riga calda fumante, impressa alla rovescia, sbatté contro la scatola di legno. Ma non ci fu nessun suono, nessun colpo: nel fragore della tipografia, le parole capovolte rimanevano in silenzio.

Ci siamo dimenticati le galosce, ma come si fa in dacia senza galosce?

«Nina!» sul supporto sopra la tastiera spuntò un foglietto. Il titolo recitava: “La barbabietola da zucchero è la colonna portante del kolchoz”. «Per il numero di domani...»

Sui giornali le parole sembrano tutte uguali, anche se talvolta perfino lì si può intravedere un tono familiare, che salta fuori all’improvviso dagli impersonali caratteri serif. Invece i testi dattiloscritti si differenziano: la “Leningrado” a carrello lungo della redazione, per esempio, fa spiccare un salto alle “V” maiuscole, mentre la “Continental” personale di Lickij, del reparto notizie politiche, taglia le asticelle delle “d”. Ma questa macchina da scrivere Nina non la conosceva, e non c’era da stupirsi: un istituto agricolo, l’ignoto cognome di uno scienziato...

Ma come si fa a dimenticarsi le galosce?

«Zungre...» Il dito aveva battuto troppo in là, Nina guardò la parola “zucchero” e non la riconobbe. Infastidita, diede il colpo di grazia alla riga con un abracadabra: «vyrgvybshkshyrg» e ricominciò daccapo: «La barbabietola da zucchero...»

«Nina!»

I foglietti erano urgenti, succosi, rigonfi di grumi d’inchiostro, pareva che sulla pagina, strappata da un taccuino, ci fosse ancora il calore del palmo della mano del corrispondente. “Partita ZiF - Spartak: battuti i campioni”. Le lettere erano ricurve e ondulate, come se tenessero gli occhi bassi e sorridessero imbarazzate. Nina sobbalzò.

«Arrivo!»

Nel reparto adiacente, i compositori tipografici disponevano le righe di metallo sui tavoli e le posizionavano nei telai, così che le parole, raccolte dalla vita e ricomposte in storie coerenti, non tornassero a disperdersi. In fondo al corridoio c’era una finestra a vetri retinati, dietro di essa le scale per il primo piano e un ingresso, e vicino all’ingresso, sotto un gagliardetto rosso, era affisso l’albo d’onore, con i nomi e i volti dei lavoratori meritevoli. Tra quei volti c’era anche quello di Nina (dopotutto era arrivata prima ai corsi di aggiornamen-

а возле проходной, под красным вымпелом, доска почета. Среди лиц и ее, Нинино — как-никак первое место на курсах профмастерства в прошлом месяце. Под доской, размахивая криво оторванными гранками, вещал Лицкий из политновостей, а напротив него маячила угловатая, с опущенными плечами, фигура в летнем плаще.

Он поднял голову, она из-за стеклышек махнула ему рукой. Он заулыбался, махнул в ответ, в сторону проходной, и она закивала. Она смотрела на него с двух сторон — из-за оконных стеклышек и из-под стекла доски почета, и в этом перекрестье ее взглядов был какой-то сладкий секрет.

И снова стрекот клавиш: «...весенний сев прошел на высшем агротехническом уровне». В цеху было жарко, но это жара обманная — надышали кипучие линотипы, — а на улице никакой жары и в помине. Небо было нарезано на ломтики высоким типографским окном, одни ломтики — голубые, другие — мохнатые, серые. Краем глаза Нина посматривала на них, пыталась украдкой прикинуть, каких больше. Вроде не должно быть дождя, но вдруг? У Митечки и так катар на катаре, ларингит на ларингите...

Долгоносики, кагаты, штрафные, угловые — а перед глазами стояли компрессы и градусники, и как он там будет болеть на этой садовой даче, если заболит? Но потом из окна упало и поцеловало в щеку густое, вольное солнце, и этот поцелуй градусники и компрессы изгнал. И сделался просто июньский вечер, и когда она шла по коридору, уже в плаще, в печатном цеху на больших белых листах вовсю раскатывался завтрашний день. Некраскин сидел неподалеку от проходной. Когда он встал ей навстречу, оказалось, что сидел он, как на пеньке, на бидоне.

— Что это у вас? — изумилась она.

— Вот, керосину хотел купить...

Он неловко заулыбался, взял Нину под руку, и бидон в другой руке нелепо звякнул. Маслянистый вечерний свет вдруг показался Нине прогорклым. Не нашел другого времени? Неужели она не лучше бидона, неужели хорошо ему и ладно идти вот так уравновесившись ими?

— Не сердитесь, Нина, — пробормотал он почти умоляюще, и она как-то разом простила.

to del mese scorso). Sotto l'albo, sventolando a destra e a manca delle bozze strappate, Lickij del reparto notizie politiche era impegnato a declamare, e di fronte a lui si profilava, con le spalle ricurve, una figura spigolosa che indossava un impermeabile estivo.

La figura sollevò il capo, lei lo salutò da dietro i vetri. Lui sorrise, le fece cenno di andare all'ingresso, e lei annuì. Lei lo guardava da due lati: da dietro i vetri della finestra e da sotto il vetro dell'albo d'onore, e in quel convergere di sguardi vi era come un dolce segreto.

E di nuovo il ticchettio dei tasti: «... la semina primaverile è stata effettuata con le migliori agrotecnologie». Nel reparto faceva caldo, ma era un caldo ingannevole. Le linotype roventi fumavano, ma fuori non c'era traccia di caldo. L'alta finestra della tipografia tagliava il cielo a fettine, alcune blu, altre a batuffoli grigi. Con la coda dell'occhio Nina gli lanciava occhiate furtive, cercando di calcolare quali fossero più numerose. Non dovrebbe piovere, ma nel caso? Mitečka aveva un catarro dopo l'altro, una laringite dopo l'altra... Calandre, mucchi di barbabietole, rigori, calci d'angolo... ma continuava a figurarsi impacchi e termometri, e chissà come starà male lì, alla dacia del centro estivo, se si ammalerà? Ma poi dalla finestra calò, raggiante e dilagante, il sole, e la baciò sulla guancia, e quel bacio scacciò via i termometri e gli impacchi. Divenne una semplice sera di giugno, e mentre lei camminava lungo il corridoio, con l'impermeabile già addosso, nel reparto stampa, sui grandi fogli bianchi, andava dispiegandosi senza sosta l'indomani.

Nekraskin era seduto non lontano dall'ingresso. Quando si alzò per andarle incontro, risultò che era seduto, come su di un ceppo, su un bidone.

«Che cos'ha lì?» si meravigliò lei.

«Ecco, volevo comprare del cherosene...»

Lui sorrise impacciato, prese Nina sottobraccio, e il bidone che teneva nell'altra mano tintinnò in modo ridicolo. La luce torbida della sera si fece improvvisamente rancida agli occhi di Nina. Non aveva trovato un altro momento? Possibile che lei non valesse più di un bidone, possibile che a lui andasse bene andare in giro così, con quei due contrappesi?

«Nina, non se la prenda», mormorò lui in tono quasi supplichevole, e lei lo perdonò all'istante.

I tram rombavano, la folla fluiva, la difesa, il centrocampo, lui blaterava della partita e di come lo ZiF avesse segnato a un soffio dalla fine del secondo tempo. Il cielo era limpido, sui toni del lilla, e solo all'orizzonte si intravedeva della foschia grigia, e oggi senz'altro non avrebbe piovuto, ma le galosce doveva comunque

Грохотали трамваи, текли толпы, защита, полузащита, он болтал про матч и как ЗиФ забил в самом конце второго тайма. Небо было чистое, сиреневатое, только там, где совсем горизонт, серела какая-то хмарь, и в общем-то сегодня дождя наверняка не будет, но галошки надо отвезти, обязательно надо завтра, пока выходная.

В керосинной лавке пахло едко, и Некраскин, перекосившись от тяжелой ноши, стал еще сутулее. И глупо, неудобно уже было с плещущимся бидоном куда-то идти, да и завтра надо не заспать.

— Я уж домой, — сказала Нина. — Завтра сына надо навестить...

До самого дома он не пошел, вечером двор полон народу, и они еще долго ходили по садику за углом. В садике, кроме них, были урчащие голуби и мохнатые тополя, и голуби тоже ходили туда-сюда, не то передразнивая, не то подражая. А потом Нина сидела на бидоне, и бидон был даже кстати — устали ноги.

— А вам керосину не надо? — спросил Некраскин, когда они опять принялись прощаться.

— Да нет...

Без Митечки Нина почти не готовила, много ли ей нужно. Вот и сейчас — зашла на кухню только чаю вскипятить, а там парили, дымили, соседка махала над примусом полотенцем, бранилась:

— Сказала своей картошку сварить — она кастрюлю поставила, а сама, разбойница, во двор!

Дождаясь, пока взбурлит чайник, Нина невзначай подшагнула к окну. Из окна видно было ущелье переулка, жались вдоль стен кривые тротуарчики, и вдалеке, в зареве, еще маячила некраскинская спина, перекошенная бидоном.

— Что на газете? — поинтересовалась соседка.

— Кагатирование сахарной свеклы имеет большой положительный эффект, — ответила Нина. — ЗиФ — «Спартак»: два-ноль.

И тихонечко улыбнулась.

— Повезло нам, все новости накануне узнаем, — посмеялась другая соседка, раскатывавшая тесто. — Газету покупать не надо!

portargliele, e doveva farlo per forza domani, che aveva il giorno libero.

Il negozio di cherosene emanava un odore acre, e Nekraskin, ricurvo per il pesante carico, divenne ancora più gobbo. Era già stato abbastanza stupido e scomodo andarsene a zonzo con un bidone sciabordante, e poi domani doveva svegliarsi presto.

«Ora devo andare», disse Nina. «Domani devo andare a trovare mio figlio...»

Lui non arrivò ad accompagnarla fin sotto casa. Di sera il cortile era pieno di gente, così camminarono ancora a lungo per il giardinetto dietro l'angolo. Nel giardinetto, oltre a loro, c'erano piccioni che brontolavano e pioppi muschiati, e anche i piccioni camminavano su e giù, e non era chiaro se li stessero scimmiettando o solo imitando. Poi Nina si sedette sul bidone, e il bidone si rivelò utile: si sentiva le gambe stanche. «Non le serve del cherosene?» chiese Nekraskin, quando furono di nuovo sul punto di accomiarsi.

«Ma no...»

Senza Mitečka, Nina non cucinava quasi mai; non aveva bisogno di molto. Anche quella volta andò in cucina solo per far bollire un po' di tè, ma la cucina era piena di vapori e di fumi, e una coinquilina sventolava un asciugamano sopra il fornello, imprecando:

«Le ho detto di lessare le patate. Quella ha messo su la pentola, e poi se n'è uscita in cortile, la delinquente!» Mentre aspettava che la teiera bollisse, Nina si avvicinò soprappensiero alla finestra. Dalla finestra si vedeva il punto in cui il vicolo si restringeva, gli storti e stretti marciapiedi si rimpicciolivano lungo i muri, e in lontananza, nel tramonto all'orizzonte, si profilava ancora la schiena di Nekraskin, ricurva sotto il peso del bidone.

«Cosa dicono i giornali?» chiese la coinquilina.

«Stoccare la barbabietola da zucchero nei campi produce effetti molto positivi», rispose Nina. «ZIF - Spartak: due a zero.»

E sorrise dolcemente.

«Siamo fortunati, riceviamo tutte le notizie il giorno prima», ridacchiò un'altra coinquilina che stava stendendo la pasta. «Non abbiamo bisogno di comprare il giornale!»

Le finestre della stanza di Nina affacciavano sul cortile. Quella mattina aveva lasciato un'anta aperta e il vento aveva fatto volare fuori la tenda, aggrovigliandola intorno alla grondaia. Lì non si vedeva il tramonto, ma solo un bagliore sul muro della casa di fronte, rosa e pallido. E Nina, mentre sbrogliava la tenda dal tubo

Нинины окна выходили во двор, одну створку она с утра оставила открытой, и ветер выдул занавеску, зацепил за водосточную трубу. Зарева тут не было, был только отсвет на стене дома напротив, розовый и бледный. И Нина, отцепляя занавеску от жестяного стана, живо вообразила розовые сосны на садовой даче и тучки над рекой. Под зеркалом лежал хворост и грильяж — гостинцы для Митечки, — и она поскорее слезила в шкаф, положила рядом галошки, черные с красным нутром, чтобы не дай бог не забыть. С Митечкиной кровати смотрела обезьянка с круглыми глазами — она на дачу не поехала, в первый раз не поехала, и Нина погладила ее, зашитенькую, за ушами.

Обезьянка всю ночь стерегла ее сон, и когда Нина проснулась, она сразу поняла, что что-то — хорошо. Хорошо было, что водосточную трубу она ночью не слышала, и еще что во сне, кроме розовых сосен, мелькал Некраскин, и он что-то нелепое делал — кажется, гладил рубашку.

Нина приснула с закрытыми глазами.

На скорую руку позавтракав, она собрала грильяж и хворост, сунула в сумку галошки, выскочила в утренний двор и обомлела: лужи! Черный асфальт, набухшая земля! А за городом поди и того сырее, промочит Митечка ноги как пить дать!

Она стремглав бросилась на трамвай, будто еще могла успеть, и за углом чуть не угодила под фонтан: там стоял дворник со шлангом. Охнув и отпрянув, она с облегчением засмеялась: — Утро доброе! А я уж подумала, дождь был!

В трамвае Нина не удержалась, погрызла немножко грильяжу. На зубах стало вязко. Сумка с галошками стояла на коленях, и она смотрела на едущий мимо город, на порхание тополиных клочьев, и думала, что скоро уже надо брать следующий размер, и еще что интересно, как сыграют сегодня «Динамо» со «Стартом», хотя футболом никогда не интересовалась. А вот Митечка футбол любил, у него и мяч под кроватью лежал, малость лохматый от ниток, — и это почему-то было хорошо, даже очень.

Трамвай остановился у вокзала, Нина подхватила сумку и устремилась в кассу. До поезда еще было время, и она приникла к киоску, закопалась в вертушках и хлопушках. И когда прокашлялся и заговорил репродуктор, она среди вертушек и хлопушек не сразу разобрала,

di latta, immaginò vividamente i pini rosa della dača del centro estivo e le nuvolette sul fiume. Ai piedi dello specchio c'erano le chiacchiere e il croccante, regalini per Mitečka, e lei si affrettò a frugare nell'armadio per riporvi accanto le piccole galosce nere con l'interno rosso, non sia mai che le dimenticasse. Dal letto di Mitečka la osservava una scimmietta dagli occhi rotondi, (lei in dacia non ci era andata, ed era la prima volta che non ci andava) e Nina la accarezzò dietro le orecchie, dove era stata ricucita.

La scimmietta aveva vegliato su di lei per tutta la notte e, non appena Nina si svegliò, capì subito che qualcosa stava andando per il verso giusto: era un bene che di notte non avesse sentito la grondaia, e anche che nel sogno, oltre ai pini rosa, avesse fatto capolino Nekraskin, goffamente intento a fare qualcosa, forse stirare una camicia.

Nina balzò in piedi con gli occhi ancora chiusi.

Dopo una rapida colazione, prese le chiacchiere e il torrone, infilò le galosce nella borsa, si precipitò nel cortile e rimase allibita: pozzanghere! Asfalto nero, terreno rigonfio! E in campagna dev'essere ancora più umido, e su questo non ci piove: Mitečka si inzupperà i piedini!

Si diresse a rotta di collo verso il tram, come se potesse ancora prenderlo in tempo, e girato l'angolo per poco non finì per farsi la doccia: lì uno spazzino teneva in mano una manichetta. Emise un grido di stupore e indietreggiò, poi, sollevata, scoppiò a ridere:

«Buongiorno! E io che pensavo che avesse piovuto!»

Sul tram, Nina non poté resistere a sgranocchiare un po' di torrone. I denti le diventarono appiccicosi. Teneva sulle ginocchia la borsa con le piccole galosce, e guardava la città che le scorreva accanto, i ciuffi di pioppo che svolazzavano, e pensava che presto avrebbe dovuto prendere una taglia in più, ed era anche curiosa di vedere come avrebbero giocato oggi la Dinamo e lo Start, anche se il calcio non le era mai interessato. Però Mitečka amava il calcio, aveva persino un pallone sotto il letto, un pelino sfilacciato, e per qualche motivo anche questo era un bene, anzi, un gran bene.

Il tram si fermò alla stazione, Nina prese la borsa e si fiondò alla biglietteria. C'era ancora tempo prima del treno, così si avvicinò all'edicola e si mise a rovistare tra le girandole e gli spara coriandoli. E quando l'altoparlante si schiarì la gola e prese a parlare, lei, circondata com'era dalle ghirlande e dagli spara coriandoli, non colse subito che non si trattava di un annuncio ferroviario.

«Ma non può essere,» disse qualcuno nelle vicinanze. «Com'è possibile?»

что это не вокзальное объявление.

— Да не может быть, — сказал кто-то рядом. — Как так?

Или это внутри у Нины сказалось. Потому что кругом, под струящимся из репродуктора голосом, была лишь тишина и поднятые головы. Даже вертушка стояла неподвижно, растопырив пестрые лепестки.

Когда голос из репродуктора иссяк, Нина бросилась с платформы наружу. Люди непонятно шарахались, словно потеряв дорогу. На ступеньках вокзала ветер рванул вертушку, пестрые лепестки с треском крутанулись, превратившись в калейдоскоп. В подмышку уперлось что-то большое и упругое, она пихнула галошки обратно в сумку, но те не хотели лежать смиренно, опять неудобно вылезли, а Нина думала только, что надо на работу, скорее надо на работу...

Трамваи на привокзальной площади не метались, они ехали крепко, раз и навсегда приговоренные к рельсам, и один из них зазвенел на нее, когда она сунулась было поперек. Нина испугалась, охолонулась.

Да нет, какая работа? Надо на дачу, забрать Митечку, забрать и привезти. Поезд через три минуты...

Нина кинулась обратно на платформу, приминая под мышкой непослушные галошки. Там уже громыхал, подъезжая, паровоз. И такой же черной стучащей громадой надвинулась следующая мысль: нет, как же привезти, если сад на даче, а завтра рабочий день — где же она его оставит?

Ее толкнули, и неудобно растопырившаяся галошка выскочила из-под мышки, поскакала по платформе. Нина погналась за ней, испугалась, что затопчут, спихнут на пути, а следующий размер все же еще рано, на лето эти надо доносить. Паровоз свистнул, на нее или сам по себе, но Нина все равно нырнула под людские ноги, выхватила галошку из-под таранящей тележки, спасла, бросила сердито:

— Смотрите, куда едете!

Небо слилось по цвету с паром, тяжелые клубы легли на навес платформы. Прижимая галошку к груди, Нина сквозь суету шагнула в открытые двери вагона.

O forse a parlare era stata la voce interiore di Nina, dato che tutt'intorno, sotto la voce che scorreva dall'altoparlante, c'erano solo silenzio e teste alzate. Perfino la girandola se ne stava immobile, con i variopinti petali dischiusi.

Quando la voce dell'altoparlante tacque, Nina uscì, lasciandosi i binari alle spalle. Le persone brancolavano a tentoni, come se si fossero perse. Sui gradini della stazione, il vento mise in moto una girandola, i suoi petali variopinti presero a girare crepitando, trasformandosi in un caleidoscopio. Qualcosa di grosso e di elastico le faceva pressione sotto l'ascella, spinse di nuovo le galosce nella borsa, ma non volevano starsene ferme, e rispuntarono fuori fastidiosamente, ma Nina riusciva solo a pensare che doveva andare al lavoro, doveva andare al lavoro il prima possibile...

I tram nel piazzale della stazione non arrancavano, procedevano ben saldi, una volta per tutte condannati alle rotaie, e uno di loro scampanellò a Nina, che era sul punto di attraversare. Lei si spaventò, gridò.

Ma no, ma quale lavoro? Devo andare in dacia, prendere Mitečka, prenderlo e riportarlo a casa. Il treno è tra tre minuti...

Nina, schiacciando sotto il braccio le galosce ribelli, tornò di corsa al binario, dove già strideva la locomotiva a vapore in avvicinamento. E come stava arrivando quel nero incessante stridio, allo stesso modo arrivarono anche questi pensieri: no, come faccio a riportarlo a casa, il centro estivo è alla dača in campagna, e domani è un giorno lavorativo... A chi lo lascio?

Qualcuno la spinse e una galoscia, che si era fastidiosamente dispiegata, le saltò da sotto il braccio e galoppò giù per la banchina. Nina la rincorse, temendo che la calpestassero, che la gettassero sui binari, ed era ancora troppo presto per prendere una taglia in più, quest'estate doveva finire di portare queste. La locomotiva fischiò, forse a causa sua o forse per i fatti propri, ma Nina si tuffò comunque tra le gambe della gente, strappò la galoscia da sotto il carrello che la stava speronando, la salvò ed esclamò infuriata:

«Guardi dove va!»

Il cielo si fece tutt'uno con il vapore, delle fitte nubi ricoprirono la pensilina della banchina. Stringendosi la piccola galoscia al petto, Nina attraversò il trambusto ed entrò nelle porte aperte della carrozza.

Отзыв о рассказе

Рассказ Дарьи Андреевой «Галошки» поначалу напоминает одну из лучших сцен в фильме Андрея Тарковского «Зеркало», когда главная героиня, корректор в советской газете, вспоминает о том, что, возможно, допустила ужасную ошибку и бежит в типографию проверить корректуру. Нечто похожее и здесь, правда поначалу без особого надрыва: типография, сталинская эпоха, лето, трамвай, молодая одинокая женщина в плаще, ребенок на даче, очень точные бытовые подробности времени, но то же ощущение тревоги, как в «Зеркале», а главное — то же столкновение частной человеческой жизни и большой истории. Однако у Андреевой эта тема решается иначе, чем у Андрея, если позволить себе нехитрый каламбур, и здесь интрига иного происхождения. Ее рассказ — это фрагмент, выхваченный из потока жизни, мелкие, казалось бы, женские, материнские заботы — отправила ребенка в детский лагерь и забыла дать ему галоши — вечерняя, беззаботная Москва, где газетные новости не имеют отношения к повседневной жизни горожан, но все же вызывают их острый интерес, керосин, футбольный матч, несостоявшееся свидание и... страшное известие, которое обрушивается наутро на жителей города как цунами, как извержение Везувия и не оставляет в стороне никого.

Искусство рассказа заключается в том, что событие это не названо по имени и, возможно, даже не будет понятно итальянскому читателю в переводе, если только переводчик не совершит чуда или не даст на худой конец подстрочный комментарий, но которое очевидно для каждого русского читателя – речь идет о начале войны. Той, что мы называем Великой Отечественной, а на Западе кличут Второй мировой, и оттого мы можем точно указать время действия «Галошек» — 21–22 июня 1941 года.

У рассказа открытый финал, что будет дальше с героями, нам неизвестно, да и они этого сами пока что не знают. Однако именно такая проза о мире и войне, человечная, искусная, лишенная грубого пропагандистского посыла, но сохраняющая живую память о прошлом, и есть настоящая литература, понятная каждому читателю, независимо от страны проживания.

Алексей Варламов

Nota critica

In un primo momento il racconto *Le galosce* di Dar'ja Andreeva ricorda una delle migliori scene del film *Lo specchio* di Andrej Tarkovskij, quando alla protagonista, corretrice di bozze per un giornale sovietico, viene il dubbio di aver commesso un terribile errore e corre in tipografia per controllare. Qualcosa di simile lo ritroviamo anche qui, seppure in un primo momento senza particolari avversità: una tipografia, l'epoca staliniana, l'estate, un tram, una giovane donna single con l'impermeabile, un bambino in dacia, dei dettagli molto precisi della quotidianità di quel periodo, ma anche lo stesso senso di angoscia che è presente ne *Lo specchio*, e, soprattutto, la stessa collisione tra le vite private degli uomini e la grande storia. Tuttavia Andreeva, mi si perdoni lo scontato gioco di parole, affronta questo tema in modo diverso da Andrej, e qui l'intreccio ha un'origine differente. Il suo racconto è un frammento strappato al flusso della vita: delle preoccupazioni apparentemente insignificanti, preoccupazioni femminili e materne (ha mandato il figlio al campo estivo e si è dimenticata di dargli le galosce), una Mosca spensierata alla sera, dove le notizie dei giornali non hanno nulla a che fare con la vita quotidiana dei cittadini, ma suscitano comunque il loro vivo interesse, del cherosene, una partita di calcio, un appuntamento mancato e... una notizia terribile, che al mattino si abbatte sugli abitanti della città come uno tsunami, come l'eruzione del Vesuvio, e non risparmia nessuno.

La finezza di questo racconto sta nel fatto che l'evento in questione non viene chiamato per nome e, probabilmente, al lettore italiano che lo legge in traduzione esso non risulterà chiaro (a meno che il traduttore non compia un miracolo o non inserisca, nella peggiore delle ipotesi, una nota a piè di pagina), ma che è ovvio per qualsiasi lettore russo: si tratta dell'inizio della guerra, di quella che noi russi chiamiamo Grande Guerra Patriottica, ma che in Occidente chiamano Seconda Guerra Mondiale. Per tale motivo possiamo datare con precisione l'ambientazione de *Le galosce*: 21-22 giugno 1941.

Il racconto ha un finale aperto, non ci è dato sapere cosa succederà ai personaggi, e per ora non lo sanno neanche loro. Tuttavia, è proprio questo tipo di prosa sulla pace e sulla guerra – una prosa umana, magistrale, priva di grossolana propaganda, ma che tiene vivo il ricordo del passato – a costituire la vera letteratura, comprensibile ad ogni lettore, indipendentemente dal Paese di residenza.

Aleksej Varlamov

Биография

Дарья Андреева родилась в Москве, окончила филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Переводчица художественной литературы. Сотрудничает с издательствами «АСТ», «КомпасГид», «Синдбад», «Popcorn Books» и др., с журналом «Иностранная литература». Лауреат премии «Инолит» (2020), премии имени Соломона Апта (2016). В ее переводе вышло больше двадцати книг для детей и взрослых. Полуфиналист премии «Лицей» (2023), лауреат фестиваля короткого рассказа «Кора» (2023), финалист (2022) и полуфиналист (2023) конкурса «Новая детская книга».

Biografia

Dar'ja Andreeva è nata a Mosca e si è laureata presso la Facoltà di Lettere dell'Università Statale Lomonosov di Mosca. È una traduttrice letteraria. Collabora con le case editrici "AST", "KompasGid", "Sindbad", "Popcorn Books" e altre, e con la rivista "Inostrannaja literatura". È vincitrice del Premio "Inolit" (2020) e del Premio intitolato a Solomon Apt (2016). Ha pubblicato le traduzioni di più di venti libri per bambini e adulti. È semifinalista del Premio "Licej" (2023), vincitrice del festival del racconto breve "Kora" (2023), finalista (2022) e semifinalista (2023) del concorso "Novaja detskaja kniga".

Марго Гритт

Перевод на итальянский язык Мартины Фатторе

Margo Gritt

Traduzione in italiano di Martina Fattore

СЕКРЕТИК

У деда Ефима сын помер, а ему никто не сказал.

— А чего Гришка не заходит? — спрашивал дед.

— Та небось в город по делам умотал, — отвечали ему.

Дедову койку переставили так, чтобы он мог в окошко глядеть, а то от телевизора глаза слезились. Правда, глядеть там особо было не на что: глухая стена летней кухоньки, крест антенны, на который по утрам повадилась садиться одна и та же сорока, путанные тени от шелковицы, колонка с облезлой решеткой над сливом — после огорода баба Шура мыла под краном галоши, и дед Ефим все ждал, когда она наклонится к нему спиной, — единственное развлечение за день. Рядом на земле валялся обглоданный подчистую скелет тараньки, которая после Юркиной рыбалки иногда перепадала кошкам, и нет-нет да одна из куриц, шастающих по двору, подходила его клюнуть. Дед Ефим загадывал: сейчас подойдет та рыжая с белесым пятном на шейке. Когда сбывалось — радовался. Вот только действовала на нервы сетка-рабица, которая отделяла их двор от соседского, — продавленная после снежной зимы, вот-вот завалится.

— Гришка нехай придет, починит забор.

— Горбатится по две смены нынче, некогда.

Рядом с койкой деду Ефиму поставили швабру с длинным черенком, чтобы он стучал по стеклу в случае чего. Дед сперва бабу Шуру своей морзянкой загонял — туда-сюда, подай-принеси, — но с каждым днем удерживать швабру в руках становилось труднее. «Лишь бы до Пасхи не дожил, — думала баба Шура и крестилась украдкой. — Прости, Господи, дуру грешную».

Как объяснили внучке Катюше, самой младшенькой в семье, в дедовой голове выросла шишка.

— То из-за меня все, — говорила баба Шура. — Помнишь, ты тогда после танцев подрался из-за меня с городскими, и они тебя хорошенько так приложили темечком к рельсам. Думали, обошлось, а оно вона через сколько лет дало о себе знать... Ты считай, из-за меня

IL PICCOLO SEGRETO

A nonno Efim morì il figlio, ma nessuno glielo disse.

“Perché Griška non viene?” chiese il nonno.

“Probabilmente sarà andato in città a sbrigare delle faccende” gli risposero.

Il letto del nonno era stato spostato in modo che potesse guardare fuori dalla finestra perché la televisione gli faceva lacrimare gli occhi.

Ma la verità è che non c’era molto da guardare: il muro cieco della cucina rustica, l’antenna a croce su cui la mattina si appollaiava la solita gazza, le ombre aggrovigliate del gelso, la colonna con la griglia arrugginita sopra lo scarico. Dopo aver fatto l’orto nonna Šura sciacquava gli stivali di gomma sotto il rubinetto, e nonno Efim aspettava sempre che si chinasse dandogli le spalle: questo era l’unico svago della sua giornata. Accanto giaceva a terra la lisca rosicchiata di un pesce essiccato che di solito Jura dava ai gatti quando tornava dalla pesca; di tanto in tanto una delle galline che gironzolavano nel cortile andava a beccarla. Nonno Efim tirava a indovinare: ora si avvicinerà quella rossa con la macchia biancastra sul collo. Quando la previsione si avverava se ne rallegrava. C’era solo una cosa che lo innervosiva ed era la recinzione che separava il loro orto da quello dei vicini: pressata dall’inverno nevoso, stava quasi per crollare.

“Griška dovrebbe venire a riparare la recinzione”.

“Si spacca la schiena due turni al giorno adesso, non ha tempo”.

Accanto al letto di nonno Efim misero uno scopettone con il manico lungo da battere sul vetro nel caso in cui avesse avuto bisogno di qualcosa.

All’inizio il nonno esasperò nonna Šura con il suo codice morse — avanti e indietro, prendi e porta, — ma con il passare dei giorni mantenere lo scopettone in mano diventava un’impresa sempre più ardua.

“Speriamo che non arrivi alla Pasqua” pensò Baba Šura, facendosi il segno della croce furtivamente.

“Perdonami Signore, sono solo una stupida peccatrice”.

Come spiegavano alla nipote Katjuša, la più giovane della famiglia, nella testa del nonno era cresciuto un bernoccolo.

теперь больной.

— Ну ты глупости-то не говори, — отвечал дед Ефим, но баба Шура настаивала: «Из-за меня, из-за меня».

Ей хотелось хоть в чем-то быть значимой.

— Что-то Гришки давно не видать.

— Отлеживается дома, грипп подхватил.

Думали, скажут — деду кранты, сердечный приступ. А так хоть спокойно помрет в неведении. Из ума-то не выжил пока, как ихний сосед по огороду, соображал хорошо, аж досада иной раз брала. Бабе Шуре приходилось бдить днем и ночью. Гришкина вдова после поминок на девять дней сунулась было к ним во двор, так баба Шура, точно Кабысдох, что помер прошлой весной: тьяв-тяв, не пуцу.

— Куда в черной косынке, дура? А ну, снимай.

Оба сына были дедовы, от первого брака, своих у бабы Шуры не случилось. Вернее, по молодости случилось два самопальных аборта, а после уже ничего случиться не могло. Старшего, Юрку, она приняла как родного, а Гришка всегда был каким-то нелюдимым, скрытным. Бирюк, как про него в деревне говорили. Жену себе тоже нашел не от мира сего. Все по монастырям таскалась, свечечки-иконки, пучок вербы над входом, пост такой, пост сякой, немудрено, что Гришка запил.

— Гришка совсем стыд потерял, отца больного даже не проведает.

— Замотался, забыл. Придет.

Катюше, Юркиной дочке, строго-настрога наказали при дедушке ничего об утопшем дядьке не говорить.

— У нас от дедушки секретик.

А в конце апреля, через неделю после Пасхи, до которой дед Ефим все-таки дожил, он сказал бабе Шуре:

— Погладь мне рубашку на завтра.

— Ты куда намылился? — спросила она.

— Склероз воскрес, Шура. Родительский день же.

“È tutta colpa mia,” disse nonna Šura. “Ricordi quella volta in cui dopo il ballo hai litigato con quelli del paese per colpa mia e ti diedero una bella botta facendoti sbattere la testa sui binari? Pensavamo che fosse tutto a posto, e invece guarda dopo quanti anni è tornata a farsi sentire... È colpa mia se ora sei malato”.

“Non dire sciocchezze” rispose nonno Efim, ma nonna Šura insisteva: “Per colpa mia, per colpa mia”. Voleva sentirsi importante almeno in qualcosa.

“Non vedo Griška da molto tempo”.

“È rimasto a casa, ha preso l’influenza”.

Pensavano di dirglielo ed ecco che sarebbe accaduto: il nonno è morto, colpa di un infarto. Mentre così sarebbe morto nella beata ignoranza. Ancora non aveva perso la testa, come il loro vicino di orto, ragionava bene, tanto che a volte dava persino fastidio. Nonna Šura doveva stare all’erta giorno e notte. Come quando la vedova di Griška, dopo la veglia funebre di nove giorni, entrò nel loro cortile, e allora nonna Šura, proprio come Kabysdoch, che morì la primavera passata abbaiò: bau bau, tu qui non puoi entrare!

“Dove vai con il fazzoletto nero, sciocca? Dai, toglietelo”.

Entrambi i figli del nonno erano nati dal suo primo matrimonio, ma con nonna Šura non ne avevano avuti. O meglio, in gioventù lei si procurò due aborti, e poi non era più successo nulla. Jurka, il più grande, lo accettò come se fosse suo figlio, mentre Griška era sempre stato un tipo poco socievole e riservato.

Un lupo solitario, come lo chiamavano in paese. Anche la moglie che si scelse sembrava visse su un altro pianeta. Pellegrinaggi nei monasteri, candele, icone, mazzi di salici all’ingresso, un digiuno a destra e uno a manca, non c’era da stupirsi che Griška si fosse messo a bere.

“Ma non si vergogna Griška?! Non viene a trovare neanche suo padre malato”.

“Ha tante cose per le mani, si sarà dimenticato. Verrà”.

Katjuša, la figlia di Jurka, aveva ricevuto l’ordine tassativo di non dire nulla dello zio annegato davanti al nonno.

“ Non dobbiamo rivelare questo piccolo segreto al nonno”.

E alla fine di aprile, una settimana dopo la Pasqua, alla quale sopravvisse, nonno Efim disse a nonna

Все-то баба Шура помнила.

— На кладбище поедем, — сказал дед.

Вот знала она, что так и будет.

— Да как же ты поедешь?.. — воскликнула баба Шура. — Ты тут лежнем лежишь, еле лапкой шевелишь. Ты теперь на кладбище поедешь, когда твой черед придет! Вперед ногами.

— Я тебе говорю, поедем. Как я могу не поехать? Всегда ездили, святое это дело...

— Совсем из ума старый выжил!

Баба Шура созвала семейный совет из Юрки, его жены и вдовы Гришкиной.

— Говорит, как хотите, но на кладбище меня везите.

Гришку похоронили там же, где и остальных Матюхиных, — на их «прошпекте» лежали рядом родители деда Ефима, старший брат, его жена, их пятнадцатилетний сын, на спор прокатившийся на подножке последнего вагона поезда, и вот Гришка теперь, которого пьяным на тонкий лед понесло.

— Что, скажем ему? — спросила вдова.

— Нельзя, не выдюжит, — ответила Юркина жена. — Будешь потом в своих монастырях нас всех отмаливать...

В ночь на воскресенье три фонарика рассекли кладбищенскую темень. После дождичка галоши чавкали в грязи. Юрка громко ругнулся, когда нога по щиколотку провалилась в лужу, Гришкина вдова, которая шла следом, зашептала: «Господи, прости, Господи, прости»

— и наверняка крестилась там как заведенная.

— Нашла, тучочки они все, — позвала их Юркина жена и помахала фонариком.

— В глаза-то не свети, — сказал Юрка, прикрывая лицо ладонью.

— Такой грех, такой грех на душу брать, — Гришкина вдова плаксиво запричитала, но Юрка ее одернул:

— А деда убить не грех?

Пластмассовые венки с черными лентами оттащили на свалку, цветы искусственные посрывали, повтыкали в соседние могилы, разровняли насыпь, затоптали следы. Когда Юрка стал выдирать крест, вдова тихонько заскулила.

Šura:

“Stirami la camicia per domani”.

“Dove devi andare?” gli chiese.

“Mi è tornata la memoria, Šura. Oggi è il giorno dei morti...”

Nonna Šura ricordava tutto.

“Andiamo al cimitero” disse il nonno.

Lei sapeva che sarebbe andata così.

“Ma come fai ad andare?...” esclamò nonna Šura. “Sei sdraiato qui e a malapena muovi la gamba. Andrai al cimitero quando arriverà il tuo turno! Con i piedi avanti”.

“Andiamo, ti dico. Come faccio a non andare? Ci siamo sempre andati, è un rito sacro...”

“Il vecchio ha completamente perso la testa!”

Nonna Šura convocò una riunione di famiglia con Jurka, sua moglie, e la vedova di Griška.

“Ha detto, che vi piaccia o meno dovete portarmi al cimitero”.

Griška era stato sepolto lì dove erano gli altri Matjuchin: nel loro “viale” giacevano in ordine i genitori di nonno Efim, suo fratello maggiore, sua moglie, il loro figlio quindicenne, che per una scommessa aveva viaggiato sul gradino esterno dell’ultimo vagone del treno, e adesso Griška che si era avventurato sul ghiaccio sottile da ubriaco. — Cosa gli diciamo? — chiese la vedova.

“Non possiamo dirglielo, non reggerebbe” rispose la moglie di Jurka. “Poi dovresti andare in tutti i tuoi monasteri e pregare per noi...”

Nella notte tra sabato e domenica, tre torce squarciarono l’oscurità del cimitero. Dopo la pioggia gli stivali di gomma sguazzavano nel fango.

Jurka imprezò ad alta voce quando il suo piede affondò in una pozzanghera fino immergendolo alla caviglia. La vedova di Griška, che camminava dietro di lui, sussurrava: “Signore, perdonaci, Signore, perdonaci” — e sicuramente si faceva il segno della croce come una forsennata.

“Trovato, sono tutti qui” li chiamò la moglie di Jurka, agitando la torcia.

“Non puntarmi la luce negli occhi”, disse Jurka coprendosi il viso con la mano.

“Che peccato, che peccato da portarsi sulla coscienza” gemette la vedova di Griška, ma Jurka la zittì.

“E uccidere il nonno non è peccato?”

— Надо сперва расшатать, — подсказала жена. — Как зуб.

Юрка аж вспотел.

— Хорошо, что памятник не успели поставить, — проговорил он, захлопывая крышку багажника, из которого пахло тинной.

— Не доживет уж дед до памятника, — подала голос вдова, на что Юркина жена справедливо заметила:

— Мы думали, он и до Пасхи не доживет.

Деда Ефима привезли на кладбище к десяти утра, пока солнце еще не начало припекать.

— А Гришка где? Чего не приехал?

Гришкина вдова то ли всхлипнула, то ли икнула, но Юрка вовремя уронил ведро, так что деду отвечать не пришлось. Его усадили на лавку в тенечек, а сами принялись отмывать оградку. Катюша вызвалась прикручивать проволокой новенькие цветочки. Мимо проходили знакомые с баулами, здоровались. Кладбище шумело, как всегда на родительский. Потом сколоченный из деревянных досок столик застелили газетами, выложили хлеб, колбаску, вареные яички, оставшиеся с Пасхи, нарезали овощей. Юрка извлек на свет самогон.

— Налей, сынок, — попросил дед Ефим, посыпая крупной солью яйцо, полинявшее от луковой шелухи.

— Да куда тебе, ты такие лекарства принимаешь! — возмутилась баба Шура.

— Я говорю, налей.

После первого «Царствия небесного» дед разворчался:

— Совсем отца не уважает, не звонит, не приходит, хоть бы раз показался за столько времени...

Гришкина вдова, захмелевшая от одной стопки, подошла к Юркиной жене, которая раскладывала поминальные кулечки с конфетами и печеньем на могилах для детворы, что охотилась сегодня по всему кладбищу за добычей.

— Надо сказать, сказать ему надо...

— Совсем тью-тью? — прошептала Юркина жена. — Сразу надо было говорить, а теперь как скажем? Вот мы скажем, а он спросит: могила где? А мы: да вот прямо туточки и была, но мы

Le corone di plastica con nastri neri furono buttate nel secchio dell'immondizia, i fiori artificiali strappati e infilati nelle tombe vicine, il tumulo livellato e le tracce cancellate. Quando Jurka iniziò a tirare via la croce, la vedova guai silenziosamente.

“Bisogna prima allentarla”, suggerì sua moglie. “Come un dente”.

Jurka sudava copiosamente.

“Meno male che non hanno fatto in tempo a erigere la lapide” disse lui, chiudendo il bagagliaio da cui si diffuse un odore di melma.

“Il nonno non vivrà abbastanza da vedere la lapide” disse la vedova, a cui la moglie di Jurka rispose giustamente:

“Pensavamo che non sarebbe arrivato nemmeno a Pasqua”.

Nonno Efim fu portato al cimitero alle dieci del mattino, prima che il sole iniziasse a picchiare.

“E Griška dov'è? Perché non è venuto?”

La vedova di Griška fece un singhiozzo o un singulto, ma Jurka fece cadere il secchio giusto in tempo, così che nessuno dovette rispondere al nonno.

Lo fecero sedere su una panchina all'ombra, mentre loro si misero a pulire la recinzione. Katjuša si offrì di fissare con il filo i nuovi fiorellini. Conoscenti con i sacchetti passavano e salutavano. Il cimitero era animato, come sempre durante il giorno dei morti. Poi coprirono il tavolino di legno con dei giornali, disposero il pane, il salame, le uova sode avanzate dalla Pasqua e affettarono le verdure. Jurka tirò fuori la vodka fatta in casa.

“Versamene un po', figliolo” chiese nonno Efim, cospargendo con del sale grosso un uovo scolorito dalla buccia di cipolla.

“Ma come, con tutte le medicine che prendi!” protestò nonna Šura.

“Versamene, ti dico”.

Dopo il primo “Regno dei Cieli” il nonno iniziò a brontolare:

“Non rispetta più suo padre, non chiama, non viene mai a trovarmi, non si è fatto vedere neanche una volta in tutto questo tempo...”

La vedova di Griška, brilla dopo solo un bicchierino, si avvicinò alla moglie di Jurka che stava distribuendo sulle tombe i sacchetti commemorativi con caramelle e biscotti per i bambini, che in quella

ее ночью убрали. Он скажет, вы с дуба рухнули. Такой нагоняй устроит...

Выпили, не чокаясь, еще. Приманили Василича на самогон, как карася на опарыша. Василича в деревне все знали. Веселенький с самого утра Василич в родительский день заходил на всяк кладбищенский «прошпект» и везде ему наливали, угощали бутербродами, кулечек поминальный вручали — для внучат, только догадывались, что конфетки внучата так и не увидят, дедушка их себе оставит, чтобы было чем коньяк закусывать.

— Ну, Фима, давай помянем твоего... Хороший парень был, только это дело, — он щелкнул пальцем по горлу, — никого до добра не доводит...

— Кого это моего? Кого это моего? — засуетился дед Ефим.

— Василич, ну ты совсем уже в дымину, что ли? — воскликнул Юрка, хватая того за локоть и отталкивая от столика. — Ты что несешь? Иди, иди, куда шел... Тут... — он нашел глазами дочку, — дети, вообще-то, ты на ребенка перегаром дышишь.

— Про кого это он, Шура?

— Про брата, про брата твоего...

— Да брат мой в жизни капли в рот не брал!

— Белая горячка у Василича, так в деревне говорят, я слышала, — вполголоса успокаивала Юркина жена деда, пока Юрка выпроваживал этого карася.

Вечером ослабший дед Ефим растянулся на койке, в одних кальсонах. Ребра выпирали как у той тощей коровы, которую маленькая баба Шура видела в голод. Сама баба Шура давно спала отдельно, на просоленном потом диване, где ее свекор полтора года помирал от рака гортани. С тех пор как она отселилась, ей стало казаться, что по утрам чаще першит горло.

— Мне сегодня Гришка снился, — произнес дед Ефим, глядя в потолок. — Вроде как сидит, телевизор смотрит. Только вот экран серый такой, по нему рябь бегает, ну, помехи, поняла? Я говорю, сынок, а чего это телевизор не работает?.. Шур, ты слушаешь?

Баба Шура, расчесывая жиденские седые волосы гребнем, утвердительно промычала в ответ.

— Ну так вот. Я ему говорю, а чего не работает, ты чего телевизор не починишь? А он мне, так кто-то антенну мою слямзил! Так прямо и сказал. Слово еще такое...

Когда дед Ефим захрапел, баба Шура накинула телогрейку на ночнушку, сунула босые ноги

giornata andavano a caccia di dolci in tutto il cimitero.

“Dobbiamo dirglielo, glielo dobbiamo dire...”

“Sei completamente impazzita?” mormorò la moglie di Jurka. “Dovevamo dirglielo subito, ora come facciamo? Glielo diciamo e lui chiederà: dov’è la tomba? E noi: ‘Era proprio qui ma l’abbiamo rimossa ieri notte’. Dirà, siete fuori di testa. Ci farà una bella strigliata”.

Bevvero ancora, senza brindare. Attirarono Vasilič con la vodka fatta in casa, come la carpa con il verme. Tutti in paese conoscevano Vasilič. Di buon umore fin dal mattino, il giorno dei morti, Vasilič visitava ogni “viale” del cimitero, e ovunque gli offrivano da bere, lo rifornivano di panini, gli davano un sacchetto commemorativo per i nipoti, anche se tutti sapevano che non avrebbero mai visto quelle caramelle, il nonno le avrebbe accompagnate al cognac.

“Allora, Efim, alla memoria di tuo... Era un bravo ragazzo, ma” e schioccò le dita sul collo, “quel vizio non porta mai a nulla di buono...”

“Il mio chi? Il mio chi?” si agitò nonno Efim.

“Vasilič, sei proprio ubriaco fradicio?” esclamò Jurka, afferrandolo per il gomito e allontanandolo dal tavolino. “Ma che dici? Vai, vai, dove stavi andando... Qui...” incrociò lo sguardo di sua figlia, “ci sono i bambini, stai alitando l’alcol sulla bambina”.

“Di chi sta parlando Šura?”

“Di tuo fratello, di tuo fratello...”

“Ma mio fratello non ha mai toccato un goccio di alcol in vita sua!”

“Vasilič ha il *delirium tremens*, così dicono in paese, l’ho sentito” mormorava la moglie di Jurka per rassicurare il nonno, mentre Jurka scacciava la carpa.

Quella sera nonno Efim si distese sul letto senza forze, con indosso solo i mutandoni lunghi. Le sue costole sporgevano come quelle della mucca magra che la piccola nonna Šura aveva visto durante la carestia. Proprio nonna Šura dormiva da tempo separata da lui, sul divano impregnato di sudore, dove suo suocero morì di cancro alla gola un anno e mezzo prima. Da quando si era trasferita lì, le sembrava che la gola le prudesse più spesso al mattino.

“Oggi ho sognato Griška”, disse nonno Efim guardando il soffitto. “Sembrava che fosse seduto a guardare la televisione. Ma lo schermo era grigio e c’erano dei disturbi, sai, delle interferenze, capi-

в галоши и побежала через полдеревни в потемках к дому пасынка. Всех собак на уши подняла.

— Верните крест на место, черти! — пытаюсь отдышаться, сказала она заспанной Юркиной жене, которая отворила ей калитку.

В мае «прошпект» Матюхиных еще немного раздался вширь. Подле сына лег отец. На поминках на могилу деда Ефима по традиции поставили стопочку самогона, хоть Гришкина вдова и роптала, что это не по-православному. Пока взрослые не видели, Катюша окунула пальчик в дедушкину рюмку. Понюхала, скривилась, но все-таки потрогала языком — обожгло горькое, противное. Не понравилось. Но то был ее с дедушкой секретик ото всех.

sci? Ho chiesto, figlio mio, perché la TV non funziona? Šura, mi stai ascoltando?”

Nonna Šura, che si stava spazzolando i radi capelli grigi con un pettine, mormorò con un cenno di assenso.

“Beh, ecco. Gli dico, perché non funziona, perché non aggiusti la televisione? E lui mi risponde, qualcuno mi ha rubato l’antenna! Mi ha detto proprio così. Ha usato proprio quella parola...”

Quando il nonno Efim iniziò a russare, nonna Šura si infilò la giacchetta imbottita sopra la camicia da notte, mise i piedi nudi negli stivali di gomma e attraversò correndo mezzo paese al buio fino alla casa del figliastro. Svegliò tutti i cani.

“Rimettete la croce al suo posto, diavoli!” disse, cercando di riprendere fiato, alla moglie di Jurka assonnata che le aprì il cancello.

A maggio, il “viale” dei Matjuchin diventò un po’ più grande. Accanto al figlio fu seppellito il padre. Durante la veglia funebre, sulla tomba di nonno Efim, per tradizione misero un bicchierino di vodka fatta in casa, anche se la vedova di Griška protestava dicendo che non fosse ortodosso. Mentre gli adulti non guardavano, Katjuša intinse il dito nel bicchiere del nonno.

Lo annusò, fece una smorfia, ma alla fine lo toccò con la lingua: bruciava, era amaro e sgradevole. Non le piacque. Ma quello era il piccolo segreto tra lei e il nonno, da non rivelare a nessuno.

Отзыв о рассказе

Как уже отмечалось ранее, в присылаемых на конкурс «Радуга» работах наметилась тенденция отхода от постмодернистской витиеватости и фентезийной изобретательности. Молодые литераторы пристальнее всматриваются во внутренние духовно–нравственные конфликты представителей разных поколений, социальных и возрастных групп.

Эти конфликты как бы невидимы на повседневной поверхности, но обостряются и обнажаются при должном художественном изображении так называемых пограничных ситуаций между жизнью и смертью людей.

Рецензируемый рассказ является ярким и выразительным примером отмеченной тенденции. Его автор сумел через своеобразный эстетический минимализм, с помощью коротких реплик, тщательно продуманных психологических нюансов, бытовых деталей и штрихов передать живую картину сложных и противоречивых ощущений, чувств и мыслей (милосердия, сострадания, «лжи во спасение»), которые не поддаются рационализации и пульсируют в душах персонажей накануне кончины родного им человека.

Мастерство рассказчика заключается и в том, что на художественном пространстве всего нескольких страниц создается объемный подтекст, подвигающий читателя задумываться о смыслах и целях своего существования «под знаком вечности».

Борис Тарасов

Nota critica

Come menzionato in precedenza, nei lavori inviati al concorso “Raduga” è emersa una tendenza ad allontanarsi dall’artificiosità postmoderna e dall’immaginazione fantastica. I giovani scrittori scrutano con minuzia i conflitti spirituali e morali che coinvolgono i rappresentanti di diverse generazioni, gruppi sociali e fasce d’età.

Questi conflitti solitamente risultano come invisibili nella quotidianità, ma si intensificano e si rivelano attraverso rappresentazioni artistiche delle cosiddette situazioni di confine tra la vita e la morte delle persone.

Il racconto qui recensito è un esempio brillante ed espressivo di questa tendenza emersa. L’autrice attraverso un peculiare minimalismo estetico, che fa ricorso a brevi dialoghi, dettagli psicologici attentamente ponderati, così come a dettagli e tratti di vita quotidiana, è riuscita a trasmettere un quadro vivido di emozioni, sentimenti e pensieri contraddittori (come la pietà, la misericordia, la “bugia a fin di bene”) che non possono essere razionalizzati e pulsano nelle anime dei personaggi alla vigilia della morte di una persona cara.

La maestria della narratrice risiede anche nel fatto che, nello spazio artistico di poche pagine, è riuscita a creare un ricco sottotesto, spingendo il lettore a riflettere sui significati e sugli scopi della propria esistenza “sotto il segno dell’eternità”.

Boris Tarasov

Биография

Марго Гритт (Маргарита Тимофеевко) родилась и выросла на юге России. Окончила Краснодарский государственный университет культуры и искусств по специальности режиссер кино и телевидения. Магистрантка программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Автор сборника короткой прозы «Вторжение» (2023). Финалистка премии «Лицей». Рассказы публиковались в журналах «Сноб», «Прочтение», «Дружба народов», «Tint Journal».

Biografia

Margarita Timofeenko (il suo pseudonimo è Margo Gritt) è nata e cresciuta nella Russia meridionale. Ha conseguito la laurea presso l'Università Statale di Cultura e Arte di Krasnodar, specializzandosi in regia cinematografica e televisiva. Attualmente è studentessa magistrale del programma di Scrittura Creativa presso la Scuola Superiore di Economia di Mosca (HSE). È autrice della raccolta di racconti brevi *Vtorženie* (2023) e finalista del premio “Licej”; i suoi racconti sono stati pubblicati sulle riviste *Snob*, *Pročtenie*, *Družba narodov*, *TintJournal*.

Евгения Зобнина

Перевод на итальянский язык Сары Ваккарини

Evgenija Zobnina

Traduzione in italiano di Sara Vaccarini

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ — ТРИ

У Аллы было нехорошее предчувствие. Она была замужем за моряком тридцать два года и тридцать два года о нем тревожилась. Но так, чтобы уронить в суп открытую солонку...

По радио третий день передавали, что в Беринговом море шторм. Январские морозы, вода и лед. Вспомнилось, как муж рассказывал об оке дьявола: кажется, тогда он работал на «Диане» и судно попало в тайфун. Двинулись в самый центр воронки, а там... Тишина. Вокруг — стены из воды, и черные тучи над головой разрывает солнечный свет. На тот момент муж ходил в моря уже десять лет. Но молился — впервые.

Алла, в шерстяных тапочках, пошаркала прочь от назойливых мыслей в ванную. Вылила испорченные щи в унитаз, новые решила отложить до завтра. Внукам на ужин хватит и пельменей. Днем, как обычно, натаскались печенья со стола, а вечером забегут домой, проглотят, не пережевывая, и назад во двор, строить крепости из снега. Алла заправила за уши черные волосы, повязала на затылке платок и взялась месить поднявшееся в миске тесто. Подкрутила на стене радио. Сквозь помехи пробился тенор Игоря Николаева. Алле нравилось, что в его голосе много воздуха, а в песнях нет воды.

— Какого еще воздуха? — морщился муж. А она отмахивалась и делала громче.

Тесто тяжело плюхнулось на белый от муки стол. Алла навалилась на упругий, сырой ком скалкой, раскатала, наделала стаканом кружков, а сама все думала: мужу давно за пятьдесят, сидел бы на берегу, собирал грибы и ходил рыбачить. Но нет, все по морям носит... Все они такие, рыбаки, на берегу им снится море. Сколько раз обсуждали уехать в Южный, там и землетрясения реже, и к молодым ближе. А он все «море, море...». Да и огород здесь, в Невельске. Ну ничего. Где родился, там и пригодился. Она поплачет да переживет... А он вернется, как всегда, весной, едва у берегов заревут сивучи, и произнесет через порог устало, нежно: «А-а-аля...». Стянет

IL MARE SI AGITA A FORZA TRE

Alla aveva un brutto presentimento. Era sposata con un marinaio da trentadue anni, e per trentadue anni si era preoccupata per lui. Ma per far cadere la saliera aperta nella zuppa...

Era il terzo giorno che in radio si parlava di una tempesta sul mare di Bering. Le gelate di gennaio, acqua e ghiaccio. Le venne in mente di quando suo marito raccontava dell'occhio del ciclone: a quanto pare, ai tempi in cui lavorava sulla "Diana", la nave finì all'interno di un tifone. Arrivarono proprio nel mezzo, e lì... la calma. Tutt'attorno muri d'acqua, e sopra le loro teste le nuvole nere venivano squarciate dalla luce del sole. Erano dieci anni che suo marito andava per mare. Ma era la prima volta che si era messo a pregare.

Alla, con le pantofole imbottite ai piedi, si diresse verso il bagno cercando di scacciare i pensieri che la tormentavano. Versò nel water la zuppa di cavoli che aveva rovinato e conservò quella nuova per l'indomani. Per cena ai nipoti bastavano i *pel'meni*.¹ Durante il giorno, come sempre, avevano sgraffignato dei biscotti dal tavolo, e la sera sarebbero tornati a casa di corsa e avrebbero inghiottito dei bocconi senza nemmeno masticarli bene per poi tornare in cortile a costruire fortezze di neve. Alla si spostò i capelli neri dietro le orecchie, si legò un fazzoletto alla nuca e prese a lavorare l'impasto che era lievitato all'interno di una ciotola. Alzò il volume della radio. Tra le interferenze si fece strada il tenore Igor' Nikolaev.² Ad Alla piaceva la sua voce ariosa e il fatto che i suoi testi non facessero acqua da nessuna parte.

«Ancora con questa voce ariosa?», borbottava il marito con una smorfia. Lei lo scacciava e alzava il volume. L'impasto si accasciò pesantemente sulla tavola bianca per la farina. Alla premette il matterello sulla massa elastica e umida, la spianò, e poi fece dei cerchi col bicchiere, ma nel mentre continuava a pensare che il marito aveva da un po' superato i cinquanta, che sarebbe dovuto rimanere sulla terraferma a cercare funghi, a pescare. Ma no, lui continua a vagare per i mari... Sono tutti così, i pescatori, dalla terraferma sognano il mare. Alcune volte avevano parlato di trasferirsi a Južnyj, dove i terremoti sono meno frequenti e dove sarebbero stati più vicini alla figlia, che si era sposata da poco. Ma lui è tutto «mare, mare...». E poi l'orto ce l'hanno lì, a Nevel'sk. E va bene. Si sa quel che

1 Ravioli tipici russi generalmente ripieni di carne serviti con burro e/o salse acide (*ndt*).

2 Celeberrimo cantante russo, considerato un vero e proprio poeta in patria e figlio di Jurij Nikolaev, famoso per le sue poesie che descrivono atmosfere marine (*ndt*).

шапку, просоленный, обветренный, руки в трещинах будут пахнуть рыбой и льдом, а к ней прильнет — мягкий и теплый, как теленок...

А вот дети всегда боялись. Уходил отец свежий, бритый, в пальто, ботинки пахли черным кремом; а возвращался — взгляд темный, будто залило море, спутанная борода до самых глаз, как колтун морского винограда. Сын с дочкой толкались в ногах и перешептывались:

— Что это за дядя?

— Ну же, обнимите папу.

А они все стеснялись. Тогда она проходила вперед, по коридору, обнять мужа. Чувала запах йода от куртки, к махровому халату липла блестящая чешуя. До первого рейса она и не знала, что борода у мужа может быть такой колючей, а руки — грубыми и шершавыми, как обшивка судна. Но едва она касалась этих рук, темный взгляд смягчался, и дети, разглядев за бородой отца, начинали визжать и топтать пятками:

— Папа, папа!

И все снова становилось как на суше. Он выпивал чаю, болтал, смеялся так, что изо рта сыпалось печенье, которое она старательно мазала сгущенкой с маслом и склеивала по две штуки. Потом он надолго закрывался в ванной — обогреться и отмыться от запаха морского ветра.

И так всю жизнь. Только дети повзрослели, появились внуки, мальчик с девочкой, и все по новой, как в колесе: дед приходил с рейса, они мялись у двери в коридор, присматривались. А у самих за спиной, на плинтусе, отметины синей и черной ручкой, нацарапанные его рукой: восемьдесят сантиметров, восемьдесят пять, восемьдесят девять... Опять чай, печенье, ванная. Пока он мылся, внуки ныряли в клетчатый баул с подарками. И тут начинался запоздалый новый год, дни рождения, именины, восьмое марта. Кроссовки, одежда, сладости, игрушки, фотоаппарат. Список разрастался, и Лизонька, как бухгалтер, хваталась за ручку с блокнотом, вести учет. «Дивиди диски — пять штук. Рисовые конфеты — один пакет. Кукса с палочками — десять упаковок». Вилкой еще, как следует, не научились есть, а уже палочки. Когда Женя

si lascia ma non quel che si trova. Lei piange, ma va avanti... Lui, come al solito, tornerà a primavera, non appena i leoni marini inizieranno a ruggire lungo la riva, e sulla soglia di casa annuncerà con tenerezza che è stanco: «A-a-Alja».³ Pieno di sale e riarso dal vento, si toglierà il cappello; avrà le mani screpolate che odoreranno di pesce e di ghiaccio, ma quando la stringerà tra le sue braccia sarà tenero e caldo come un agnellino...

E poi i figli avevano sempre paura. Se ne andava un padre energico, ben rasato, col cappotto e gli stivali che odoravano di lucido per le scarpe; mentre al ritorno il suo sguardo era cupo, come se il mare l'avesse inondato, la barba in disordine che gli arrivava fin sugli occhi, arruffata come un arbusto di uva di mare. Il figlio e la figlia si mettevano in mezzo e bisbigliavano tra loro:

«Ma chi è questo signore?»

«Su, date un abbraccio al papà».

Ma loro erano titubanti. Allora si faceva avanti lei e, percorso il corridoio, andava ad abbracciare il marito. Sentiva l'odore dello iodio dal giubbotto, e sui vestiti aveva appiccicata una squama lucente. Finché non lo vide tornare dal suo primo viaggio, non sapeva che la barba di suo marito potesse diventare tanto ispida, e le sue mani ruvide e screpolate come il rivestimento di una nave. Non appena sfiorava quelle mani, però, il suo sguardo cupo si addolciva, e i figli, dopo aver riconosciuto il padre dietro alla barba, prendevano a strillare e a saltellare: «Papà, papà!»

E di nuovo tutto tornava alla normalità della terraferma. Beveva il tè, ciarlava, rideva così tanto che dalla bocca gli uscivano i biscotti che lei con cura spalmava di latte condensato e burro per poi unirli a due a due. Poi si chiudeva per molto tempo in bagno per scaldarsi e togliersi di dosso l'odore di mare.

E così per tutta la vita. Soltanto che i figli erano cresciuti ed erano arrivati i nipoti, un maschio e una femmina, e si era ricominciato daccapo, come una ruota: il nonno tornava dal viaggio, loro esitavano sul corridoio e lo scrutavano prima di avvicinarsi alla porta. Proprio dietro di loro, sul battiscopa, i segni fatti con la penna blu e con quella nera: ottanta centimetri, ottantacinque, ottantanove... Poi il tè, i biscotti, un bagno. Mentre si lavava, i nipoti si tuffavano nel baule a quadretti coi regali. E si recuperava allora il Capodanno, i compleanni, gli onomastici, l'otto marzo. Scarpe sportive, vestiti, dolci, giocattoli, una macchina fotografica. La lista cresceva a vista d'occhio, e Lizon'ka, a mo' di ragioniera, teneva il conto con un taccuino in mano. «DVD: cinque pezzi. Caramelle di riso: un pacchetto.

3 Nel corso del testo, Alla viene affettuosamente chiamata anche "Alja", "Al'", "Alečka" e "Alločka" (*ndt*).

выходил из душа — бритый, румяный от пара — все блестящие внутренности баула уже были разбросаны по комнате, а сам клетчатый баул хохотал фальцетом. Дети легко помещались в него вдвоем и застегивались с головой.

На следующий день муж, проспавшись и позавтракав бутербродами с краковской колбасой — его любимые, — доставал толстый конверт с фотографиями, распечатанными в портах, где останавливалось судно. Так Алла побывала во всех его экспедициях: махала рукой дельфинам и касаткам, глядела из окна речного трамвайчика на разведенные мосты в Питере, выпивала с боцманом «Дианы» «Рижский бальзам».

— Ну да, немножечко окосели, — смеялся Женя. — А это Сенегал, Алечка. Как же, мы ведь ходили до Африки! Что значит ненастоящий негр? Конечно, настоящий, Аль. Кожа черная, как твоя коса, а глаза и зубы — белые.

Так наступали три-четыре листика календаря семейного счастья: стряпня, внуки, огород. Когда заканчивали с посадками, Женя занимался машиной в гараже, что-то чинил, подкрашивал. Иногда брал с собой детей — они носились по берегу, собирали дохлых медуз, ракушки и панцири морских ежей, а потом тащили это все домой. А она эти сокровища кипятила, чтобы не пахли.

После обеда муж любил смотреть в бинокль — с их балкона на четвертом этаже виднелся длинный волнорез, на котором весной собирались сивучи.

— Ух ты ж, там штук пятьдесят, наверное! Рев аж здесь слышно... — говорил муж. — А как едешь в сторону Горнозаводска, так вонь стоит страшная.

— А отчего вонь?

— Так они прям там и едят, и гадят. Грязь разводят. Вот и несет тухлятиной аж до берега, фу.

— А мне сивучи нравятся. Каждую весну я знаю, что если они вернулись — вернешься и ты.

Он прижимался теплой головой к ее груди, а когда сивучи уплывали, снова уходил в рейс. И всегда с одной сумкой. Так и в этот раз: положил спортивный костюм,

Kuksa⁴ con le bacchette: dieci confezioni». Le forchette, come normale, non sapevano ancora usarle, ma le bacchette sì. Per quando Ženija usciva dalla doccia, ben rasato e rosso in volto per il vapore, tutti gli splendidi regali erano stati sparpagliati per la stanza, e pure il baule a quadretti sghignazzava con loro. I bambini riuscivano a entrarci tutti e due dalla testa ai piedi senza fatica.

Il giorno seguente, il marito, smaltita la sbornia e fatto colazione con del pane col salame di Cracovia – il suo preferito – tirava fuori una grossa busta piena di fotografie stampate nelle città dove la nave aveva fatto scalo. Così Alla assisteva a tutte le sue spedizioni: faceva un cenno con la mano ai delfini e alle rondini, dal finestrino del tram fluviale guardava i ponti di San Pietroburgo che si alzavano, sbevazzava il Balsamo Nero di Riga col nostromo della “Diana”.

«Eh, eravamo un pochino alticci», rise Ženija. «E questo è il Senegal, Alečka. Hai visto, siamo arrivati fino in Africa! Ma come è un finto negro? Certo che è vero, Al’. Ha la pelle nera come la tua treccia, e gli occhi e i denti sono bianchi».

Così, dal calendario della felicità familiare, venivano spuntati tre-quattro giorni: cibo, nipoti, orto. Quando finivano con l’orto, Ženija si occupava della macchina in garage; riparava, ritoccava qualcosa. A volte portava con sé i bambini – loro correvano per la riva, raccoglievano meduse morte, piccole conchiglie e gusci di ricci di mare, e poi portavano tutto a casa. Lei metteva tutti questi tesori nell’acqua bollente per toglierne l’odore.

Dopo pranzo, il marito amava guardare fuori col binocolo: dal loro balcone al terzo piano, si vedeva il lungo frangiflutti nel quale d’estate si radunavano i leoni marini.

«Ma guarda! Ce ne sono almeno cinquanta! Li si sente ruggire fin da qui...», diceva il marito, «e quando vai verso Gornozavodsk c’è una puzza terribile».

«Da cosa viene la puzza?»

«Dal fatto che è lì che mangiano e cacano. Lo sporco si sparge. Ed è così che quell’odore di marcio arriva fino alla riva, che schifo».

«A me invece i leoni marini piacciono. Ogni primavera so che, se tornano loro, tornerai anche tu».

Appoggiava la sua testa calda sul petto di lei e, quando i leoni marini nuotavano via, si rimetteva in viaggio. E sem-

4 Confezione di *noodles* coreani precotti (*ndt*).

кроссовки, свитер, электробритву...

— Таблетки от сердца взял? — в третий раз спросила Алла. Муж подруги умер от инфаркта прямо на судне.

— Взял, — кивнул Женя. — Даже не верится, что в последний раз иду. Когда мы успели состариться, Аль?

Алла посмотрела на его высохшие, жилистые руки. Лоб, морщины по которому будто подгонял ветер.

— Зато теперь у нас есть внуки, — сказала она.

И это было правдой — она бы с радостью еще раз променяла молодость на горделиво-скромное звание матери и бабушки. Женя детей тоже любил, но Алла знала, что ничего не заменит ему моря.

И вот шел четвертый месяц его последнего рейса, когда она от волнения уронила в суп солонку. Детвора, отужинав пельменями, побежала назад во двор. В коридоре забрынчал телефон. Звонила соседка Лида, жена капитана Селиверстова, который ушел в экспедицию вместе с Женей.

— Аллочка... — хлюпала в трубку Лида. — Они перевернулись.

«Море волнуется — раз», — напевал в голове Аллы голос Лизоньки.

На следующий день весь город знал, что экспедиция, добывавшая сельд и камбалу в Бристольском заливе, попала в шторм. Моряки были опытные: увеличили обороты до предела, двинулись на север, прижаться к самой кромке сплошных льдов. Но волны цеплялись за корабли и мгновенно замерзали. Всю ночь экипажи скальвали с палуб лед: знали, что, обледенев выше ватерлинии, суда начнут опрокидываться.

Скоро через треск эфира пробился голос капитана одного из траулеров:

— На моих глазах только что перевернулось судно.

«Море волнуется — два».

Траулер развернулся вокруг видневшегося в море кия, пытался подойти ближе, но не мог справиться с ветром и волной. На корпусе опрокинутого судна висело пять

pre con una borsa sola. Così era andata anche stavolta: ci aveva messo dentro la tuta, le scarpe sportive, un maglione, il rasoio elettrico...

«Le pasticche per il cuore le hai prese?», chiese Alla per la terza volta. Il marito di una sua amica era morto di infarto proprio su una nave.

«Prese», Ženija fece un cenno con la testa. «Non ci si crede che è l'ultima volta che partirò. Quand'è che ci siamo invecchiati, Al'?»

Alla guardò le mani del marito, rinsecchite e con le vene gonfie. La fronte, le rughe che sembravano esser state scavate dal vento.

«Adesso abbiamo i nipoti, però», disse lei.

Ed era la verità: lei scambierebbe volentieri la giovinezza col fieramente modesto titolo di madre e di nonna ancora una volta. Anche Ženija amava i bambini, ma Alla sapeva che lui non avrebbe sostituito il mare con nient'altro.

Era trascorso il quarto mese del suo ultimo viaggio quando lei, per l'agitazione, fece cadere la saliera nella zuppa. I bambini, dopo aver cenato con i pel'meni, corsero nuovamente in cortile. In corridoio squillò il telefono. Era la vicina, Lida, la moglie del capitano Seliverstov, che era partito insieme a Ženija.

«Alločka...» singhiozzava Lida alla cornetta, «Si sono ribaltati».

«Il mare si agita – forza uno», nella testa di Alla risuonava la voce di Lizon'ka.

Il giorno seguente, tutta la città sapeva che la spedizione, dopo aver pescato aringhe e sogliole nella baia di Bristol, era finita nel bel mezzo di una tempesta. I marinai erano esperti: avevano aumentato i giri al massimo, si erano mossi verso nord, andando a toccare il ghiaccio continuo. Le onde, però, infrangendosi sulla nave, ghiacciavano istantaneamente. Per tutta la notte l'equipaggio aveva rimosso il ghiaccio dal ponte: sapevano che, se il ghiaccio fosse arrivato a coprire oltre la linea di pescaggio, la nave avrebbe cominciato a piegarsi.

Presto, nel fruscio dell'etere, proruppe la voce del capitano di uno dei pescherecci:

«Si è appena ribaltata una nave davanti ai miei occhi».

«Il mare si agita – forza due».

Un motopeschereccio si era rovesciato, e dal mare se ne vedeva la chiglia; avevano provato ad avvicinarsi, ma non c'erano riusciti a causa del vento e delle onde. Sullo scafo della nave ribaltata erano aggrappate cinque persone.

Nel frattempo, nell'etere iniziarono a spuntare le voci di altri capitani:

человек.

Тем временем в эфир стали пробиваться голоса других капитанов:

— Видим перевернутое судно.

«Море волнуется — три».

Ранним утром в Невельске у управления базы тралового флота стоял плач. На вопросы о механике Панфилове Евгении Денисовиче, как и о ста двух других членах экспедиции, руководитель базы отводил глаза и ровным, обледеневшим голосом, повторял:

— Поиски продолжаются.

Вернувшись домой, Алла опустилась на диван и до самой темноты просидела в тишине. Она не могла плакать перед детьми. Не могла ни смотреть телевизор, ни читать. Она представляла шторм и ухватившегося за киль Женю. С вязаной салфетки на телевизоре глядел пожелтевший, в трещинах, Николай Чудотворец. Алла встала на колени, сомкнула у лица ладони и закрыла глаза. Она знала мужа, знала почти весь экипаж, с которым он ходил в рейсы. Они всегда побеждали море. Всегда. Море перед ними расступалось и склоняло волны. Говорили, потому, что суда освящал сам патриарх Московский. Но Алла знала, что если своей удачей они и обязаны царю небесному, то благодаря шепоту жен, которые о них молились.

— Да святится имя твое, — начала Алла.

Четыре дня спустя в порт зашел небольшой рыболовный траулер. Шубы и дубленки на берегу толкались, дышали паром. Алла поправила пятнистый котелок из нерпы, лоб чесался и потел. Рядом топтала снег Лида. То стягивала перчатки, то надевала, то искала куда присесть — с ее-то ногами мерзнуть по три часа в порту...

Когда экипаж стал выходить на берег, дубленки заволновались, замельтешили, стали отрываться от толпы и подбегать к знакомым. Вдруг где-то рядом прозвучала радость, невероятная, как июль посреди зимы. А за ней — горе. Лида поспешила вперед, вцепилась в одну из курток, стала трясти... Опустилась на землю и заплакала

«Vediamo una nave ribaltata».

«Il mare si agita – forza tre».

La mattina presto, nell'edificio a capo della flotta dei motopescherecci di Nevel'sk si udiva un pianto. Alle domande sul meccanico Panfilov Evgenij Denisovič, così come sugli altri centodue membri della spedizione, il capo distoglieva lo sguardo, e con voce calma e glaciale ripeteva:

«Le ricerche proseguono».

Tornata a casa, Alla si buttò sul divano e vi rimase seduta in silenzio finché non fece buio. Non poteva piangere davanti ai bambini. Non poteva nemmeno guardare la televisione, né leggere. Si immaginava la tempesta e Ženija aggrappato alla chiglia. Dal centrino poggiato sul televisore, la guardava San Nicola il Taumaturgo,⁵ ingiallito e pieno di rughe. Alla si mise in ginocchio, unì i palmi davanti al viso e chiuse gli occhi. Conosceva suo marito, conosceva quasi tutto l'equipaggio con cui partiva. Sconfiggevano sempre il mare. Sempre. Il mare, di fronte a loro si apriva e ritirava le onde. Lo dicevano perché le navi erano state benedette dal patriarca di Mosca in persona. Ma Alla sapeva che, se i loro successi erano dovuti allo Zar Celeste,⁶ questo era merito delle mogli che, sottovoce, pregavano per loro.

«Sia santificato il tuo nome», cominciò Alla.

Quattro giorni dopo, al porto arrivò un motopeschereccio a strascico. Pellicce e cappotti di montone si affollarono sulla riva, i loro respiri creavano nuvolette di vapore. Alla si sistemò il copricapo maculato in pelo di foca, la fronte le prudeva e sudava. Accanto a lei, Lida pestava la neve. Prima si sfilava i guanti, poi se li rimetteva, poi ancora cercava un posto dove mettersi seduta – le si stavano congelando i piedi dopo tre ore passate al porto...

Quando l'equipaggio iniziò a scendere sulla terraferma, i cappotti di montone cominciarono ad agitarsi, ad accalcarsi, iniziarono a staccarsi dalla folla e a correre verso la persona che conoscevano. Di colpo, da qualche parte lì vicino riecheggiava la felicità, incredibile come un luglio in mezzo all'inverno. Accanto a lei, invece, il dolore. Lida corse in avanti, afferrò una giacca e prese a scuoterla... Si gettò a terra e scoppiò a piangere insieme alle altre vedove.

5 San Nicola da Bari; santo protettore dei naviganti. È comune, per gli ortodossi, tenere un'icona del santo poggiata sopra un centrino (*ndt*).

6 *Car' Nebesnyj*; nome con cui gli ortodossi si appellano a Dio (*ndt*).

с другими вдовами.

Алле привиделся пустой гроб, растерянные детки, ломоть хлеба на рюмке водки.

Она зажмурилась и нащупала в кармане образок. Снова вспомнила песню Лизы:

«Волны по морю гуляли,

И корабль качали.

Море волнуется — раз,

Море волнуется — два...»

Открыв глаза, она увидела в толпе — и люди как будто расступились — хромой на одну ногу силуэт. Сначала не поверила.

— А-а-аля...

— Живой... Живой...

Alla si immaginò una bara vuota, dei bimbi disorientati, una fetta di pane con un bicchierino di vodka.⁷ Chiuse gli occhi e, mettendo le mani in tasca, vi trovò una piccola icona. Si ricordò nuovamente della canzone di Liza:

«Le onde vanno a spasso per il mare,

E la nave fan dondolare

Il mare si agita – forza uno,

Il mare si agita – forza due...»⁸

Apri gli occhi, e tra la gente vide – e fu come se la folla si fosse aperta – una sagoma zoppa da una gamba. All’inizio non ci credeva.

«A-a-Alja...».

«Vivo... Sei vivo...».

⁷ Si fa riferimento ai *pominki*: secondo la tradizione russa, il giorno del funerale, nove e quaranta giorni dopo, i parenti del defunto si incontrano per commemorarlo. Durante quest’arco di tempo, nella casa del defunto deve rimanere un bicchierino di vodka con appoggiata sopra una fetta di pane in suo onore per accompagnarlo alla reale partenza per l’aldilà, che secondo gli ortodossi avviene soltanto a quaranta giorni dal funerale (*ndt*).

⁸ *Volny po morju guljali / I korabl’ kačali / More volnuetsja – raz / More volnuetsja – dva*; strofa che si canta durante un gioco per bambini nel quale i partecipanti mimano le onde del mare. Dopo gli ultimi versi, *more volnuetsja - tri / morskaja figura na meste zamri* (il mare si agita a forza tre / essere marino, immobilizzati qui), assente nel testo, i partecipanti devono rimanere immobili eccetto uno che, dopo esser stato toccato dal “capitano”, deve mimare delle figure cercando di fargliele indovinare (*ndt*).

Отзыв о рассказе

Евгения Зобнина рассказала простую историю из жизни обычной семьи. Прочитав первые строки, можно догадаться, как будет развиваться сюжет и что нас ждет в финале. Тем не менее, написанному веришь от первого до последнего слова, и что еще важнее — сопереживаешь так, будто события происходят у тебя на глазах, ты сам родился и прожил всю жизнь на Сахалине, в городе–порте Невельск.

Главные герои — Женя, который больше тридцати лет уходит в рейс на долгие месяцы, его жена Алла, которая ждет его на берегу, их дети и внуки. Такой же полноправный герой — море, присутствие которого ощущается постоянно: море дает работу, кормит, море — это дальние плавания, экзотические страны, подарки за целый год, дельфины и касатки, ракушки и панцири морских ежей, которые собирает на берегу ребятня. А еще — ветер, лед, волны, холодная вода, безжалостная стихия, против которой трудно выстоять. Оно преображает людей: недаром дети поначалу не узнают вернувшегося из рейса отца — «взгляд темный, будто залило море, спутанная борода до самых глаз, как колтун морского винограда». Смоется с одежды налипшая чешуя, выветрится запах йода, «грубые и шершавые, как обшивка судна», руки опять станут мягкими и теплыми, но единожды заболев морем, с ним уже не расстанешься.

Опора и спасение для героев — любовь, надежда и вера. Переживая за мужа и его товарищей, Алла обращается к Николаю Чудотворцу, покровителю мореходов, твердо зная, что тот поможет и что сам Царь Небесный слышит шепот молящихся жен.

Замечательный рассказ, проникнутый любовью к родному краю.

Анна Ямпольская

Nota critica

Evgenija Zobnina ha narrato una storia semplice di una famiglia ordinaria. Dopo le prime righe, puoi già prevedere come si svilupperà la trama e cosa aspettarti dal finale. Ciononostante, credi a ogni parola scritta, dalla prima all'ultima e, ancora più importante, ti immedesimi a tal punto che gli eventi sembrano aver avuto luogo davanti ai tuoi occhi, che sia stato tu a nascere e a trascorrere tutta la tua vita nell'isola di Sachalin, nella città portuale di Nevel'sk.

I protagonisti sono Ženija, che da più di trent'anni parte per viaggi lunghi mesi, sua moglie Alla, che lo aspetta sulla terraferma, i loro figli e i loro nipoti. Protagonista a pieno titolo è anche il mare, la cui presenza si sente costantemente: il mare dà lavoro, dà da mangiare, il mare è lunghe navigazioni, paesi esotici, regali da tutto il mondo, delfini e rondini, conchiglie e gusci di ricci di mare che i bambini trovano lungo la riva. E poi, il vento, il ghiaccio, le onde, l'acqua fredda, la natura spietata contro cui è difficile resistere. Altera le persone: non a caso i figli all'inizio non riconoscono il padre di ritorno dal viaggio, «il suo sguardo era cupo, come se il mare l'avesse inondato, la barba in disordine che gli arrivava fin sugli occhi, arruffata come un arbusto di uva di mare». Si lava via dagli abiti una squama appiccicata, si toglie l'odore di iodio, e le sue mani, «ruvide e screpolate come il rivestimento di una nave», subito diventano tenere e calde ma, una volta che si è ossessionati dal mare, non vi si può rinunciare.

Il sostegno e la salvezza per i protagonisti sono l'amore, la speranza e la fede. In pena per il marito e i suoi compagni, Alla si rivolge a San Nicola il taumaturgo, protettore dei naviganti, sapendo con certezza che ciò sarebbe stato d'aiuto e che lo stesso Re Celeste avrebbe ascoltato i sussurri delle mogli in preghiera.

Un racconto eccezionale, intriso di amore per la propria terra natia.

Anna Jampol'skaja

Биография

Евгения Зобнина родилась в г. Арсеньев Приморского края. Выпускница Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, лингвист–переводчик с английского и немецкого языков, прозаик. Выпускница литературной школы Creative Writing School. Училась на курсах Марины Степновой, Романа Сенчина, редакторов РЕШ. Публиковалась в журналах «Пашня», «Нате», «Северо–Муйские огни».

Biografia

Evgenija Zobnina è nata ad Arsen'ev, nella regione di Primorsk. Si è laureata presso l'Università Statale "A.I. Gercen"; è linguista, traduttrice dall'inglese e dal tedesco e scrittrice di prosa. Ha frequentato un corso di letteratura alla Creative Writing School. Ha seguito lezioni di Marina Stepnova, Roman Senčín e dei redattori di REŠ. È stata pubblicata dalle riviste "Pašnja", "Nate" e "Severo-Mujskie Ogni".

Евфросиния Капустина

Перевод на итальянский язык Сары Черузо

Evfrosinija Kapustina

Traduzione in italiano di Sara Ceruso

БАБУШКИН КОНКУРС

— Бабушка, дедушка, идите с девочкой познакомиться!

Дедушка, шаркая тапками, опираясь на деревянную палку, вышел из комнаты первым. Глянул на нас своим единственным зрячим глазом, пожал руку мне и своему внуку — моему будущему мужу. Сказал короткое:

— Здоровья, главное, и живите в мире.

Ушел в зал, сел на диван слушать радио.

Бабушка вышла через несколько минут. Оглядела меня со всех сторон, потрогала каждую из двух моих косичек, ткань платья, щёку, бусы. Села рядом с внуком. Мне не сказала ни слова, но я слышала, как она громко шепчет ему в самое ухо:

— Хороша девка, хороша, не то что другие...

Так я познакомилась с бабушкой Любой и дедушкой Колей. Через несколько месяцев мы поженились, и они уже стали не только мужниными, но и моими тоже. Наши бабушка с дедушкой.

Они жили в деревне, мы в городе, но мы к ним частенько приезжали. Приезжали сажать картошку, тяпать картошку, копать картошку, перебирать картошку, спускать в погреб картошку, есть картошку. Нам не особенно нужна была эта картошка, но она очень нужна была дедушке и, особенно, бабушке. Бабушка контролировала каждый картофельный этап, включая спуск в погреб и поедание картошки. Мы всё делали не так. Особенно ели мы картошку неправильно, категорически. Бабушка выхватывала из наших рук тарелки, начинала сама копать в кастрюле, накладывая каждому, приговаривая себе под нос:

— Надо ж глядучи накладывать-то, вот синеглазку положь, вот белу, вот красненьку...

Мы не отличаем и никогда не отличали вкус синеглазки от белой, но едим и нахваливаем синеглазку — бабушку надо уважить, ее любимая картоха.

Через три года после свадьбы мы приехали не на картошку. Приехали хоронить дедушку

IL CONCORSO DELLA NONNA

— Nonna, nonno, venite a conoscere la bambina!

Il nonno, strusciando le ciabatte e appoggiandosi a un bastone di legno, uscì per primo dalla stanza. Gettò uno sguardo verso di noi con il suo unico occhio vedente, mi strinse la mano e fece lo stesso con suo nipote: il mio futuro marito. Disse in breve:

— La salute è la cosa più importante, vivete in pace.

Andò in salone e si sedette sul divano ad ascoltare la radio.

La nonna uscì dopo qualche minuto. Mi scrutò da ogni angolazione, toccò entrambi i miei codini, il tessuto del vestito, la guancia, le perle. Si sedette accanto al nipote. Non mi disse una parola, ma sentivo come sussurrava a gran voce all'orecchio di lui:

— È una brava, brava bambina, non è come le altre...

È così che conobbi nonna Ljuba e nonno Kolja. Qualche mese dopo ci sposammo, e non erano più solo i nonni di mio marito, ma anche i miei. I nostri nonni.

Loro vivevano in paese e noi in città, ma andavamo molto spesso a far loro visita. Andavamo a piantare patate, rincalzare patate, raccogliere patate, cavare patate, cernere patate, portare patate giù in cantina, mangiare patate. Non avevamo particolarmente bisogno di queste patate, ma il nonno sì, soprattutto la nonna. La nonna supervisionava ogni fase della coltivazione delle patate, compresa la scesa in cantina e il pasto delle patate. Noi sbagliavamo tutto. Soprattutto, mangiavamo le patate in modo tassativamente errato. La nonna strappava i piatti dalle nostre mani, iniziava a scavare nella pentola e, servendoci in abbondanza, brontolava:

— Bisogna servirle con attenzione, le *sineglazka*, le bianche, le rosse...

Non distinguiamo né abbiamo mai distinto il sapore delle *sineglazka* da quelle bianche, ma mangiamo e lodiamo le *sineglazka*: bisogna rispettare la nonna, sono le sue preferite.

Dopo tre anni dal matrimonio, non andammo lì per le patate. Andammo per seppellire il nonno: venne a mancare a causa di un tumore al cervello. Io e mio marito ci recavamo al cimitero e guardavamo come sca-

— помер, опухоль мозга. Ходили с мужем на кладбище, глядели, как копают могилу в мерзлом месиве: слой земли, слой льда, слой глины, вода, снова слой земли... Ходили к местным умельцам, договаривались об оградке и чтоб песку привезли, насыпать вокруг, все ж таки суше будет. Ходили в церковь, слушали отпевание.

Бабушка не плакала. Бабушка говорила мертвому дедушке:

— Коленька, как же так я одна тут со всем управлюсь...

А потом пришла новая весна, уже без дедушки Коли, но все с теми же картофельными циклами. После каждого этапа бабушка говорила, что сил ее больше нет на этот картофельный огромный огород. Потом вспоминала, что мы без ее глазу всё протяпаем неправильно и оставалась жить еще на месяц. А потом еще на один. И еще на один. Всякий год клялась, что в последний раз сажала картошку и новой весной не будет сажать. И каждую новую весну сажала снова, все десять полос. Через три года после смерти дедушки мы продали огород, думали, угомонится бабушка, опасно ей так активничать в ее возрасте. Тогда бабушка стала ходить на погреб, следить, чтоб мальчишки с крыши его не катались, рубероид не рвали салазками да обувью. Не счесть, сколько раз падала она по пути к погребу — льдисто там на тропе к нему, всякий год льдисто и ничего не поделать с этим. Продали и погреб.

Сейчас бабушке Любе девяносто три года, и она уже совершенно решительно собирается помирать. Строго говоря, она уже пятый год собирается, сразу после ухода дедушки начала поговаривать, что пора ей. Но в последнее время от слов к делам перешла.

Переехала со своей высокой кровати с матрасом и подушками, покрытыми кисеей. Переехала на дедов диван старый. Теперь спит там, сидит днем тоже там. Вместо одеяла укрывается старым рваным пальто, которое дедушка на скамейку в огороде стелил, чтоб не на мокром сидеть. Кровать не расстилает даже, вообще ее не касается, разложила на ней вещи, упакованные в целлофановые пакетики с картинками — похоронные вещи. По ночам громко разговаривает: то сама с собой, то с дедушкой. Объясняет, что пора уже, устала.

vavano la fossa in una poltiglia ghiacciata: uno strato di terra, uno strato di ghiaccio, uno strato di argilla, acqua, di nuovo uno strato di terra... Andavamo dagli artigiani locali, concordavamo una ringhiera e affinché portassero della sabbia da cospargere intorno; nonostante tutto, sarebbe stato più asciutto. Andavamo in chiesa, ascoltavamo la messa funebre.

La nonna non piangeva. Al nonno defunto, la nonna diceva:

— Kolen'ka, come faccio a gestire tutto questo da sola...

Ma poi arrivò la primavera, senza nonno Kolja, ma sempre con gli stessi cicli di patate. A seguito di ogni fase, la nonna diceva di non avere più forze per questo enorme orto di patate. Poi ricordava che, senza la sua supervisione, avremmo rincalzato tutte le patate nel modo sbagliato, e sopravviveva un altro mese. E poi ancora un altro. E un altro ancora. Ogni anno giurava di aver piantato patate per l'ultima volta e che la prossima primavera non l'avrebbe fatto. E all'arrivo di ogni primavera le piantava di nuovo, tutti e dieci i filari. Dopo tre anni dalla morte del nonno vendemmo l'orto e pensavamo che la nonna si sarebbe acquietata, è pericoloso darsi così tanto da fare per una persona della sua età. Allora la nonna iniziò ad andare in cantina per accettarsi che i bambini non rotolassero giù dal tetto e che non strappassero la carta catramata con gli slittini e le scarpe. Non si riescono a contare le volte in cui è caduta mentre andava in cantina: il sentiero per arrivarci era ghiacciato, lo era ogni anno e non potevamo farci nulla. Vendemmo anche la cantina.

Ora nonna Ljuba ha novantatré anni ed è già fermamente e del tutto pronta a morire. A rigor di termini, è pronta già da cinque anni: sin da quando il nonno se ne è andato, ha iniziato a dire che era arrivata la sua ora. Ultimamente, però, è passata dalle parole ai fatti.

Ha abbandonato il suo alto letto con materasso e cuscini ricoperti di mussolina per trasferirsi sul vecchio divano del nonno. Ora dorme lì, siede lì anche durante il giorno. Al posto della coperta, si avvolge in un vecchio cappotto lacerato, che il nonno stendeva sulla panca dell'orto per non sedersi sul bagnato. Non rifà nemmeno il letto, non lo sfiora affatto, vi ha sparso degli oggetti impacchettati in bustine di cellophane con delle immagini — oggetti funebri. Di notte parla ad alta voce: ora a sé stessa, ora al nonno. Spiega che è già l'ora, che è stanca.

А потом наступает утро. А потом день. Бабушка все не помирает, и у нее есть целых три веских причины этого не делать.

Во-первых, на кладбище топко. Она не хочет в топкое ложиться. Помнит, как клали дедушку в жидкое льдисто-глиняное месиво, переживала очень, не понравилось ей. Она ждет, пока кладбище просохнет, пока вода с него сойдет, чтобы сухо и тепло было.

Во-вторых, у нее есть цель — помереть самой старой бабкой на деревне. Для этого ей нужно дожить до девяноста четырех с половиной, как минимум. Пока что самую старую жительницу деревни схоронили в девяносто четыре ровно. С ее похорон бабушка Люба и объявила нам про свой конкурс. Ждет теперь своих девяносто четырех с половиной, а лучше еще чуток побольше, с запасом, чтоб наверняка, чтобы людей стыдно не было.

В-третьих, скоро Пасха. К каждой всякий год Пасхе бабушка намывает потолок, сама, лично. Каждую Пасху она клянется, что сил у нее никаких больше нет и моет она потолок в последний раз. Каждую новую Пасху она снова лезет на табурет, а с него на стол и намывает белое до еще большей белизны. Потому что мы намоем точно плохо. Она не знает, как именно плохо, потому что ни разу не позволила нам помыть самим. Но как-то очень плохо. Нет у нее к нам доверия в этом вопросе. Руку тут сломала, в гипсе ходит, а мыть все одно собирается, не унять. Ну, не потолок же нам продавать, в конце концов-то. А пока потолок есть, мыть она его будет, точно будет.

В общем, не помереть ей с нами, до того мы дурацкие. И кладбище это еще негодное. И выиграть, выиграть по возрасту ей непременно надо. Сама себе конкурс придумала, теперь мается, но живет. Надо выиграть. Бабушка в жизни ни в чем и никому не проигрывала и при смерти тоже не собирается.

E poi arriva il mattino. E poi il giorno. La nonna non sta morendo e ha ben tre seri motivi per non farlo. In primo luogo, il cimitero è melmoso. Non vuole giacere nella melma. Ricorda come deponavano il nonno in una poltiglia di ghiaccio e argilla, era molto in pena e non le piacque. Aspetta che il cimitero si asciughi, che l'acqua si ritiri, che ci sia asciutto e caldo.

In secondo luogo, ha un obiettivo: andarsene come la nonna più anziana del paese. Per riuscirci deve arrivare almeno all'età di novantaquattro anni e mezzo. Finora, l'abitante più anziana del paese è stata sepolta precisamente all'età novantaquattro anni. Dal suo funerale, la nonna Ljuba ha anche bandito il suo concorso. Ora aspetta i suoi novantaquattro anni e mezzo, e meglio ancora se un pochettino di più, con le provviste, per essere sicuri e in maniera tale che la gente non si vergogni.

In terzo luogo, a breve sarà Pasqua. Ogni anno, in occasione di ogni Pasqua, la nonna pulisce il soffitto; lei stessa, personalmente. Ogni Pasqua giura di non avere più un briciolo di forza e che avrebbe pulito il soffitto per l'ultima volta. Ad ogni avvento della Pasqua, sale di nuovo sullo sgabello e da lì, sul tavolo, strofina il bianco fino a renderlo ancora più bianco. Perché noi lo puliremo sicuramente male. Non sa precisamente quanto, perché non una volta ci ha permesso di pulirlo. Ma in qualche modo sarebbe un disastro. A tal proposito non si fida di noi. In quella circostanza si è rotta un braccio, ora ha il gesso, ma pulirà lo stesso ogni cosa, non c'è verso di fermarla. Beh, alla fin fine non venderemo il soffitto. Ma finché avremo un soffitto, lei lo pulirà, lo pulirà sicuramente.

Siamo a tal punto stupidi che, comunque, non morirà con noi. E questo cimitero è inadeguato. E deve vincere, deve vincere senz'altro per età. Lei stessa ha inventato il concorso, ora sta soffrendo, ma vive. Deve vincere. Durante la sua vita, la nonna non è mai stata sconfitta da niente e nessuno e non lo farà neanche in punto di morte.

Отзыв о рассказе

Рассказ о состязании человека со смертью в принципе обречен на читательский успех. Трудно найти среди нас такого, кто остался бы к этой теме совсем равнодушным. И если в интерпретации Бергмана в «Седьмой печати» мотив бегства от смерти звучит монументально трагически, то автор рассказа «Бабушкин конкурс» прибегает к лиризму, юмору и даже к определенной нежности при создании образа центральной героини.

Бабушка Люба свою кончину вроде бы принимает, но на самом деле хитрит. То на кладбище слишком топко, то к Пасхе надо потолок помыть, то необходимо на полгода пережить самую старую старушку в деревне, чтобы установить рекорд – в общем, дел хватает, хотя вслух заявляется, что пора помирать. Этот прием авторской иронии работает как часы, сообщая нам о неистребимой склонности человека к бессмертию, а также о том, что на самом деле многое в нашей власти, включая те самые шекспировские чудеса, «которые не снились даже мудрецам».

Глубокий оптимистический зачин в тексте рассказа поддерживается убедительной работой со средствами художественной выразительности. Избранный автором стиль повествования полностью отвечает смысловым векторам, и мягкий юмор, во многом опирающийся на прием лексического повтора, определяет особую атмосферу и важное для всякого литературного произведения послевкусие. Это прекрасный рассказ, написанный талантливым и добрым человеком.

Андрей Геласимов

Nota critica

Un racconto sulla lotta dell'uomo contro la morte è, in via di principio, votato ad essere un successo di lettura. È difficile trovare qualcuno tra noi che sia del tutto indifferente a questo argomento. E se nell'interpretazione di Bergman ne *Il settimo sigillo* il motivo della fuga dalla morte risuona monumentalmente tragico, l'autrice del racconto *Il concorso della nonna* ricorre al lirismo, all'umorismo e persino a una inequivocabile tenerezza nel creare l'immagine della protagonista.

Nonna Ljuba sembra accettare la sua fine, ma in realtà è astuta. Al cimitero c'è troppa melma, il soffitto deve essere pulito in occasione della Pasqua ed è indispensabile che la vecchietta più anziana del paese sopravviva per sei mesi per stabilire un record: in linea generale c'è abbastanza da fare, nonostante affermi ad alta voce che è ora di morire. Questa tecnica d'ironia autoriale lavora come un orologio, ci informa dell'inesausta tendenza umana all'immortalità, come anche del fatto che, in realtà, molte cose sono in nostro potere, compresi quegli stessi miracoli shakespeariani "che non sogna nemmeno la nostra filosofia".

Il preambolo profondamente ottimistico del testo del racconto è sorretto da un convincente lavoro con gli strumenti di espressione artistica. Lo stile narrativo scelto dall'autrice soddisfa interamente i vettori semantici; il lieve umorismo, in gran parte basato sulla tecnica della ripetizione lessicale, definisce un'atmosfera speciale e un retrogusto importante per qualsiasi opera letteraria. È una storia meravigliosa scritta da una persona talentuosa e di buon cuore.

Andrej Gelasimov

Биография

Евфросиния Капустина родилась в городе Ялуторовск Тюменской области, живет в Санкт-Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Фотожурналист. Работала над фотопроектами в России, Гватемале, Никарагуа. Руководит фотоотделом в международной благотворительной организации «Health & Help». Публиковалась в «Российской Газете», «Литературном Санкт-Петербурге», «Невском альманахе» и других СМИ. Победитель конкурса Русского музея «КаэРомания 2020», международного конкурса «Мост Дружбы», премии имени С. Гуртуева, финалист премии «Лицей», премии «Восхождение» и других.

Biografia

Evfrosinija Kapustina è nata a Jalutorovsk, nella regione di Tjumen'. Vive a San Pietroburgo. Si è laureata all'Istituto Statale di Cultura di San Pietroburgo. È una fotoreporter. Ha lavorato a progetti fotografici in Russia, Guatemala e Nicaragua. Dirige la sezione fotografica dell'organizzazione benefica internazionale Health & Help. Ha pubblicato su “Rossiskaja Gazeta”, “Literaturnyj Sankt-Peterburg”, “Nevskij Al'manach” e altri media. È risultata vincitrice del concorso del Museo di Stato Russo “KaeRomanija 2020”, del concorso internazionale “Most Družby” e del premio C. Gurtuev, nonché finalista del premio “Licej”, del premio “Ascent” e altri ancora.

Иветта Меликян

Перевод на итальянский язык Джованни Полицци

Ivetta Melikjan

Traduzione in italiano di Giovanni Polizzi

ГЛАЗА МОДИЛЬЯНИ И УШИ ВАН ГОГА

Мой отец пишет стихи, больше он ничего не делает. Он один из величайших неизвестных поэтов мира.

Кинофильм «В горах мое сердце»

В Талдомском районе полно журавлей, болот, оленей, земляничных полей и всего один поселок Вербилки. В свою очередь, в Вербилках всего один Яша, а у Яши всего одна жена Фая. Нас с Яшей, нынче девяностодвухлетним, долго не знакомили — в двухтысячном году, когда он приехал навестить кисловодских родственников, я еще не умела разговаривать. Мы познакомились в Витебске через десять лет, на похоронах моей прабабушки, Яшиной родной сестры. Тогда скопление людей напоминало черную дыру, эта беспросветная пучина безжалостно засасывала всякого, оказавшегося рядом (таково свойство скорби). Лишь один Яша не был черным мавром, он пришел на похороны в красном пиджаке, синих брюках и желтом галстуке. «Яша, почему вы такой разноцветный и не траурный?» — тут же спросили его. «Ну смотрите, если взять синюю краску и смешать с желтой и красной, получится черный», — тут же отвечивал Яша. После похорон, как и полагается в Витебске, он схватил Фаю за талию и полетел над городом. Говорят, в тот день горожан мучили кошмары — всю ночь чьи-то всхлипы проникали в сны. Яша плакал по сестре. Второй раз мы встретились с ним через целых семь лет после похорон. Сезонная аллергия, вызванная буйством кавказского разнотравья, погнала меня в стерильное Подмосковье, к деду. «Там будет полегче», — сказал моей маме врач. И был отчасти прав. Аллергия вышла на Савеловском вокзале, и на каком-то километре, подъезжая к Вербилкам, на ее место села акклиматизация. Вербилки — поселок городского типа, по сравнению с обычными городами — аскетичная келья монаха. Ничего лишнего. Убранство поселка красил лишь фарфоровый завод «Гарднер», где и работал когда-то Яша художником. В любой день

GLI OCCHI DI MODIGLIANI E LE ORECCHIE DI VAN GOGH

*Mio padre scrive poesie, non fa nient'altro. È uno dei più grandi poeti sconosciuti al mondo.
Dal film *Il mio cuore negli altipiani**

Il distretto di Taldom è pieno di gru, paludi, cervi, campi di fragoline e una sola cittadina, Verbilki. A sua volta, a Verbilki c'è un solo Jaša, e Jaša ha una sola moglie, Faja. Io e Jaša, oggi novantaduenne, non ci siamo potuti conoscere per molto tempo; nel Duemila, quando è venuto a visitare i suoi parenti di Kislovodsk, non sapevo ancora parlare. Ci siamo incontrati dieci anni dopo al funerale della mia bisnonna, la sorella di Jaša. Allora, quell'ammasso di persone assomigliava a un buco nero, quest'oscura voragine risucchiava senza pietà chiunque si trovasse nelle vicinanze (questa è la natura del dolore). Soltanto Jaša non era nero come un moro, ma si era presentato al funerale con una giacca rossa, dei pantaloni blu e una cravatta gialla. «Jaša, perché è vestito così colorato e non a lutto?» gli chiedevano. «Beh, guardi, se prendiamo il colore blu e lo mescoliamo con il giallo e il rosso verrà fuori il nero» rispondeva prontamente Jaša. Dopo il funerale, così come si usa a Vitebsk, prese Faja per la vita e volò sopra la città. Si dice che quel giorno i cittadini ebbero gli incubi; per tutta la notte i gemiti di qualcuno si insinuavano nei loro sogni. Jaša piangeva per sua sorella. Ci incontrammo una seconda volta sette anni dopo il funerale. L'allergia stagionale, causata dal tripudio di erbe caucasiche, mi aveva spinto nella sterile Podmoskov'e, dal nonno. «Lì andrà meglio», disse il medico a mia madre. E in parte aveva ragione. Alla stazione di Savelovskij l'allergia era sparita, mentre da qualche parte in prossimità di Verbilki, aveva preso il suo posto l'acclimatazione. Verbilki è un insediamento di tipo urbano, rispetto alle comuni città sembra una cella ascetica di un monaco. Non c'è nulla di superfluo. Soltanto la fabbrica di porcellane "Gardner", dove Jaša in passato aveva lavorato come artista, decora il paesaggio della cittadina. Il paese è perennemente in uno stato letargico. Sogna alci grasse che grattano le corna contro i tronchi, tappeti di muschio, cacciatori e bracconieri con i cani, donne dal sedere grosso e i loro mariti gracili che smuovono la ghiaia con le ruote delle biciclette

поселок пребывал в летаргическом состоянии. Ему снились жирные лоси, чешущие свои рога об коряги, шубы из мха, охотники и браконьеры с собаками, толстозадые бабы и их худощавые мужья, волнующие гравий колесами велосипедов, флегматичная река Якоть, позеленевшая от однообразия собственной жизни. Ему, несомненно, снился и Яша с Фаей, и я снилась ему тоже, но не так часто. Первый раз я появилась во сне поселка летом, в две тысячи десятом году. Стояла засуха, из леса выползали гадюки, горели торфяные болота. Из-за смены климата мне нездоровилось, и две недели я пролежала дома, рассматривая все его углы и стены. А стен в этом доме было ровно шестнадцать, и только две из них не были заняты картинами. На одной из свободных стен была книжная полка, а у другой стоял шкаф, где хранился тонкокожий фарфор. Все тарелки и кружки этого сервиза были с браком. В конце каждой смены Яша выискивал на «бракованных полках» завода особенно неказистые изделия, чтобы на выходных нарисовать на них свои узоры. Кривые носики чайников и волнистые края чашек покрывались лиловыми грушами и воображаемыми пейзажами с единорогами, пардусами и грифонами.

Под моей кроватью валялся этюдник на курьих ножках (дед расписал их на манер сказки). Когда они ссорились с Фаей, Яша уезжал на дачу с этим этюдником и писал маслом лесные пейзажи. Но однажды после ссоры он приехал с портретом жены. На картине, стилем похожей на Пиросмани, пышнотелая Фая в наряде боттичеллевской Хариты пускает бумажные самолетики, они превращаются в бомбардировщики и палят по деду, при этом сама Фая норовит улететь, а дед, изрешеченный выстрелами, держит ее за мизинец. На картине держать Фаю ему помогают два гуся — Геродот и Эсмеральда (питомцы Яши и Фаи, которых они держат вместо сторожевых псов). Тем летом злобная Эсмеральда укусила меня за ногу. В наказание гусю Яша купил на базаре ее сородича и приготовил на глазах у провинившегося. Эсмеральда истошно вопила. После была написана картина, где в синезеленом небе летают сваренные гуси...

Чего только не было в жизни у Яши. Головокружительной карьеры художника, например, не было, денег и холстов в нужном количестве тоже. Когда Яше исполнилось тринадцать лет, за два года до войны, государство отправило его учиться в художественное ремесленное

e il flemmatico fiume Jakot' che diventa verde a causa della monotonia della sua stessa vita. Senza dubbio sogna Jaša e Faja, e sogna anche me, ma non così spesso. La prima volta che sono apparsa nei sogni della cittadina è stato d'estate, nel duemiladieci. Era un periodo di siccità, le vipere strisciavano fuori dal bosco, le torbiere bruciavano. Il cambiamento delle condizioni climatiche non giovava alla mia salute e per quindici giorni sono rimasta a casa ad esaminare tutti i suoi angoli e le sue pareti. Di pareti nella casa ce n'erano esattamente sedici, e solo su due non erano appesi quadri. Su una delle pareti libere c'era una libreria, mentre sull'altra un armadio in cui erano conservate porcellane molto fini. Tutti i piatti e i bicchieri di questo servizio erano difettosi. Alla fine di ogni turno Jaša sceglieva tra gli "scaffali degli scarti" della fabbrica dei prodotti particolarmente bruttini da decorare nel fine settimana. I beccucci storti delle teiere e i bordi ondulati delle tazze erano ricoperti di pere lilla e di paesaggi immaginari con unicorni, pardi e grifoni.

Sotto al mio letto c'era un cavalletto su zampe di gallina (mio nonno le aveva dipinte alla maniera delle fiabe). Quando lui e Faja litigavano, Jaša andava nella casa di campagna con questo cavalletto e dipingeva a olio paesaggi boschivi. Ma un giorno, dopo un litigio, era tornato a casa con un ritratto della moglie. Nel quadro, in uno stile simile a quello di Pirosmanni, la paffuta Faja, vestita come una Grazia di Botticelli, lancia aeroplani di carta che si trasformano in bombardieri e sparano sul nonno, mentre Faja stessa cerca di volare via e il nonno, crivellato di colpi, la tiene per il mignolo. Nel dipinto viene aiutato a tenere Faja da due oche: Erodoto ed Esmeralda (gli animali domestici che Jaša e Faja hanno al posto di cani da guardia). Quell'estate la feroce Esmeralda mi morse ad una gamba. Come punizione per l'oca, Jaša comprò alla fiera un esemplare della stessa razza e lo cucinò davanti alla colpevole. Esmeralda urlò a squarciagola. Dopodiché, dipinse un quadro in cui nel cielo azzurro e verde volano delle oche lesse...

Cosa non ha visto Jaša durante tutta la sua vita! La vertiginosa carriera dell'artista, per esempio, non l'ha mai vista, così come i soldi e le tele nella giusta quantità. Quando Jaša aveva tredici anni, due anni prima della guerra, il governo lo mandò a studiare nella scuola di artigianato artistico nella città di Dulevo, separandolo dalla famiglia per molti anni. Da lì lo assegnarono alla fabbrica di porcellana di Verbilki, dove ha lavorato per tutta la sua vita. Ma nel tempo libero l'artista, come in Mandel'stam, ricreava il profondo deliquio del lillà e non dipingeva del tutto i veli. Faja diceva che Jaša aveva gli

училище города Дулево, разлучив его со всей семьей на долгие годы. Оттуда его распределили на фарфоровый завод Вербилки, где он и проработал всю свою жизнь. Но в свободное от работы время художник, как у Манделштама, изображал глубокий обморок сирени и недомалеывал вуали. Фая говорила, что у Яши глаза Модильяни и уши Ван Гога. Из всех его написанных работ моя любимая — «Кентавры, пасущие стадо овец». Сейчас Яша пишет исключительно портреты друзей и родственников, которые все чаще превращаются в часть надгробной плиты. Но к автопортрету он еще не приступал. В свое время он питал мертвое хладнокровие к своим выставкам, а из-за нежелания расставаться с фантазмагорией своих картин, не вступил в Союз художников. Когда я лежала дома с температурой, он читал мне стихи, перепечатанные когда-то в советском самиздате на тонких, просвечивающих с двух сторон листочках с покосившимися строчками. Задокументировать, забальзамировать, а после, во время ненастий и бурь, — воскресить одним движением мысли, как дрожащий голос деда тихо напевал: «Был домик в три окошка, в такой раскрашен цвет, что даже в спектре солнца...».

...в ту ночь огонь, как дикий зверь, набросился на лес. В газетах потом напишут — «Опилки... лесничество... халатное отношение к...». Но тогда в пятистах метрах от дома трещали заборы, ломались как спички многолетние деревья. В лесу был сарай, а в нем наша собака Рада. Дед бросился в горящий лес один, а прибежал со скулящим охотничьим псом, поджавшим свой лохматый хвост. Фая заварила чай, приласкала дрожащую Радку. Мы сидели вчетвером на кухне, пили душистый смородиновый лист и старались не смотреть на пожар. Все тогда казалось мне дурным сном, моя лихорадка никак не проходила, и дед гладил меня по горячему лбу своей холодной тонкой ладонью.

— Это из-за меня загорелось? — спросила тогда я спронея. И Фая заулыбалась. Была глубокая светлая ночь. Яша читал рассказ малоизвестного писателя из того же самиздата (если перевернуть книгу, то были уже не стихи, а проза). Писатель рассказывал об Александре Македонском. Будто он не умер в тридцать два года, а просто упал с лошади, повредил память и был взят в плен, а затем и продан вавилонянами в рабство. Однако через много лет, будучи глубоким стариком, он случайно увидел монету со своим профилем, и только

occhi di Modigliani e le orecchie di van Gogh. Tra tutte le sue opere dipinte la mia preferita è *Centauri che pascolano un gregge di pecore*. Ora Jaša dipinge esclusivamente ritratti di amici e parenti, che sempre più spesso finiscono per diventare parte di una lapide. Tuttavia non è mai passato all'autoritratto. A suo tempo nutriva un sentimento di freddo distacco nei confronti delle sue mostre e, a causa della sua riluttanza a separarsi dalla fantasmagoria dei suoi dipinti, non si iscrisse all'Unione degli Artisti. Quando ero a casa con la febbre mi leggeva le poesie da una ristampa in samizdat dell'epoca sovietica su fogli di carta sottili e traslucidi su entrambi i lati, con le righe tutte storte. Registrare, imbalsamare e poi, durante le intemperie e i temporali, resuscitare con un solo movimento del pensiero come la voce tremula di mio nonno canticchiava dolcemente: «C'era una casetta con tre finestre, decorata con un colore tale, che anche nello spettro solare...»

... quella notte il fuoco, simile a una bestia feroce, si era abbattuto contro il bosco. Più tardi i giornali avrebbero scritto: “Segatura... guardia forestale... atteggiamento negligente verso...”. Ma in quel momento, a cinquecento metri dalla casa, le recinzioni stavano crepitando, gli alberi longevi si spezzavano come fiammiferi. Nel bosco c'era un fienile, e lì dentro si trovava il nostro cane Rada. Il nonno si precipitò da solo nel bosco in fiamme e tornò con il cane da caccia che piangeva con la coda irsuta tra le gambe. Faja preparò del tè e accarezzò Rada che ancora tremava. Noi quattro ci sedemmo in cucina, bevevamo fragranti foglie di ribes e cercavamo di non guardare l'incendio. Allora tutto mi sembrava un brutto sogno, la febbre non accennava a passare e il nonno mi accarezzava la fronte calda con il suo palmo freddo e sottile.

«È per colpa mia se ha preso fuoco?» chiesi io in dormiveglia. Faja sorrise. Era una notte profonda e luminosa. Jaša leggeva il racconto di uno scrittore poco conosciuto dallo stesso samizdat (capovolgendo il libro non si trovava più la poesia, bensì la prosa). Lo scrittore riportava la storia di Alessandro Magno. Pare che non fosse morto all'età di trentadue anni, ma fosse semplicemente caduto da cavallo, compromettendo la sua memoria, e fosse stato fatto prigioniero e poi venduto come schiavo dai Babilonesi. Tuttavia, molti anni dopo, in età avanzata, gli capitò di vedere una moneta con il suo profilo e solo allora gli tornò la memoria. Da quel giorno il vecchio e infermo Alessandro camminava lungo la costa cercando di sapere dai mercanti che fine avesse fatto Efestione, il suo fedele condottiero, ma tutti lo deridevano.

тогда память вернулась к нему. С тех пор уже немощный и старый Александр ходил вдоль береговой линии и пытался выведать у торговцев, что стало с Гефестионом, его верным полководцем, но над ним все только смеялись.

На следующее утро лес еще тлел, он тлел и через утро, и всю неделю после. Яша проснулся рано и, прихватив с собой все свои лесные пейзажи, вышел из дома, не разбудив даже чуткого пса. Пока все спали, он молча выставил у дымящихся развалин свои пейзажи, вместо мольбертов были автомобильные шины, лавочки. Он рисовал этот лес половину своей жизни. Все его тропы, все покосившиеся незаконные гаражи и хибары, ограждения с курами и петухами, трухлявые, но живописные пни. Все, что сгорело за одну ночь, но осталось в памяти и на холстах. Никто из односельчан не верил, что Яша настоящий художник, но тем же вечером почти у каждого дома висела его картина.

В сентябре я приехала домой и сказала маме, что хочу учиться живописи.

— Неужели пример деда тебя ничему не научил, — ответила мне она, — хочешь, как Яша, жить в богом забытой деревне и захламлять дом картинами?

Il mattino seguente il bosco fumava ancora, fumò anche il mattino dopo e così per tutta la settimana successiva. Jaša si svegliò presto e, portando con sé tutti i suoi paesaggi boschivi, uscì di casa senza svegliare nemmeno l'attento cane. Mentre tutti dormivano, dispose in silenzio i suoi paesaggi accanto alle rovine fumanti, su pneumatici di auto e panche al posto dei cavalletti. Aveva raffigurato questa foresta per metà della sua vita. Tutti i suoi sentieri, tutti i garage abusivi e le baracche sgangherate, i recinti con le galline e i galli, i ceppi marci ma pittoreschi. Tutto ciò che è bruciato in una notte, ma è rimasto impresso nella memoria e sulle tele. Nessuno dei compaesani credeva che Jaša fosse un vero artista, ma quella stessa notte in quasi ogni casa c'era appeso un suo quadro.

A settembre tornai a casa e dissi a mia madre che volevo studiare pittura.

«L'esempio di tuo nonno non ti ha insegnato nulla», mi disse, «vuoi vivere come Jaša in un villaggio dimenticato da Dio e tappezzare la casa di quadri?».

Отзыв о рассказе

Жил в небольшом поселке Вербилки в Московской области художник. Работал на фарфоровом заводе, расписывал фарфоровую посуду по традиционным гарднеровским и новым советским образцам. В свободное время писал то, к чему склоняли душа и неумная творческая фантазия. Бродил по соседнему лесу и запечатлевал лесные пейзажи. Любил жену Фаю, несмотря на ее ворчание, и внуку, изредка приезжавшую на каникулы. Скромно жил, незаметно, не изменяя себе. Но когда лесной пожар напрочь уничтожил любимый лес, оказалось, что его пейзажи — единственная память о деревьях, что когда-то шумели рядом. И этой памятью он щедро поделился с соседями.

Вот такую бесхитростную историю поведала нам Иветта Меликян, начинающая писательница, получившая в свое время квалификацию иконописца, а нынче студентка Литературного института. Рассказ ее — едва ли не первая проба пера в художественное прозе, и сразу публикация в числе финалистов конкурса. Несомненный успех, заслуженный. Потому что у Иветты свой, особенный взгляд на мир. Добрый, заинтересованный взгляд. И свое понимание искусства. Честность художника перед собой, любовь к окружающему миру и стремление этой любовью делиться. Многому ей еще предстоит учиться, постигая тайны писательского ремесла. Но главное, унаследованное от деда, у Иветты есть.

Нина Литвинец

Nota critica

Nel piccolo villaggio di Verbilki, nell'*oblast'* di Mosca, vive un artista. Lavora in una fabbrica di porcellana e decora vasellame secondo i tradizionali modelli gardneriani e i nuovi sovietici. Nel tempo libero dipinge ciò verso cui l'anima e l'incontenibile immaginazione creativa sono più inclini. Vaga per il vicino bosco e ne cattura i paesaggi. Ama sua moglie Faja, nonostante i suoi brontolii, e sua nipote, che ogni tanto lo va a trovare durante le vacanze. Vive in modo semplice, discreto, immutabile. Ma quando un incendio distrugge interamente il suo amato bosco viene fuori che i suoi paesaggi rappresentano l'unica memoria degli alberi che un tempo mormoravano tutt'attorno. Una memoria che condivide generosamente con la comunità.

Questa storia senza fronzoli ci viene raccontata da Ivetta Melikjan, una scrittrice esordiente, che in passato si è formata come pittrice di icone e che adesso è una studentessa dell'Istituto Letterario. Il suo racconto è pressoché il suo primo tentativo di prosa narrativa, ma è subito stato pubblicato tra i finalisti del concorso. Un indubbio successo, meritato. Perché Ivetta ha un modo tutto suo di guardare il mondo. Ha uno sguardo gentile e interessato. E un suo modo di intendere l'arte. L'onestà dell'artista con sé stesso, l'amore per il mondo lo circonda e il desiderio di condividere questo amore. La strada per comprendere i segreti dell'arte della scrittura è ancora lunga. Ma i fondamentali, ereditati dal nonno, a Ivetta non mancano.

Nina Litvinec

Биография

Иветта Меликян родилась в Кисловодске, училась в Санкт-Петербургской Духовной Академии на иконописном отделении. Сейчас учится в Литературном институте имени А. М. Горького, семинар очерка и публицистики. Работала в качестве художника-иконописца. Опубликовала несколько статей в интернет-изданиях.

Biografia

Ivetta Melikjan è nata a Kislovodsk e ha studiato presso l'Accademia Teologica di San Pietroburgo, nel dipartimento di iconografia. Attualmente studia presso l'Istituto Letterario A.M. Gorkij, frequenta il seminario di saggistica e pubblicistica. Ha lavorato come pittrice di icone. Ha scritto diversi articoli in pubblicazioni online.

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Eleonora Bianchi	Элеонора Бьянки
Giovanni Polizzi	Джованни Полици
Martina Fattore	Мартина Фатторе
Sara Ceruso	Сара Черузо
Sara Vaccarini	Сара Ваккарини

Eleonora Bianchi è nata nel 2000. Ha frequentato il quarto anno di liceo a Dublino, prima di diplomarsi al Liceo Classico “Cesare Beccaria” di Milano. L’amore per Dostoevskij l’ha spinto a iscriversi alla facoltà di Lingue e letterature straniere dell’Università degli Studi di Milano, dove si è laureata con lode con una tesi sulle particelle russe. Attualmente sta approfondendo lo studio del russo e dell’inglese con una laurea magistrale nel medesimo ateneo, concentrandosi soprattutto sulla teoria e sulla tecnica della traduzione dal russo e dall’inglese. Da sempre eclettica, ha fatto numerosi corsi di perfezionamento linguistico e si tiene costantemente impegnata con vari progetti. Praticava karate a livello agonistico, ora sogna di continuare a studiare per poter diventare un giorno traduttrice.

Элеонора Бьянки родилась в 2000 г. Училась в Дублине, окончила Классический лицей имени Чезаре Беккариа в Милане. Любовь к Достоевскому подтолкнула ее поступить на факультет иностранных языков и литературы Миланского университета, который она окончила с отличием, защитив диплом о частицах в русском языке. В настоящее время обучается там же в магистратуре, изучает русский и английский языки, уделяя особое внимание теории и технике перевода. Имеет широкий круг интересов, окончила множество языковых курсов, постоянно занята различными проектами. Занималась каратэ, участвовала в соревнованиях, теперь мечтает сосредоточиться на учебе, чтобы однажды стать переводчиком.

Giovanni Polizzi è nato a Palermo nel 1998. Dopo aver concluso il percorso di laurea triennale in Lingue e letterature straniere presso l'Università di Palermo, si è specializzato in Traduzione letteraria presso l'Università di Napoli "L'Orientale" con una tesi sugli stereotipi etnici nella fraseologia russa e ceca. L'amore per le lingue slave l'ha portato a fare esperienze di studio in Russia e in Repubblica Ceca. Attualmente lavora come insegnante di lingua italiana per stranieri.

Джованни Полицци родился в Палермо в 1998 г. После трехлетнего обучения иностранным языкам и литературе в Палермском университете поступил в Неаполитанский Восточный университет на специальность «художественный перевод». Дипломная работа посвящена этническим стереотипам в русской и чешской фразеологии. Любовь к славянским языкам подтолкнула его продолжить учебу в России и Чехии. В настоящее время работает преподавателем итальянского языка для иностранцев.

Martina Fattore è nata a Monza nel 1992 ed è cresciuta a Isernia. Mossa da una forte curiosità per lo spazio post-sovietico, la comunicazione, la storia e la letteratura, ha deciso di intraprendere lo studio della lingua russa. Nel 2019 ha conseguito la laurea magistrale in Lingue Straniere e Studi Interculturali presso l'Università degli studi di Urbino "Carlo Bo" con una tesi incentrata sulle spedizioni etnografiche e sugli studi folklorici nel Nord della Russia Imperiale. Il suo interesse per l'epica russa si è sviluppato durante un soggiorno accademico presso l'Università Statale di Petrozavodsk, nella Repubblica di Carelia, dove ha frequentato corsi sulla tradizione orale russa. Dopo aver fatto parte della redazione del progetto editoriale *Russia in Translation* traducendo articoli dalla stampa russa, recensendo opere letterarie e partecipando alla creazione di interviste e podcast, attualmente si dedica alla scoperta e alla traduzione di opere contemporanee del panorama letterario russofono.

Мартина Фатторе родилась в 1992 г. в Монце, выросла в Изернии. Благодаря интересу к постсоветскому пространству, коммуникации, истории и литературе решила изучать русский язык. В 2019 г. получила степень магистра иностранных языков и межкультурных исследований в Урбинском университете имени Карло Бо, выпускная работа посвящена этнографическим экспедициям и фольклорным исследованиям севера Российской империи. Увлелась русским эпосом во время стажировки в Петрозаводском государственном университете в Республике Карелия, где слушала лекции о традиционной устной литературе. Работала в редакции проекта «Russia in Translation», переводила статьи из российской прессы, рецензировала литературные произведения, брала интервью, участвовала в создании подкастов. В настоящее время исследует и переводит современную русскоязычную литературу.

Sara Ceruso ha conseguito la laurea triennale in Lingue e Culture Straniere presso l'Università degli Studi di Salerno, con la tesi *Skryabin e Ivanov nel Secolo d'Argento*. La profonda passione per la lingua e la cultura russa l'hanno indotta a proseguire gli studi e a specializzarsi in Letterature e Traduzione Letteraria. Nel 2023 ha conseguito con lode la laurea magistrale in Lingue e Letterature Moderne, sempre presso l'ateneo di Salerno, con la tesi *La traduzione saggistica: Vladislav Chodasevič in traduzione*.

Сара Черузо три года изучала иностранные языки и культуры в Салернском университете, защитила диплом бакалавра на тему «Скрябин и Иванов в Серебряном веке». Страсть к русскому языку и культуре побудила ее продолжить учебу, углубившись в изучение литературы и художественного перевода. В 2023 г. с отличием окончила магистратуру того же университета по специальности «современные языки и литературы», защитила диплом «Перевод документальной литературы: Владислав Ходасевич в переводе».

Sara Vaccarini, marchigiana, è nata nel 1996. Da sempre affascinata dalle lingue, ha conseguito la laurea triennale in Discipline della Mediazione Linguistica all'Università di Macerata. Ha poi deciso di affinare l'arte del tradurre iscrivendosi al corso magistrale di Linguistica e Traduzione dell'Università di Pisa, dove si è laureata nel 2023 con una tesi sulla traduzione e il commento della povesť *Stol, pokrytyj suknom i s grafinom poseredine* di Vladimir Makanin. Oggi traduce, scrive, insegna italiano a stranieri e accompagna viaggiatori in giro per il mondo.

Сара Ваккарини родилась в 1996 г. в области Марке. С детства увлекалась языками, окончила бакалавриат Университета Мачераты по специальности «языковое посредничество». Решив заняться искусством перевода, поступила в магистратуру Пизанского университета, в 2023 г. защитила диплом по повести Владимира Маканина «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (перевод и комментарий). Переводит, пишет, преподает итальянский язык иностранцам, сопровождает путешественников по всему миру.

**ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»**

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun C'imidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин

Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изолы

Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи

Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти

Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой

Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой

Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской

Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой

Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna C`urbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык МариИ Изолы
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык МариИ Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3

Giovani narratori italiani

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjuchova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьянды

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kuc'erovsckaja-Marcevaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи

Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго

Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алесандры Моретти

Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной

Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой

Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской

Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова

Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая и Элизабетта Спедиаччи

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa
Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenc'ik
Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova
Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko
Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo
Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala
Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni
Margarita Urc'eva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenc'ik

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо

Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы

Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони

Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры

Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик

Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой

Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко

Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6

Giovani narratori italiani

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kulic'ichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbac'ëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyrëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларики Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Матруццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Нозми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova

Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri

Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри

Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Татьяна Шабаева, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской

Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova

Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova

Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'eva

Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис
Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты
Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья–Тальянти

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья–Тальянти

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9

Giovani narratori italiani

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko
Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja
Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj
Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova
Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin
Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina
Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala
Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini
Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

Decima edizione, 2019. Almanacco letterario 10

Giovani narratori italiani

Daniele Dalle Nogare, traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Angelica Damiani, traduzione in russo di Elena Kožina

Riccardo Marin, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Paolo Steffan, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Lorenzo Vargas, traduzione in russo di Margarita Kuz'mic'ëva

Giovani narratori russi

Dmitrij Bosjac'enko, traduzione in italiano di Emanuele Bero

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Andrej Ignat'ev, traduzione in italiano di Pier Brudaglio

Anastasija Terent'eva, traduzione in italiano di Martina Napolitano

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Giovani narratori dell'anno: Paolo Steffan e Galina Uzrjutova

Giovani traduttori dell'anno: Emanuele Bero e Svetlana Malinina

Литературный альманах 10 – 2019 год

Российские финалисты

Дмитрий Босяченко, перевод на русский язык Эмануэле Бери

Булат Ханов, перевод на русский язык Чинции Челоне

Андрей Игнатъев, перевод на русский язык Пьера Брудальо

Анастасия Терентьева, перевод на русский язык Мартины Наполитано

Галина Узрютова, перевод на русский язык Мартины Морабито

Итальянские финалисты

Даниэле Далле Ногаре, перевод на русский язык Станислава Лихоузова

Анджелика Дамиани, перевод на русский язык Елены Кожиной

Риккардо Марин, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Паоло Стеффан, перевод на русский язык Светланы Малининой

Лоренцо Варгас, перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Галина Узрютова и Паоло Стеффан

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Малинина и Эмануэле Бери

Undicesima edizione, 2020. Almanacco letterario 11

Giovani narratori italiani

Pier Franco Brandimarte traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Maria Chiara De Pascali traduzione in russo di Evgenija Litvin

Antonio Francesco Longo traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

Francesco Marangi traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva

Sydney Vicidomini traduzione in russo di Anton Maraev

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Andrea Zoller

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Margarita Katkova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Antonina Malyševa, traduzione in italiano di Tatiana Lutero

Aleksandra Šalašova, traduzione in italiano di Sydney Vicidomini

Giovani narratori dell'anno: Maria Chiara De Pascali e Bulat Chanov

Giovani traduttori dell'anno: Cinzia Celone e Stanislav Lichouzov

Литературный альманах 11 – 2020 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Андреа Цоллера

Булат Ханов, перевод на итальянский язык Чинции Челоне

Маргарита Каткова, перевод на итальянский язык Мартины Морабито

Антонина Малышева, перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро

Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини

Итальянские финалисты

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Станислава Лихоузова

Мария Кьяра Де Паскали, перевод на русский язык Евгении Литвин

Антонио Франческо Лонго, перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой

Франческо Маранджи, перевод на русский язык Владиславы Сычевой

Сидней Вичидомини, перевод на русский язык Антона Мараева

Победители в номинации «Молодой писатель»: Булат Ханов и Мария Кьяра Де Паскали

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Станислав Лихоузов и Чинция Челоне

Dodicesima edizione, 2021. Almanacco letterario 12

Giovani narratori italiani

Giovanni Giamboni traduzione in russo di Evgenija Litvin
Giuseppina Giordano traduzione in russo di Ol'ga Komarova
Giada Guassardo traduzione in russo di Ekaterina Panteleeva
Beatrice Salvioni traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva
Andrea Zancanaro traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Giovani narratori russi

Anna Berezovskaja traduzione in italiano di Federico Borrelli
Evgenija Kazanceva traduzione in italiano di Luca Cortesi
Nadežda Laevskaja traduzione in italiano di Federica Ruggeri
Artemij Leont'ev traduzione in italiano di Giulia Sorrentino
Marija Rybal'c'enko traduzione in italiano di Rebecca Gigli

Giovani narratori dell'anno: Beatrice Salvioni e Artemij Leont'ev

Giovani traduttori dell'anno: Federico Borrelli e Vladislava Syc'ëva

Литературный альманах 12 – 2021 год

Российские финалисты

Анна Березовская, перевод на итальянский язык Федерико Боррелли
Евгения Казанцева, перевод на итальянский язык Луки Кортези
Надежда Лаевская, перевод на итальянский язык Федерики Руджери
Артемий Леонтьев, перевод на итальянский язык Джулии Соррентино
Мария Рыбальченко, перевод на итальянский язык Ребекки Джильи

Итальянские финалисты

Джованни Джамбони, перевод на русский язык Евгении Литвин
Джузеппина Джордано, перевод на русский язык Ольги Комаровой
Джада Гуассардо, перевод на русский язык Екатерины Пантелеевой
Беатриче Сальвиони, перевод на русский язык Владиславы Сычевой
Андреа Дзанканаро, перевод на русский язык Светланы Смалевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Артемий Леонтьев и Беатриче Сальвиони

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Владислава Сычева и Федерико Боррелли

Tredicesima edizione, 2022. Almanacco letterario 13

Giovani narratori italiani

Gaia Barroi traduzione in russo di Marija Ljapunova

Rachele Faggiani traduzione in russo di Anton Maraev

Noemi Eva Maria Filoni traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Milton Larcher traduzione in russo di Nikoleta Pistol

Valentino Sarracino traduzione in russo di Tat'jana Ulanova

Giovani narratori russi

Ljubava Gornickaja traduzione in italiano di Luca Cortesi

Anna Lužbina traduzione in italiano di Maria Chiara Truttero

Aleksandra Makarova traduzione in italiano di Romano Marra

Ekaterina Odincova traduzione in italiano di Armando Spigno

Ekaterina Štejnberg traduzione in italiano di Benedetta Lazzaro

Giovani narratori dell'anno: Gaia Barroi e Ljubava Gornickaja

Giovani traduttori dell'anno: Luca Cortesi e Marija Ljapunova

Литературный альманах 13 – 2022 год

Российские финалисты

Любава Горницкая, перевод на итальянский язык Луки Кортези
Анна Лужбина, перевод на итальянский язык Марии Кьяры Труттеро
Александра Макарова, перевод на итальянский язык Романо Марры
Екатерина Одинцова, перевод на итальянский язык Армандо Спиньо
Екатерина Штейнберг, перевод на итальянский язык Бенедетты Ладзаро

Итальянские финалисты

Гайя Баррои, перевод на русский язык Марии Ляпуновой
Ракеле Фаджани, перевод на русский язык Антона Мараева
Ноэми Ева Мария Филони, перевод на русский язык Светланы Смалевой
Милтон Ларкер, перевод на русский язык Николеты Пистол
Валентино Саррачино, перевод на русский язык Татьяны Улановой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Любава Горницкая и Гайя Баррои

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Ляпунова и Лука Кортези

Quattordicesima edizione, 2023. Almanacco letterario 14

Giovani narratori italiani

Tommaso Cavani traduzione in russo di Darija Prochodskaja

Emilia De Rango traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

Giovanni Di Paola traduzione in russo di Ekaterina Micheeva

Veronica Dolcini traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Luigi Remo Parente traduzione in russo di Anna Perova

Giovani narratori russi

Evgenij Bodrjaev traduzione in italiano di Laura Gelfi

Ruslan Vorob'ëv traduzione in italiano di Eleonora Mancinelli

Aleksej Kolesnikov traduzione in italiano di Chiara Boarina

Ul'jana Frolova traduzione in italiano di Elisabetta Basile

Aleksandra Šalašova traduzione in italiano di Sara Ceruso

Giovani narratori dell'anno: Emilia De Rango e Aleksej Kolesnikov

Giovani traduttori dell'anno: Eleonora Mancinelli e Svetlana Smaleva

Литературный альманах 14 – 2023 год

Российские финалисты

Евгений Бодряев, перевод на итальянский язык Лауры Джельфи
Руслан Воробьев, перевод на итальянский язык Элеоноры Манчинелли
Алексей Колесников, перевод на итальянский язык Кьяры Боарины
Ульяна Фролова, перевод на итальянский язык Элизабетты Базиле
Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сары Черузо

Итальянские финалисты

Томмазо Кавани, перевод на русский язык Дарии Проходской
Эмилия Де Ранго, перевод на русский язык Екатерины Лобковой
Джованни Ди Паола, перевод на русский язык Екатерины Михеевой
Вероника Дольчини, перевод на русский язык Светланы Смалевой
Луиджи Ремо Паренте, перевод на русский язык Анны Перовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Алексей Колесников и Эмилия Де Ранго
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Смалева и Элеонора Манчинелли

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia

- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

- 9 ALMANACCO LETTERARIO 15

- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

- 13 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

- 14 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

- 16 Giuria italiana

- 20 Giuria russa

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А. М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 15
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Б. Н. Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 15 «Радуга»
Российско-итальянская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 16 Итальянское жюри
- 20 Российское жюри

23 GIOVANI NARRATORI ITALIANI

26 Elisa Agostinelli *L'attesa*

Traduzione in russo di Ol'ga Baljaeva

40 Matilda Balboni *Macchinine rosse*

Traduzione in russo di Ekaterina Lobkova

52 Antonia Cofano *Vortici di vita*

Traduzione in russo di Marija Cvetkova

64 Arianna Lombardo *In primavera*

Traduzione in russo di Marija Trofimova

74 Gian Michele Sella *Il nulla da raccontare*

Traduzione in russo di Aleksej Ignatov

81 Giovani traduttori russi

- 23 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 27 Элиза Агостинелли *Ожидание*
Перевод на русский язык Ольги Баляевой
- 41 Матильда Бальбони *Красные машинки*
Перевод на русский язык Екатерины Лобковой
- 53 Антония Кофано *Вихри жизни*
Перевод на русский язык Марии Цветковой
- 65 Арианна Ломбардо *Весной*
Перевод на русский язык Марии Трофимовой
- 75 Джан Микеле Селла *Рассказчик, которому больше не о чем рассказать*
Перевод на русский язык Алексея Игнатова
- 81 Молодые российские переводчики

- 87 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 91 Dar'ja Andreeva *Le galosce*
Traduzione in italiano di Eleonora Bianchi
- 105 Margo Gritt *Il piccolo segreto*
Traduzione in italiano di Martina Fattore
- 121 Evgenija Zobnina *Il mare si agita a forza tre*
Traduzione in italiano di Sara Vaccarini
- 137 Evfrosinija Kapustina *Il concorso della nonna*
Traduzione in italiano di Sara Ceruso
- 147 Ivetta Melikjan *Gli occhi di Modigliani e le orecchie di van Gogh*
Traduzione in italiano di Giovanni Polizzi
- 157 Giovani traduttori italiani
- 163 Albo d'oro del Premio Raduga

- 87 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 90 Дарья Андреева *Галошки*
Перевод на итальянский язык Элеоноры Бьянки
- 104 Марго Гритт *Секретик*
Перевод на итальянский язык Мартины Фатторе
- 120 Евгения Зобнина *Море волнуется – три*
Перевод на итальянский язык Сары Ваккарини
- 136 Евфросиния Капустина *Бабушкин конкурс*
Перевод на итальянский язык Сары Черузо
- 146 Иветта Меликян *Глаза Модильяни и уши ван Гога*
Перевод на итальянский язык Джованни Полицци
- 157 Молодые итальянские переводчики
- 163 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 15
Conoscere Eurasia Edizioni

è stato stampato nel mese di agosto 2024
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (Verona), Italia
Direttore editoriale e letterario
Maria Pia Pagani
Curatore della parte russa
A. V. Jampol'skaja

Литературный альманах – Выпуск 15
Издательство «Познаём Евразию»

напечатано в августе 2024 года
Унидея, виа Казетте, 31
37024 Санта-Мария-ди-Неграр (Верона), Италия
Главный редактор
Мария Пиа Пагани
Редактор русской части
А. В. Ямпольская

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

Associazione
conoscere
Eurasia

*Литературный институт
им. А.М.Горького*

con il sostegno di

ГАЗПРОМБАНК
«Газпромбанк» (Акционерное общество)